

И. МОСЕСОВА
А. ОВНЯН

ВАНДАЛИЗМ В БАКУ

Официальные документы, свидетельства очевидцев,
другие материалы о трагических событиях 13—19
января 1990 года, сопровождаемые комментариями
авторов к ним

ЕРЕВАН, ГИТЕЛИК, 1991 Г.

Мосесова И., Овнанян А.
Вандализм в Баку.—Ер.: Гителик, 1991 г.—288 с.:

В книге на конкретном материале с помощью документальных свидетельств, воспоминаний очевидцев событий рассматриваются и анализируются трагические дни 13—19 января 1990 г. в Баку. Раскрыты механизмы подготовки и осуществления армянских погромов, их связь с аналогичными событиями в 1905 и 1918 годах.

М $\frac{0803010300}{711 (01) 1990}$ 26—90

ББК 66.5(2)

ISBN 5-8079-0118-5

© Мосесова И., Овнанян А. 1991.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Надо честно признать: мы несколько опоздали с изданием этой книги. Ее следовало писать сразу же, по свежим следам, когда первых, ни в чем неповинных людей, раненых и избитых, полуживых и одетых в Туркмении в чужое, изгнанных самым варварским способом из своих жилищ, спускали на носилках или под руку помогали ступить на родную армянскую землю по трапу самолета, прибывшего из Красноводска. Но тогда не было времени для размышлений. Уже позже пришли удивление, боль, гнев, желание разобраться в невиданной, четко спланированной и организованно исполненной акции вандализма и насилия, осуществленной в последнем десятилетии нашего просвещенного двадцатого века.

И где это произошло? Отнюдь не в глухом, отрезанном от мира и забытом богом населенном пункте, любой из жителей которого вправе оскорбиться таким сравнением. А в столице союзной, «широко шагающей» в период застоя, по мнению высоких экспертов, республики, руководители которой десятилетия назад возвестили всему миру о своем глубоком интернационализме. В Баку, объявленном городом «межнационального братства», соперничающим, как показал трагический опыт, в этих высоких идейно-нравственных «ценностях» разве что с «оплотом единения и трудового братства советского народа»—Сумгаитом.

Самолеты принимали беженцев в двух ереванских аэропортах «Звартноц» и «Эребуни». Сколько их было—рейсов жизни, милосердия и добра из небольшого города, с честью и достоинством вышедшего из нежданного испытания, которое на время смешало все планы и отодвинуло в сторону собственные проблемы и трудности? Не в этом суть. Главное—жители Красноводска показали себя людьми поступков, а не громких, красивых слов, которыми сейчас сыт по горло каждый советский человек. И сумели одеть, накормить, оказать первую необходимую медицинскую и другую помощь людям, повинным лишь в том, что они, армяне, имели несчастье жить, а многие из них и родиться—в Баку. Их сгоняли, словно скот, на паромы в количестве,

в четыре-пять раз превышающем возможности этого транспортного средства. Правда, в том было и доброе знамение. В январскую студеную ночь и в не менее холодный день таким образом легче согреться. В каюты же, по милости команды парома, попадали лишь те немногие, кто мог оплатить столь «комфортный» проезд после пристрастного досмотра на берегу «доблестных» молодчиков, именующих себя представителями народного фронта Азербайджана. Ведь ставки были немалые—от 25 до 150 рублей.

По иронии или гримасе судьбы бывшие бакинцы в эти трагические январские дни 1990 года продублировали на пароме последний путь 26 бакинских комиссаров. Исторические аналогии неизбежны. В ночь с 14 на 15 сентября 1918 года комиссары были освобождены из тюрьмы и вывезены в Красноводск пароходом «Туркмен». И тогда же в Баку начались трехдневная резня армян и двухмесячные зверства диких банд турецкой «Кавказской армии» Нури-паши, прекращенные прибытием 17 ноября английского отряда под командованием генерал-майора В. Томсона. Проводя аналогии, нельзя не видеть и разницы. Через 72 года в городе, считавшемся все эти десятилетия форпостом социалистической революции в Закавказье, семь длинных дней и ночей армянские погромы, резня профессионально проводились под зелено-белым мусаватским флагом. Без участия Нури-паши, азербайджанские последователи которого оставили в позорных актах насилия и вандализма далеко позади своего учителя и его турецкую армию.

Те далекие драматические дни документально, на основе детального, всеохватного исследования, проведенного анкетной комиссией при Бакинском Армянском Совете, описаны в книге Б. Ишханяна «Великие ужасы в городе Баку», изданной в 1920 году в Тифлисе. Там почти нет места эмоциям и публицистике, зато приводятся таблицы конкретных чисел жертв по улицам города с сопоставительным анализом и последующими выводами. Не вызывает сомнения, что в распоряжении автора находился огромный фактологический и цифровой материал.

В наш компьютерный век мы ничем подобным не располагаем. И если после сентябрьских событий 1918 года в Баку продолжал действовать городской армянский национальный Совет, оставалась весьма заметной армянская община, вносящая десятилетиями существенный вклад в благоденствие города, то после резни в январе

1990 года там с трудом найдешь одного, отдельно взятого армянина.

Свой труд Б. Ишханян назвал мартирологом трагедии армян. Спустя 70 лет мы можем с сожалением констатировать, что эта документальная книга не стала для нас ни настольным повествованием об ужасной трагедии, пережитой нашими предками, ни грозным предупреждением, что такое может повториться. Автор, по его собственному признанию, считал необходимым сделать предметом объективного анализа именно те события, которые «заботливо держались в тайне и остались неизвестными внешнему миру». Всё вернулось на круги своя, с той только поправкой на современность, что в наши девяностые годы в Баку проявлена самая тщательная забота о полном сокрытии того, что произошло.

Беспамятство в истории не прощается. Идеологические клише о дружбе, братстве и совместной борьбе народов Закавказья за установление Советской власти в крае, придуманные конъюнктурщиками от истории, поднятые на щит и растиражированные всей пропагандистской машиной, сделали невозможным серьезный, глубокий анализ противоречивых событий тех лет. Совместные научные конференции, помпезные симпозиумы, юбилей благополучно похоронили трехдневную резню армян в Баку. О ней, естественно, и не вспомнил автор девятой главы первого тома «Очерков истории Коммунистической партии Азербайджана (Баку, 1985 г.) академик Дж. Б. Гулиев. У него совместные художества турецких интервентов и мусаватистов выглядят весьма своеобразно и хрестоматийно-обобщенно: «Интервенты обрушили на трудовое население жестокие репрессии, а город подвергли страшному опустошению»!

Но бумеранг возвратился, и трехдневная резня через более чем семь десятилетий откликнулась семидневными погромами в том же городе. И сколько теперь ни называй Баку интернациональным, многонациональным, средоточием межнационального братства, и т. д... он таким уже никогда не станет. Виной тому историческое беспамятство, ставшее хронической болезнью.

Черный январь в Баку начался не в ночь с 19 на 20, как пытаются представить составители оперативно изданного одноименного сборника, а на семь дней раньше. Замалчивать это или интерпретировать события, как действия отдельных группировок экстремистского толка—зна-

чит вредить своему народу. Однажды, в Сумгаите, уже так поступили. И получили Баку. Точнее не получили, а организовали, сведя тем самым на нет свои же песнопения о его интернационализме.

Почему не захотели рассказать миру о событиях в Баку те, кто с высокой трибуны I съезда народных депутатов СССР априори авторитетно предсказывал их? Или те, кто последовательно вещал со страниц республиканских газет и телевизионных экранов о небеспредельности чувства добрососедства, интернационализма азербайджанского народа, тем самым подвигая неподготовленные умы на активную борьбу с армянами Баку?

Мы вернемся в книге к этим вопросам и постараемся дать на них свои ответы. И, может, есть позитивный момент в том, что наш труд выходит только сейчас, как мы уже сказали, с некоторым опозданием. Время позволило нам тщательнее выполнить свой профессиональный долг, встретиться с широким кругом людей, ввести в журналистский оборот больше официальных документов, создать некоторую ретроспективу для обобщающих выводов.

И наконец, время должно было помочь одной из нас придти в себя, свыкнуться с новым, необычным статусом беженки, путь к которому лежал через город, где родилась и выросла, где стоят и будут стоять дома, отстроенные дедом, где прошли десятилетия собственного журналистского труда. Невозможно привыкнуть к тому, что нет города, где родилась, что уже никогда на могилу родителей не положишь цветов. Не пройдешь до мелочи знакомой с детства центральной улицы, где толпа беспрепятственно громила точно выверенные и обреченные квартиры армян, где летели из окон домов люди и книги, а люстры и цветные телевизоры запикивались деловитыми подлецами в специально подогнанные для этих целей автофургоны. Все это было, было... И об этом должны узнать люди.

ВОКРУГ СОБЫТИЙ. ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ ИХ ВДОХНОВИТЕЛЕЙ.

Эти семь дней в Баку не потрясли мир только потому, что о них никто не узнал полной правды.

Ни в нашей стране, ни за ее рубежами. Люди вначале старались понять и осмыслить скупые, выбивающие из жизненного ритма строки информации ТАСС о том, что вечером 13 января в городе группами хулиганствующих элементов спровоцированы беспорядки и бесчинства, что произошли трагические события, имеются жертвы.

Ко всему привыкает человек: именно такими словами впоследствии начинались сообщения главного информатора страны о событиях в Новом Узене, Душанбе, Фергане, Оше. Горький опыт пришел позднее, а поначалу многие тщетно всматривались в быстро сменяющиеся кадры передач телевизионной службы новостей. Ничего, кроме одного, да и то прерванного видеосоюжета в «120 минутах» не увидели. Чуть позже объектив телеоператора «провел» нас по пустынным улицам города.

И это было подвигом. Человек с теле-, кино-, фотокамерой воспринимался в безумные январские дни на улицах «интернациональной» столицы соседней республики с такой же дикой злобой и слепой ненавистью, как любое лицо армянской национальности, вне зависимости от того, кому оно принадлежало: ребенку, женщине, старику. Более того, именно появление такого субъекта, пытавшегося запечатлеть происходящее, отворачивало на какое-то время беснующуюся толпу от любой жертвы или другого объекта.

В крайнем случае, силы распределялись. Так, к примеру, удалось избежать многих неприятностей корреспонденту одной из центральных газет: внимание везущих его в неизвестность молодчиков отвлеклось мародерством в мебельном магазине, в котором они, естественно, пожелали участвовать, оставив с заложником только водителя. Крепкому, бывалому репортеру удалось усыпить бдительность своего единственного стража, изнывающего от вынужденного отрыва от сотоварищей, и сбежать. Его вместе с дру-

гими московскими коллегами скрывали от разъяренной толпы на чердаках и в пустующих помещениях «Азеринформа», а затем переправили в расположение воинской части.

Повезло одиночкам. Разбивались «Никоны», «Кодаки», другая дорогостоящая аппаратура. Догнать и уничтожить отснятое—по такому принципу действовали. С умом и организовано. И сколько бы ни старались придать кровавым событиям в Баку стихийный характер, все происшедшее опровергает данный вывод. И чем больше стараний на этот счет, тем больше противоречий и полуправды, которая, как известно, хуже лжи.

Кто-то должен был услышать одного из первых комендантов особого района города Баку Тягунова, когда он еще в декабре 1988 года пытался по телевизору во время беседы «за круглым столом» рассказать о том, как у лжепатриотов своего народа, будущих азербайджанских вандалов, в палатках на площади Ленина после многомесячного митинга нашли не только огромные суммы денег, но подробный план-карту Баку со всеми обозначенными там и уже обреченными армянскими квартирами. Но его собеседники тогда грубо прервали. Зато по другую сторону экрана реакция была реалистичнее. «Мы пропали», «Мы-заложники», «Надо срочно убежать»,—делились друг с другом ранее малознакомые люди, как теперь принято говорить «армянской национальности». И что-то в этих целях предпринимали.

Выбор был небогат—или обменивать свои благоустроенные квартиры на деревенские дома в Армении с небольшой приплатой, либо изыскивать возможность платить уже астрономические суммы за равноценные, даже лучшие квартиры в Баку азербайджанцам, спокойно и благополучно отбывающим из Еревана и диктующим свои непомерные условия. Здесь, видимо, к месту будет констатировать, что ни тогда, ни потом—вплоть до конца декабря 1989 года—в Ереване не произошло насилия с отъезжающими или грабежа их имущества. Город сумел с честью и достоинством сохранить статус столицы.

Но речь не о тех армянах, которым, безусловно, на фоне последующих событий можно считать просто «посчастливилось» благополучно расстаться с «родным» городом. А о тех интеллигентах, что продолжали наивно верить в мифическое, глухим слепцом придуманное и широко растиражированное клише: «мы—бакинцы». Дольше всех верил или делал вид, что верит, в этот миф чемпион мира

по шахматам Г. Каспаров. На всех пресс-конференциях, во время летучих и серьезных интервью, устных и письменных выступлений он неустанно и последовательно называл себя бакинцем. Продолжал, как и прежде, заботиться о развитии шахмат и их пропаганде в Азербайджане, отдыхал в своей любимой Загульбе.

События в Нагорном Карабахе и вокруг него никак не повлияли на его творческие, чемпионские и гражданские планы. Он активно участвовал в придуманной А. Везировым компании компьютеризации республики не только как чемпион, но и на правах близкого родственника. Стараниями Г. Каспарова у Азербайджана были предпочтительнее по сравнению с другими регионами страны шансы на интересную туристическую поездку в город Пальма-де-Майорка, расположенный на испанском острове Майорка в Средиземном море, где в декабре 1989 года с его участием прошел один из трех отборочных турниров Кубка мира. Тем не менее чемпиона не минула чаша сия, хотя, как он высказался впоследствии в «Советском спорте», в его квартиру не ломились погромщики. После блестящей победы на Майорке ему пришлось-таки заняться непривычной проблемой вывоза из кровавого города родственников и близких. Они уехали на специальном самолете, даже с некоторым комфортом относительно других своих соотечественников, если можно применить это слово к обстоятельствам депортации армян из Баку. В дни, когда «доблестные» народнофронтовики контролировали любой рейс, давая «зеленую улицу» в Москву, в основном, спекулянтам с гвоздиками и своим эмиссарам. И тогда уже в газете «Уолл-стрит джорнэл» 29 марта чемпион впервые отказался от мифического «бакинец», выразившись точнее: «Я наполовину армянин, наполовину—еврей. Родился в Баку».

Это небольшое отступление нам понадобилось для того, чтобы еще и еще раз задаться вопросом: какой вред городу и народу, чьим именем названа республика, могли нанести или наносили армяне, живущие там? Откуда такая ненависть к ним?

Как ни пытаются сейчас обойти молчанием это обстоятельство, но оно было реальностью на протяжении нескольких десятилетий: армяне в Баку традиционно составляли значительную часть интеллигенции и высококвалифицированного рабочего класса города. И их даже в горячем бреду нельзя было назвать «экстремистами», «сепаратистами», как-то влияющими на ход карабахских со-

бытий. Целыми поколениями они вносили свою лепту в благоденствие города и республики. Радовались его успехам и наивно верили в свою гражданскую неприкосновенность, безопасность жилища, всего нажитого за долгую трудовую жизнь. По глупости, сейчас иначе и не скажешь, продолжали считать Баку своей родиной, на которой, по их мнению, с человеком ничего не могло случиться.

И что характерно: даже сейчас, в результате почти годового бездомного существования, к ним не пристала та оголтелая агрессивность, которая правила вандализмом «наиболее нестойкой» части беженцев из Армении. Никого из них даже при самом сильном нездоровом воображении не представишь с топором или железным прутком, занесенными над стариком, ребенком, женщиной. Они несравнимы—эти два беженских потока: ни обличем своим, ни духом, ни поведением. И тщетны попытки некоторых мастеров пера соседней республики облить грязью беженцев из Баку с целью вывести светлый, великомученический образ тех, во имя кого одновременно забылись бывшие сослуживцы, соседи, просто знакомые (не поворачивается рука писать «друзья»). Что стоит, например, такой пассаж: «Азербайджанские беженцы для столичных журналистов— нечто мифическое, существующее как бы в другом измерении. Они ведь не осаждают союзные министерства, не требуют расселить их по пансионатам Подмоскovie. А армяне из Баку...»² Здесь мы прервем цитату. Список прегрешений этих недобитых уникальным бакинским «интернационализмом» врагов Э. Ахундовой достаточно велик—на три газетные колонки. Интересно, кого из своих бывших коллег-армян, уволенных из «Бакинского рабочего», имела ввиду журналист, водя страстным обличительным пером по бумаге? В. Налбандова, Г. Погосова, В. Асрияна или других?

Что касается ее подзащитных, то образ этот далеко не мифический. Кто объявил миру, что в погромах и резне в Баку повинны «еразы» (и слово не нами придумано)? Правда, при этом им очень скоро была отведена роль детонаторов событий.

Детонаторы «без жилья, без работы, со все возрастающей злобой»³, или прямые убийцы, насильники, грабители, не брезгающие, как выяснилось, даже парой стоптанных домашних тапочек,—кому, как ни себе, и тем, кто их организовал, обязаны они сразу же после Сумгаита проясненным, уже далеко не мифическим для любого советского человека образом? Свою роль, безусловно, сыграла

и официальная пропагандистская машина республики, не захотевшая сказать ни тогда, в Сумгаите, ни потом, в Баку правду об истинных вдохновителях этой неустойчивой, в большинстве своем невоспитанной, необученной массы молодых людей, приученных таскать на рынок ящики (откуда и особая сноровка при погромах) выращенного в поте лица старшим поколением.

Вовсю старалась неформальная пресса. И тут надо отдать должное Вашему, Э. Ахундова, бывшему коллеге Н. Наджафову, своеобразно «наказанному» (для отчета в Москву) за национальный экстремизм. Переведенный с должности редактора молодежной газеты заведующим специально для него созданного отдела «Бакинского рабочего», он стал впоследствии одним из лидеров НФА и его газеты «Азербайджан», которую начали печатать на бумаге уже закрытого армянского «Коммуниста». Это издание, как и газета «Азадлыг» («Свобода» от кого?—И. М., А. О.), воинственно призывали—«дать отпор агрессору на каждом клочке земли, куда он вторгается, бороться за территориальную целостность республики, за честь своих сестер и матерей»⁴.

Тут сомнительны, по крайней мере, два обстоятельства. **Первое**—кто тот агрессор, который вторгся в Баку и кто, где, когда посягал там на честь и жизнь сестер и матерей коренного населения?

Второе—если такое где-то и случилось, то почему театр односторонних боевых действий развернулся именно в Баку, где из армян остались только ничем не защищенные наивно-идиллические люди или старики, которых уехавшие на поиск новых мест обитания дети или внуки пока не решились взять с собой в неизвестность. Правда, в этих старухах—«экстремистках» журналист центральной газеты, с подачи своих азербайджанских коллег усмотрел лишь сторожей зажиточных квартир. Что же, одна из нас, «экстремистски» дрожа ночами напролет от каждого звука на улице или во дворе, тоже сторожила свое богатство—библиотеку в пять тысяч томов и в свободное от бессонницы время продолжала работать, приносить какую-то пользу.

Обстановка тем временем обострялась с каждым днем. И хотя цель нашего исследования—семь дней января, их трагическая ткань из крови и насилия, нельзя обойти молчанием и не сказать хотя бы вкратце о тех вакханалии и безвластии, что им предшествовали. Семь дней имели основательное предисловие. Осуществлялась хорошо продуман-

ная и четко разработанная программа. Марионеточное руководство республики вело политические игры с реальной силой—народным фронтом.

Это прорывалось, естественно, и на экраны телевизора, где каждый мог лично слышать заискивающе-просительные вопросы Председателя Президиума Верховного Совета Э. Кафаровой к одному из лидеров НФА: «Этибар—музлим, поезда в понедельник будут ходить? Блокаду снимете?» Э. Мамедов во время этой беседы сидел в центре, а просительница—формально руководитель республики—сбоку и, улыбаясь, всё спрашивала и спрашивала.

Да и куда ей было деться? Накануне, по второй общесоюзной программе, на сессии Верховного Совета СССР, она бойко, голосом и интонацией комсомольской богини, как почти 30 лет назад на стадионе, во время приезда Н. С. Хрущева в Баку, заметившего и благословившего ее, торжественно обещала своим коллегам, народным депутатам СССР о том, что блокада будет снята. Таким образом, на карту было поставлено собственное благополучие равнодушной ко всему остальному пожизненной аппаратчицы. Она постоянно входила в административно-бюрократическую элиту, правда, никогда не занимала в ней столь высокой ступеньки, как при Везирове, своем давнишнем друге.

За это стоило держаться! И она продолжала просить Э. Мамедова, всячески стараясь, хоть сбоку, завоевать его политическое расположение. Надо отдать должное гордецу из народного фронта—ни перед телезрителями, ни перед должностной дамой он ни в чем не уронил своего достоинства: почти неподвижно сидящий в центре, еле заметно царственно кивал головой, выдвинув, естественно, свои условия и сроки снятия блокады.

Часто по телевизору показывали А. Везирова, не в пример лидерам народного фронта гримасничающего и размахивающего руками. Он грозил невидимому врагу, сжимал кулаки и, не жалея слов, повторяясь, забывая предыдущую мысль, лил нескончаемую патоку комплиментов и блестящих характеристик своему народу, стремясь всячески, любыми средствами ему понравиться. Но надежд на перемены оставалось все меньше, и непонятный, захлебывающийся, корявый поток его слов уже не воспринимался ни телезрителями, ни теми, с кем он лихорадочно встречался на полях, заводах, стройках, в научной и партийной среде. Исключение составлял, пожалуй, лишь первый, теперь уже бывший секретарь Бакинского горкома

партии М. Мамедов, вытщенный им из политического небытия. Он усердно кивал при каждом его слове, делал какие-то записи в раскрытом блокноте, что, видимо, тоже не без умысла демонстрировали телевизионщики.

Тем временем, на фоне катастрофически теряющего авторитет народа Чрезвычайного и Полномочного посла набирал политические дивиденды Г. Гасанов—способный выученик Г. Алиева, без него так и закончивший бы политическую карьеру на уровне комсомольских работников 60-х годов (сколько их—«комсомольских звезд» того времени погасло на алиевском небосклоне?). Может, правда, тому способствовало землячество с Г. Сеидовым, пост Председателя Совета Министров республики которого он занял после элегантного поражения А. Муталибову на альтернативных выборах первого секретаря ЦК на пленуме в Баку в ночь с 24 на 25 января. Но, думается, решающую роль в его взлете сыграли личные качества, так понравившиеся высокому благодетелю, выдвинувшему его на пост первого секретаря партийного комитета вначале одного из центральных районов Баку, затем второго города республики. Видимо, в память об этом газета «Вестник Гянджи» (впервые) опубликовала 20 января 1990 года текст его боевого выступления 8 января, о котором уже ходили устные легенды.

После перепечатки его в «Черном январе» мы и наши читатели вполне могут оценить мобилизующую, вдохновляющую силу следующих слов раскаяния по поводу «выжидания, затягивания во времени, внутривнутриреспубликанского умалчивания, разнузданной гласности союзной прессы, отрицания самого конфликта, политики уступок, политики волюнтаристских измышлений, необоснованного соглашательства, филантропического, одностороннего примиренчества». «Филантропы» и «соглашатели» услышали боевой клич.

Ночью, в канун погромов, на телевизионном экране появился со свитой другой герой нации с шести—или восьми-классным образованием—Н. Панахов. Ненависть, злоба, ничем не прикрытая агрессия—все было до боли знакомо и уже привычно. Новыми, неожиданными стали лишь рассуждения о Везирове, о том, что его, как руководителя, необходимо уважать, что называющие его «Везиряном» (один из любимых лозунгов толпы: «Обезьяна Везирян—вон!») являются врагами нации и т. д.

Не помог Везинову этот запоздалый альянс с теми,

кого он не признавал и считал юнцами, рвущимися к власти. Не помог...

Правда, 2 февраля 1990 года. А. Горюхов, В. Окулов: ... к концу второй декады января власть в Баку практически перешла в руки Народного фронта. Здание ЦК было блокировано, цоколь его, расписан оскорбительными надписями, подступы захлестнуты митингующими, над толпой вздымалась вверх символическая виселица, предназначенная, как можно догадаться, для руководителя компартии республики.

Его срочно вывезли в автобусе, в котором доставляли суп для охранявших здание ЦК, прямо в аэропорт. И он стал несколькими днями позже таким же беженцем, как и страстно ненавидимые им бакинские армяне. Алиевщина, на дилетантское (только лишь!) разоблачение которой он потратил столько громких, ненужных слов, как по телефону прямой связи (92-55-85!), так и на пленумах, собраниях активов, во время многочисленных встреч с представителями самых различных профессиональных групп и слоев, — алиевщина была отмщена и торжествовала. Что он успел? Раздать своим землякам и друзьям руководящие должности? Никому из них, кроме пока (надолго ли?) Э. Кафаровой, теперь не позавидуешь... Алиев повернул свой народ вспять, разделив его на «талантливых» политиков и ученых-нахичеванцев и всех остальных — «ленивых», «тупых», «не патриотов». Везиров, правда, менее последовательно, (Нагорный Карабах мешал, по его первоначальным словам, он держал за горло, связывал руки, ноги), чем его талантливый ортодоксальный предшественник, но продолжил начатое, проделав длинную рокировку «талантливых» и «тупых».

События развивались с молниеносной быстротой. В начале декабря единым шквалом прошли увольнения последнего потока армян. Фамилии наиболее строптивых или нерасторопных руководителей, которые с умыслом или без него не выполнили это важнейшее требование — вывешивали на специальных стендах перед официальной резиденцией народного фронта, на улице им. лейт. Шмидта. Как и фамилии тех единичных армян, которые еще продолжали работать в некоторых учреждениях, находящихся на балансе ЦК КП Азербайджана, КГБ республики. Для

подобных объявлений использовались даже старинные колонны здания некогда еврейской синагоги, объявленного несколько лет назад открытым, но так и не сумевшего распахнуть двери своего парадного хода театра песни Р. Бейбутова.

Остается только предположить, как повел бы себя в этой обстановке массового антиармянского психоза, а затем и вандализма в Баку уже умерший, известный всей стране и прошедший какую-то часть своей жизни в Армении, народный артист СССР Рашид (тогда Рафаэл) Бейбутов? Как академик, народный депутат СССР П. Азизбекова, которую с Арменией десятилетиями связывали совместные научные исследования, книги, друзья, участие в симпозиумах, приятно-познавательные поездки с обширной культурной программой и обязательным посещением озера Севан, не менее блистательными приемами у себя дома?

Все это, однако, не помешало ей в самом начале массивной антиармянской компании, в первых числах декабря уволить двух научных сотрудниц из Государственного музея истории Азербайджана. Вполне в ее стиле и совершенно уникальном умении — всегда вовремя и ловко уйти от любой ответственности — приказ об увольнении от занимаемой должности этих двух ни в чем не провинившихся как в служебном, так и в человеческом плане людей подписал ее заместитель.

Более строптивым, но с тем же конечным результатом оказался новый директор театра русской драмы им. С. Вургунна, народный артист М. Дадашев. Ему был предъявлен ультиматум и дан срок исполнения — два дня представителями народного фронта (так они себя с гордостью называли везде). Человек, произносивший со сцены трепетные, высокие слова героя пьесы Бабеля «Закат» о вечных моральных ценностях, добре, неприятию зла, тщетно пытался объяснить этим воинственным, ограниченным людям, что артист — безнационален, что он носитель духовного начала всех народов.

Свое получила и попытавшаяся защитить коллег главный режиссер театра Дж. Селимова. Честь и хвала ей за это! Не имея особых регалий и громкого имени, она оказалась просто хорошо и правильно воспитанной своей собственной мамой. «Кто такая?» — последовал вопрос. Уверения, что не армянка, не помогли: «Уволить, немедленно!» Не действовали слова директора о том, что он не правомочен увольнять главного режиссера, что это — прерогатива ми-

нистерства. Собеседникам, если можно назвать происходящее беседой, были чужды какие-либо сомнения, они произнесли категорическую фразу: «Министр приказ подпишет». Откуда такая уверенность? На чем она основана?

Диктатура подонков правила бал в Баку в преддверии семи дней. Жаловаться было некому и некуда. Ветеран войны, кавалер многих орденов, ветеран журналистики С. Хачатуров, которого в свое время быстро нашли и посадили в саду перед телевизионной камерой, чтобы он рассказал о своей счастливой, безоблачной жизни в интернациональном Баку, тщетно пытался позднее, в ноябре-декабре дозвониться до заведующего идеологическим отделом ЦК КП Азербайджана Р. Алиева (уже бывшего). Он хотел получить ответы на вопросы о массовой антиармянской агрессии в городе, узнать, в чем провинился, просить, наконец, защиты. Его упорно днями, неделями не соединяли с заведующим: «вышел», «занят», «на совещании», «у секретаря». Словом, был использован весь арсенал аппаратной бюрократии. Когда он, отчаявшись, выкрикнул в телефонную трубку: «Почему заведующий не хочет говорить со мной?», незамедлительно последовал ответ, вернее, совет секретарши идеологического «вождя» интернациональной республики: «Посмотрите в свой паспорт».

Что ж, смеем надеяться, что в точных науках Р. Алиев сейчас больше преуспел, нежели на коротком идеологическом небосклоне, где он лишь компьютерной техникой завалил отдел, слетал в зарубежные и иные командировки, стал член-корреспондентом республиканской Академии наук.

Можно поделиться и личными воспоминаниями. Армянская квартира одной из нас в центре Баку не составляла исключения—она была помечена знаком беды. Уже 1 декабря на площадке перед дверью собралось человек двадцать-тридцать из тех, кто не хотел и не мог работать, не хотел идти жить в специально отстроенные для них коттеджи в курортном месте. Выходцы из села, они стремились только в столицу. Еще бы: появилась вполне реальная возможность—обеспечить себе безбедную жизнь за счет нажитого чужими. Придет время, и большинство из них, не умеющих и не желающих трудиться в городских условиях, станут в городе постоянным очагом социальной напряженности. Однако, совсем не потому, что им «негде жить и работать», как пытаются представить себе сейчас некоторые журналисты на страницах центральной прессы (и квартиры захватили, и свободных рабочих мест в Баку

достаточно). Не станет работать с отдачей за 100—200, даже 300 рублей ежемесячной заработной платы тот, кто имел эти деньги за один день с нещадно эксплуатируемой армянской земли, втридорога продавая ее дары тем же армянам, за счет которых богател. Но это их проблемы. А тогда надо было спасаться. Как?

И. Мосесова:—Посоветовалась с компетентным человеком, сказала, что хочу за помощью обратиться к В. Г. Мамедову, первому секретарю райкома партии района имени 26 бакинских комиссаров, на территории которого находилась квартира. Давний, со студенческих лет мой знакомый, под руководством которого в бытность его секретарем Бакинского горкома партии часто приходилось в рабочей группе участвовать в подготовке различных сложных документов, выступлений, материалов к отчетам на городских партийных конференциях, наконец, народный депутат СССР, за которого и я, как избиратель, отдала свой голос. Он, как наивно казалось, отличался бескомпромиссностью, не выносил фальши, к людям относился по-доброму, в друзья себе выбирал тех, с кем, говоря его же словами, можно пойти в разведку. Все это быстро промелькнуло в испуганном мозгу и потому я назвала моему советчику именно эту фамилию. Последовал обескураживающий ответ (надо сказать, что человек, с кем я советовалась, всегда отличался очень конкретным, реалистически мыслящим складом ума, и в конце концов своим спасением с пожизненной благодарностью я обязана именно ему): «Что он может сделать? Милицонера поставить у твоей двери?». Последующие события показали, что в этих коротких, конкретных вопросах содержалась горькая правда. Но тогда, в безвыходном тупике я все же обратилась к народному избраннику. И поначалу всё оказалось гораздо лучше прогноза. Меня свели с начальником районного отделения внутренних дел, тот поделился телефоном, который, как выяснилось поз-

же, в самые страшные дни не отвечал или хронически был занят, и, поинтересовавшись, какая у меня дверь, посоветовал заменить ее железной.

Уже поздно вечером последовал звонок В. Мамедова. Он дал номер своего домашнего телефона и сказал, что в случае необходимости, они с супругой могут меня взять к себе. Это был его последний звонок. Гостеприимством я, естественно, не пользовалась, да и оно, чувствовалось, дальше кончика языка не распространялось. Но звонить в начальственный кабинет пришлось, ой, как пришлось, когда 13 января уже целая орда ломилась в дверь квартиры, где всё (и главное, книги!) еще стояло на своих местах, где не была упакована ни одна вещь. В этот день мне помощь уже не предлагали. Неизвестно, кого должен был жалеть и успокаивать. Телефонная трубка разрывалась от тревоги: «Всё горит! Что делается на Баилове! В городе погромы. Мы занимаемся этим!»

Да, в городе шли погромы. Эпицентр их был в самом сердце Баку, в районе имени 26 бакинских комиссаров. В том самом районе, где давно уже с балкона скинули бюст Шаумяна и наглухо закрыли двери его музея-квартиры, предполагая там открыть женское или какое-то другое отделение народного фронта (для войны с безоружными бакинцами-армянами не хватало помещений). В том районе, где расправились не только с Шаумяном, но и с Азизбековым, Зевиным, Фиолетовым. О любви к русскому народу тогда не вспоминали — конъюнктура не требовала. Как раз обратное — неорганизованные толпы и вполне организованные колонны демонстрантов определенно и недвусмысленно, устно — криком, печатно — лозунгами и плакатами, которые несли в руках, провозглашали: «Русский Иван, собирай свой чемодан!», «Смерть русским оккупантам! Долой русских проституток!»

Сейчас, естественно, можно от всего этого отказаться. Как и от того, что обзванивались все или почти все квартиры русских с требованием — немедленно убираться. Но это было. И с С. Кировым, И. Фиолетовым — мертвыми, боролась так же, как с мертвым Шаумяном, живыми ар-

мянами, своими современниками. Не щадили никого — ни того, кто принимал участие в строительстве города, ни ту, что среди заброшенных воинских захоронений в далеком украинском городе нашла могилу единственного сына Н. Нариманова — Наджафа и попросила назвать школу в Волновахе и улицу в Баку его именем. Эта небольшая улица Наджафа Нариманова — у ипподрома, ранее именуемая «1220», теперь так и называется. А человека, принесшего какую-то пользу и народу, и городу, избавив хотя бы одну его улицу от безобразного наименования — выгнали, как и всех, с работы и из города.

Армян, узнавая, избивали на улицах, в транспорте. Избивали тех, кто любил свой город, строил и украшал его своим умением и опытом. Тех, кто способствовал созданию и тиражированию доброго имени Баку. Людей били и убивали те, которых ничто, кроме желания превратить столицу в захудалое село, заставить город жить своими волчьими (да простят нас волки!) законами, с ним не связывало.

Власть находилась в руках этих, далеко не мифических, а вполне реальных, хорошо организованных людей, имевших возможность достать любую технику, заставить подчинить себе самого высокого чина в правоохранительных органах и руководителя любого ранга! Как мог изменить ситуацию первый секретарь горкома партии М. Мамедов, когда ему сообщили о том, что толпа беснуется у армянской церкви? Созвать еще одно совещание? Поднять на ноги милицию, все правоохранительные органы города и его районов? Ему оставалось лишь в бессильной злобе метаться в собственном комфортном кабинете, меж батареей телефонов, говоря, а точнее крича иногда в две-три трубки одновременно. Что он, наверное, и делал.

Милиционеров не надо было искать и собирать. Они все находились на виду у города и у той орды, что поставила Баку на колени. На виду, но очень своеобразно: в автобусах или другом легковом автотранспорте — служебных «Жигулях», даже «Волгах». Обычно где-нибудь неподалеку от места происшествия в роли сочувствующих наблюдателей. Именно сочувствующих, потому что при всяком другом отношении к происходящему они силой закона и своей профессиональной чести были обязаны вмешаться. Но не вмешивались.

У издательства ЦК КП Азербайджана «Коммунист» боевая кучка НФА, запретившая выпускать республиканские газеты, не пропустила в здание журналистов, полиграфистов и всех, кто причастен к этому процессу. Сидя-

щих в «Жигулях» у входа в здание на проспекте печати (бывш. ул. Авакяна—первого коменданта советского Баку) милиционеров было в три-четыре раза больше, чем тех, кто не пропускал людей. Но данная реальность не имела никакого значения.

Штрихом к коллективному портрету бакинской милиции этих дней является любопытное и одновременно ужасающее свидетельство Э. Мамедова, одного из лидеров, членов правления НФА на пресс-конференции в Москве: «Я лично был свидетелем того, как недалеко от железнодорожного вокзала убили двух армян, собралась толпа, их облили бензином и сожгли, а в двухстах метрах от этого находилась районное отделение милиции Насиминского района, и там было где-то около 400—500 солдат внутренних войск, которые на машине проезжали в 20-ти метрах от этих горевших трупов, и никто не предпринял попытки по оцеплению района и разгону толпы»⁵. Правда, описание этой кровавой, но, увы, типичной для Баку той поры картины понадобилось для последующего вывода: «Именно наши активисты НФА оцепили этот район и потребовали от районного отделения милиции разогнать толпу». Лицемерие и лживость этих слов будут ниже подтверждены документальными свидетельствами очевидцев событий, жертв армянского геноцида в Баку.

Аналогичная ситуация: милиционеры в переполненном автобусе, кстати, стоявшем прямо у здания райисполкома, на улице Узеира Гаджибекова, просто можно сказать охраняли варварское действие, когда с помощью желтого крана «Ивановец» толпа расправлялась со всеми скульптурными, горельефными изображениями бакинских комиссаров на одноименной площади. Эти «воители» с мертвыми под аплодисменты набежавших студентов АПИ имени В. И. Ленина—будущих педагогов с завидной сноровкой справились с делом. Кто знает, может, им помогали работники коммунальных и иных родственных служб города. Интересно, как в своей квартире по улице Зевина, неподалеку от происходящего чувствовала себя внучка одного из них—Мешади Азизбекова?

Враз эти «молодцы» расправились и с делом ее деда, и по сути со всеми написанными академиком П. Азизбековой трудами о тех, кого свергали с пьедесталов, на исследование жизни которых ушла научная, профессиональная жизнь историка. Но это ее народ, и потому она молчала, молчит и будет молчать. Попросят, лучше с гневным пафосом, вибрирующим от обуреваемых чувств голосом рас-

скажет об армянских экстремистах. А нет, так переключится на «белые пятна» из истории Бакинской коммуны, суть которых сейчас состоит в том, чтобы вылить побольше грязи на руководителя этой организации С. Шаумяна и его единомышленников.

Во всей своей политической неприглядности и профессиональном бессилии бакинская милиция проявилась в те три дня, когда фашиствующие варвары пытались разрушить армянскую церковь. Остановитесь, читатель, и помяните добрым словом ее строителей. Склоните голову перед этими неизвестными нам армянскими мастерами. Они вложили свою душу, умение, искусство, истинный профессионализм в прекрасное строение и оставили его потомкам. Они работали на совесть, и, думается, не стремились ничего унести со стройки домой. Расчет был мудр и прост: пусть церковь служит людям века! И она выстояла. Сломать дверь и войти подонки не смогли, несмотря на все свои старания. Это было стадо беснующихся животных—ничто не выдавало в них людей. С помощью кранов и другой «боевой» техники, на глазах у стражей правопорядка они демонстративно, в центре города, лезли в церковь через колокольню.

Страшная, незабываемая картина. Стоял рев гордости за содеянное—сверху летело все, что могло лететь: церковные книги и картины, кресты и иконы. Изнутри взвилось пламя костра—церковь пытались поджечь. А снаружи дикое племя (какой национальности были эти варвары, террористы и вандалы?), топтало иконы и заставляло испуганных прохожих (попробуй, не выполни приказа) проделывать то же самое. Вскоре на одной из стен, которые не хотели гореть и не горели, появились корявые большие буквы, намалеванные краской: «Туалет». Да простит нам Бог эти подробности, но о них должны знать люди. Слово в библейском сюжете, когда Моисей увидел, что терновый куст горит огнем, но не сгорает. Так и с церковью. Обесчещенная подонками, она продолжала стоять, словно сам Господь воззвал из горящего помещения: «не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая»⁶.

Обращение Патриарха-Католикоса Вазгена-1 председателю Совета по делам религии при Совете Министров СССР тов. Ю. Н. Христораднову.

Считаю своим долгом сообщить, что в последнее время участились случаи разрушения и осквернения армянских и исторических памятников в Азербай-

джанской ССР.

С болью в сердце сообщаю, что 25 декабря сего года экстремисты азербайджанской национальности подожгли армянскую церковь в г. Баку, в результате чего были уничтожены ценные церковные книги, иконы, все имущество храма.

От имени армянской церкви и верующих протестуем против этого святотатства и просим потребовать от соответствующих органов принять необходимые меры с тем, чтобы виновные были привлечены к ответственности»⁷.

Кого привлечь к ответственности?

Отдельных хулиганствующих элементов, как объявили официальные республиканские органы? Кстати, эти отдельные элементы заполнили в три дня «боевых» действий с церковью все близлежащие улицы Саратовца-Ефима, Горького, Азизбекова, сад Карла Маркса, (не знаем, успели ли их переименовать по второму кругу и как нарекли бывшие Колюбакинскую, Армянскую, Воронцовскую, сад Парапет), и еле разместились на них.

Смеем утверждать, что даже волос не упал с головы тех, кто из кабинетов, квартир и дач направлял вандализм толпы. Ведь только кажется, что в республике наступил плач по «сладкому» времени. Автор одноименной статьи в «Правде», доктор медицинских наук В. Эфендиев, рассказавший лишь небольшую часть политических и иных художеств времен «алиевщины», не может не знать, что многое там продолжается.

Г. Алиеву совершенно не к чему при его болезнях и возрасте занимать пост первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана. Он и без этих дополнительных трудностей имеет возможность, выражаясь фигурально, держать республику в собственном кармане. Со всеми теми людьми, которым в свое время помог войти в административно-бюрократическую элиту, достаточно стабильную по сей день и прекрасно действующую. Кто из них особо считался с комариными укусами его многословного оппонента-временщика? Даже фотоснимок к статье, видимо, не случайно опубликованной в «Правде» 4 февраля 1990 года вскоре после бакинских погромов и резни, подтверждает эту мысль.

Кто из изображенных на нем сподвижников Алиева, кроме почившего генсека, что-то потерял в этой жизни? Улыбающийся из под родного плеча могущественного зем-

ляка К. Рагимов? Он перелетел по служебной траектории из кресла первого секретаря Нахичеванского обкома партии министром просвещения республики, а когда наступило время новаций в высшей и средней школе, не захотел стать вторым лицом в новом министерстве и по собственному желанию, благодаря родственным связям теперь уже с Везириным, приземлился в журнал «Коммунист Азербайджана» главным редактором. Туда, откуда вознесли когда-то первым лицом в область, кандидатом в члены бюро ЦК КП Азербайджана. Теперь он выпускает это партийное, политическое и теоретическое издание не только на своем, как раньше, а на двух языках, одним из которых почти не владеет и на котором упорно не хочет разговаривать ни на летучках, ни на производственных и иных совещаниях. Разве в Москве заговорит, когда вызовут в командировку в «Коммунист»?

Или Д. П. Гулиев, тогда секретарь ЦК, затем возглавивший институт истории партии при ЦК КП Азербайджана, подписавший, не раздумывая, приказ об увольнении двух своих сотрудниц (естественно, на основании их же заявлений), не пожелав даже с ними встретиться, сказавшись больным в те страшные дни. Кстати, для сравнения: иначе поступил ректор (теперь уже бывший) Бакинской высшей партийной школы Т. Кочарли, даже в марте еще не уволивший заведующего кафедрой истории КПСС С. Г. Саркисова и выславший ему в Ереван зарплату за эти месяцы. Так что и в одинаковой ситуации можно было поступать по-разному, сообразуясь со своим нравственным кредо.

Мы вели подробный разговор лишь о людях со снимка. А сколько их, невидимых, в свое время благословенных всеильным, да и сейчас потерявшим власть не до такой степени, чтобы быть до конца разоблаченным—персональным пенсионером союзного значения? В камелеонстве, лицемерии, умении создать любой требуемый имидж нет равных этому человеку, способному плакать над гробом своей жены под кинокамеры и блокноты специально для этой цели ночью поднятых с постели и вызванных в Москву корреспондентов Азеринформа и Азтелерадио. И по сей день в республике довольно сильны целые земляческие и иные кланы, не потерявшие желания и, главное, возможности, выполнить его любую волю. Что можно предпринять без них, скажем, в республиканской Академии наук, где вся научная верхушка избрана по мановению его волшебной палочки? Выступать на собраниях, критико-

вать существующие порядки?

Все это мелочи по сравнению с монолитным сплочением во время прошлогодних выборов в президенты АН республики, когда пусть с минимальным перевесом, но все-таки избран не ведущий ученый, известный стране, а земляк, пребывающий на этой должности давно, но никак не сумевший доказать союзным коллегам свой выдающийся вклад в науку и быть избранным академиком АН СССР. Словом, как любит повторять знакомым в парикмахерских и иных присутственных местах, видимо, для широкого пространства, что мы и делаем, любимая сестра персонального пенсионера союзного значения Ш. Алиева: «Что с нами сделают? Мы—пирамида (слова обычно сопровождаются выразительным показом руками этого сооружения). Ну, вытащат один-два, наконец, десяток камней. Пирамида-то останется». Правда—за ней. Пирамида осталась. И говорить об отдельных хулиганствующих элементах, никем не руководимых и не объединенных, по меньшей мере, смешно и наивно.

Как смешно и наивно было квалифицировать действия трех сумгаитских убийц А. Ахмедова, Я. Джафарова, И. Исмаилова, совершенных якобы «из хулиганских побуждений», когда речь шла об изошренном, обдуманном бандитизме, иезуитских издевательствах над армянами, изнасиловании женщин, сожжении в кострах покалеченных и убитых.

В дни московского процесса над ними в Баку проходили массовые сборища с лозунгами «Слава сумгаитским героям!», к которым вскоре прибавился не менее выразительный «Верните нам Алиева!» Эти лозунги явились финальным, обобщающим аккордом тех, что по показаниям свидетелей на московском процессе азербайджанцев—М. Ильясова, Н. Теюбовой, С. Мирзоевой, Р. Адилова вдохновляли подонков вначале в Сумгаите, а затем и в Баку: «Мусульмане, укажите квартиры армян», «Смерть армянам, армяне здесь жить не будут!» «Да здравствует Азербайджан! Долой армян!», «Да здравствует Азербайджан! Братья! наших братьев, сестер убивают в Карабахе, будут и вас убивать».

В Сумгаите не захотели выявить организаторов резни и погромов. Хотя очень скоро стало ясно, что арестованными 90 юнцами и недорослями руководили те, кто два дня прикрывал их действия, позволив беспрепятственно убивать, грабить, насиловать. Об этом же говорила на московском процессе по делу троих убийц мать обвиняемого Джа-

фарова—Э. Джафарова, убежденная, что истинные организаторы бесчинств в Сумгаите не привлечены к ответственности и что ее сын стал слепым орудием в их руках. Та же мысль криком отчаяния вырвалась на процессе из уст потерявшей мужа в сумгаитской мясорубке К. Мелкумян: «Не может высший судебный орган нашей страны заниматься элементарной уголовщиной, каковой представляется эпизод сумгаитской трагедии в этом авторитетном здании».

Но ни Генеральный прокурор СССР А. Сухарев, своим упорным молчанием и нежеланием видеть очевидное «благословивший» вандализм в Баку, не ответивший на депутатский запрос, что же им сделано в порядке прокурорского надзора над сумгаитским делом, ни азербайджанский интеллигент, писатель М. Ибрагимбеков—не считали и не считают, что в этом «славном» городе Комсомольске-на-Каспии произошло нечто экстраординарное. В своем выступлении в Москве на заседании совета по межнациональным отношениям в журнале «Дружба народов», перепечатанном потом «Вышкой», писатель с профессиональным умением расщелкал армян, по всему миру распространяющих о его народе леденящие кровь истории, наиболее употребительными словами в лексиконе которых стали «геноцид» и «резня».

О Сумгаите талантливый писатель вспомнил буквально языком милицейских протоколов «Убито 26 армян», затем добавил «двое в Кировабаде, всего (подчеркнуто нами,—И. М., А. О.)—28. То есть масштабы происшедшей трагедии несоизмеримы с объявленной»⁸.

Мы не завидуем моральному самочувствию человека, совести народа, каковой является ее интеллигенция, автора первых честных книг, который смог за несколько месяцев до 13 января 1990 года утверждать, что укомплектовать в Баку «орду жаждущих крови» националистов или хотя бы роту не менее трудно, чем сколотить местную команду по хоккею на льду⁹. Какое потрясающее незнание потенциальных возможностей подонков, собравшихся к тому времени в городе и их могущественных вдохновителей, один из которых, не успев, по его личным воспоминаниям, посадить в тюрьму всемирно известного офтальмолога С. Федорова (как он изволил сообщить Л. Мкртчяну)—не хватило три(!) месяца, успешно расправился со своим собственным народом.

Нетрудно посчитать, сколько их, выходцев из Нахиче-

вани и близлежащих районов Армении, находится сейчас в верхних эшелонах власти? Или эта реальность архизанятому писателю неизвестна? Что, по его профессиональному разумению, успел Везиров, кроме неэстетичного размахивания руками по телевизору, сопровождаемого недержанием нелогичной, непоследовательной речи? Раздать новые должности близким себе людям? Но разве они, эти люди, включая и его с братом, были чужими Алиеву?

И, наконец, — об армянах, которые, как он изволил в запале выразиться, но потом хладнокровно оставил в печатном тексте, «ради куска земли с такой легкостью набросившись всем международным скопом, утопили в канализации своих соседей, которые никогда ничего плохого им не делали»¹⁰. В связи с этой оскорбительной аттестацией, которую, пусть если сможет, простит ему, кинорежиссер, выходец из Нагорного Карабаха Р. Балаян (не поворачивается язык назвать его их с братом ближайшим другом, хотя ранее, кажется, так считалось), хотелось бы остановиться, по крайней мере, на трех моментах.

Первый. Писатель совсем не знает ближайшей истории: в его благословенном, «многонациональном Баку, который всегда был одним из самых интернациональных городов мира»¹¹ — дважды, в 1905 и 1918 годах происходило нечто ужасное, что можно квалифицировать лишь не нравившимися ему словами «геноцид» и «резня». Об этом, при желании, он сможет подробно прочитать в следующей главе нашего повествования.

Второй. Чтобы понравиться подонкам, которых, как получается, и он тоже благословил на погромы, ему пришлось забыть и свое собственное, довольно трудное прошлое. Кто, представитель какого народа, облаченный идеологической властью, методически последовательно, в устной и письменной (печатной) форме, на всех мыслимых и немыслимых официальных мероприятиях, за чайным и иными столами, во время частных бесед топил его и брата в этой самой «канализации»? Не думаем, что память братьев так коротка: ведь годы и здоровье ушли на эту борьбу. А с помощью кого Ибрагимбековы из этой зловонной ямы взлетели прямо на белый конь удачи? И понес он их по городам и весям. Может, вспомним одну из представительниц того самого жуткого народа, от «гнусных» происков которого Ибрагимбеков-старший теперь оберегает все мировое сообщество? Если бы не доброе слово Мариетты Шагинян, сказанное во время приезда в Баку их будущему

покровителю Алиеву, и собственно, всей стране, в своем выступлении публично признавшей молодой талант обоих, — разве ушли бы в Лету все их тщетные попытки очиститься от нечистот, сброшенных тяжелой национальной, родной, не вражеской идеологической артиллерией?

И третье: совет. Братьям следует присмотреться к поведению своих коллег в экстремальных условиях. Безответственное отрицание зла, выдача необоснованных векселей — плохой способ защиты собственного народа, ничто, кроме вреда ему не приносящий. Кому понравился писатель после своей защитительной речи, на поверхности которой уже лежали противоречия, а также некая безнравственная двусмысленность (всего — 28 убитых)?!

Куда лучше было бы возвыситься до мужественного поступка Довлата Худоназарова. Узнав о событиях в родном Душанбе, будучи на кинофестивале в Западном Берлине, он не остался там, а срочно вылетел домой, вышел на площадь — в толпу, к людям, уговаривал, успокаивал, просил: «Если вам нужна чья-то жизнь, возьмите мою». И люди пошли за ним, и все закончилось мирным митингом. Такой поступок, естественно, вытекает из любви к своему народу не на словах, на деле. Из умения поставить его интересы, нужды и боль выше своих.

Смогли бы братья прервать свою заграничную командировку ради чрезвычайных событий в Баку? Те события, о которых один из них так красочно рассказывал на заседании Совета по межнациональным отношениям в Москве, по-нашему, не заставили его поступиться ничем личным. Не прервали, как стало известно из средств массовой информации, творческих планов младшего брата по написанию где-то в Италии сценария для Никиты Михалкова. Думается, и теперь, когда вместе с известным кинорежиссером под покровительством Внешторгиздата и Центра детского кино Р. Быкова он организовал студию «ТРИТЭ» (Творчество, Товарищество, Труд), для него Баку не перестанет видиться лишь наездами, из московского далёка. Ведь связанные с открытием действующих не на бумаге культурного центра, киношколы, актерской академии, театра, хлопоты никак не вписываются в будущее освобожденного от армян города. Словом, орда не только жаждущих крови, но и напившихся ее в Баку в эти семь дней, не могут поразить ум и сердце интеллигентного, цивилизованного человека — благополучно миновала их. Что же, пусть продолжают благоденствовать. И не держат в голове тех бывших знакомых, которые и их молчаливым нейт-

ралитетом оказались выброшенными из города, где по-прежнему нет и не может быть хоккейной команды, но уже свершились насилия и вандализм.

Куда честнее писательской оказалась позиция профессора, главного психиатра Баку А. Султанова, который в своей статье «Баку заболел» в «Бакинском рабочем» прямо спросил: «Неужели те, кто бил, сжигал и хулиганил, не думали о том, что придется за все отвечать?! Неужели им кажется, что со слезами оставленное добро принесет кому-то счастье? Никогда!»¹². Правда, и тут больше дилетантской риторики и патетики, нежели серьезного анализа. Признание в любви родному городу и призывы к его выздоровлению останутся тщетными при политике, нацеленной на сокрытие того, что произошло, на безнаказанность вандалов, насильников и грабителей.

Слепая ненависть, абсолютное отсутствие элементарной логики человека и гражданина, научная тенденциозность, способность заставить сотрудников института истории, где долгие годы работает заместителем директора, «батрачить» на себя с последующим выражением им благодарности, отличает составителя небольшого сборника чужих материалов «События вокруг НКАО в кривом зеркале фальсификаторов»¹³, член-корреспондента АН Азербайджанской ССР М. Исмаилова.

К этому примитивно-фальшивому изданию с множественными стилистическими и орфографическими ошибками мы еще вернемся. Пока хотелось бы остановиться на двух моментах. **Первый.** Как мог уважающий себя исследователь в качестве главного «научно-обоснованного» аргумента многократно апеллировать к эмоциональной, ничего, кроме злобы, не выражающей и никаким доказательством не подтвержденной сентенции: «Все сказанное — клевета». **Второй.** В девятистраничной брошюре пять раз (сс. 4, 29, 40, 45, 66) приводится безапелляционное утверждение о том, что сумгаитские события — дело рук армянских экстремистов.

Что это? Навязчивая бредовая паранойя? Даже в самом испорченном, ослепленном злобной ненавистью мозгу не смогла бы оформиться подобная дикая мысль. Собственно, рожденная буйной фантазией Буниятова, для составителя сборника она вторична, компилятивна. В ее популярной повторяемости заключена некая опасность для не очень любопытных и занятых своим проблемами людей. Однако, думается, даже самый непосвященный во все сложные переплетения взаимоотношений двух народов

простейшим умозаключением поймет, что не может народ сам себя резать даже во имя такой «высокой» цели, как желание испачкать соседей иной национальности. Но исходящему злобной желчью ученому сия простейшая истина недоступна.

Впрочем, одно «доказательство» своего бредового утверждения автор все-таки приводит во вступительной статье: «Организация сумгаитских событий является делом рук армянских экстремистов для очернения азербайджанского народа и облегчения отторжения НКАО. Иначе чем объяснить, что в первые же минуты начала сумгаитских событий тут же рядом оказались кинооператоры, которые сняли все увиденное на пленку. На следующий день эти пленки демонстрировались их зарубежными хозяевами по телевидению»¹⁴.

Следуя этой логике, позволительно спросить, чем можно объяснить фотоснимки, на уровне идеологических фотоплакатов в «Черном январе», профессионально выполненные азербайджанскими фотомастерами в момент ввода войск в Баку? Знали об этом, сами соучастники? И даже, на наш взгляд, слишком для убитых горем переусердствовали. Как в том безнравственном случае с фото непонятно кем убитой и почему-то раздетой (солдаты раздевали?) не только безымянной, но, очевидно, и совсем безродной девушки. Ведь ясно, что ни один из оставшихся в живых родственников не позволил бы подобным образом (мертвые сраму не имут?) сфотографировать близкого человека, даже убитого, и широко, действительно, во все страны мира, растиражировать снимок. Впрочем, на пути к намечанной цели оперативно задействованной пропагандистской машине все это, действительно, нипочем. Она проглотит, поставит на службу своим целям и не такое.

А написавший свое короткое вступление к сборнику чужих, тенденциозно подобранных материалов, пространные примечания к ним ученый не мог спрогнозировать предстоящие всего лишь через месяц после подписания к печати издания кровавые события в Баку 13—19 января? Не хватило полета мысли, исторического предвидения, чтобы понять значимость своего «программного» труда для убийц, насильников. Вряд ли они прочтут этот сборник, нацеленный на «мозговую» атаку русскоязычного читателя. Но они, естественно, уже знакомы с агрессивными, шитыми белыми нитками, топорно выполненными публикациями о «насилиях», злоупотреблениях, грабежах, убийствах в Армении в газетах «Коммунист» и особенно

«Азербайджан гянджляри».

С переводом и перепечаткой из последней полуграмотного опуса Г. Азизханлы о Г. Петояне он и вовсе перестарался. Сейчас, после всего случившегося в Баку это кажется просто насмешкой. Да и до событий не лучшим образом воспринималась вся эта безнравственная, сомнительная история, несмотря на обилие в ней фамилий свидетелей, очевидцев, знакомых, видимо, глубоко несчастного человека. Что за политические спекуляции, когда любые средства хороши в доказательство придуманной фальсификации. Интересно было бы услышать ответ бакинца, историка на вопрос: чем 13—19 января занимался изображенный автором печатной дешевки беженец из Армении, выпускник профтехучилища 1969 года рождения Шахверди Ахмедов? По словам лицемерного автора, погибший «как волна протеста против националистических притязаний разбился о берег жизни. Разбился, чтобы жить в сердцах людей доброй воли»¹⁵. Стоило ли этот мелкотравчатый бред переводить? Интересно, после получения гонорара за столь неприглядную фальшивку ее автор в каком уголке своего каменного сердца оставил несчастного армянина? Видимо, эти воспоминания особенно помогли ему не увидеть кровавых семи дней.

Интеллигенция Азербайджана, безусловно, несет полную ответственность за происшедшее в Баку. Объяснить убийства и погромы борьбой своего народа за территориальную целостность, независимость, желанием беженцев из Армении получить жилье и работу никак нельзя. Убивали и грабили ни в чем неповинных людей, с которыми тому же М. Исмайлову приходилось встречаться в коридорах института, в редакциях, наконец, за столами, торжественными и печальными, у своих близких знакомых.

На акты вандализма убийц и насильников напутствовала интеллигенция. В словах лучших ее представителей, составляющих цвет и гордость нации, с телевизионных экранов, газетных и журнальных страниц, звучал призыв к борьбе. Стихами и прозой, интонацией и жестами культивировалась агрессивная ненависть к самой незащищенной части нашего народа — бакинским армянам. К врачам, учителям, инженерам, рабочим, которые продолжали наивно верить в «интернационализм» Баку, не видя очевидного, что такого города уже попросту нет — ни большого, ни здорового.

Все вокруг кричало: «Убирайтесь! Освободите квартиры! Отдайте нажитое!», а они держались за все это, да еще

и за родительские гробы. Их били на улицах, в одиночку, в основном, стариков. Били фашистские молодчики, вдохновленные аморальными, жестокими словами Буниятова. Его непредсказуемые крайности, необузданность и вседозволенность широко известны не только в Баку. Разругавшись с коллегами, он мог сказать русским, демонстрируя всем не только соответствующий паспорт, ссылаясь на русскую мать, но и полное нежелание считать себя азербайджанцем. Последними словами мог при всех, опять же демонстративно! окатить коллегу-женщину.

Его в соответствии с политической конъюнктурой усердно демонстрируемая национальная гордость имела давнюю твердую основу — ненависть к армянам, ко всему, что с нами связано: историей, культурой, самобытностью.

Что в истоках этого сильного чувства? Желание замолчать непростительный грех молодости: первую жену-армянку и старшего сына — наполовину армянина? Неприученный подолгу заниматься за столом научной работой, поиском архивных документов, он тем не менее разрился облойкой статей, в которых науки было так же мало, как и простейшей способности к логическому мышлению, элементарной воспитанности.

Купаясь в собственной хорошестьи, он, путая и даже выдумывая сноски, номера описей, фондов архивов, докопался до «истинной», как ему казалось, фамилии руководителя Бакинской коммуны, назвал его Шаумовым (с удовольствием, не менее десятка раз в одной статье). Затем дал и вовсе смехотворные версии его возможной кончины или, наоборот, спасения ценой побега в Индию, куда на анонимную могилу, якобы, до сих пор ездят на поклонение армянские туристы.

Не стоит пересказывать весь этот бред. Можно ли ожидать чего-либо человеческого и научного от историка, способного упиваться открытиями типа того, что народная поэтесса соседней республики является дочерью дверного мастера, жена академика Сахарова имеет тщательно скрываемую (непонятно почему?) армянскую фамилию и якобы сомнительное прошлое, к тому же со ссылкой на мнение одного из палачей сталинского времени? Лучше, компетентнее нас ответила на весь этот злобный бред Н. Яковлева, получившего за него пощечину от академика А. Д. Сахарова, сама Е. Г. Боннэр в «Неве» своими подтвержденными документально воспоминаниями — «Постскриптум» (1990, №5, сс. 124—145). Буниятов, как всегда, и здесь выполнил роль всего лишь беззастенчивого плагиатора,

решив, что звезда Героя Советского Союза дает ему полное право воевать и в мирное время, особенно, с женщинами. Общепринятые нормы морали никогда не обременяли буйную голову «вояки» от науки, а теперь уже и от политики.

Нам известно, что А. Д. Сахаров и его супруга не сочли для себя возможным связываться с человеком подобным Буниятову, реагировать на его хулиганские выпады. Не сдержался Алесь Адамович, в «Московских новостях» корректно, словно боясь испачкаться об автора кухонных «новостей», коротко и ясно прокомментировал его откровения из газеты «Элм». Сообщения Буниятова имели, видимо, прямое отношение к значительным открытиям азербайджанской науки и заняли в одноименной многотиражке целый разворот.

Даже своих горячо любимых и всемерно вдохновляемых молодцев из народного фронта Буниятов успел вывести из себя разоблачительной статьей в «Бакинском рабочем». Со знанием дела автор публикации подробно рассказал о том, кто есть кто среди лидеров народного фронта. Нескольким опомнившись, Буниятов понял, куда завел собственный народ «пламенными» призывами, начал сетовать по поводу того, почему не заселяются беженцы в специально отстроенные для них дома в курортном месте, где бы даже лично он не отказался жить.

Теперь, естественно, понятно, чем «обездоленных» прельщал столичный город. Требовалось скорее сделать его себе подобным, заставить поменять былой облик. В чем они и преуспели, вдохновленные не только словами интеллигенции, но и ее сочувствующим молчанием. К тому же у них были хорошие, мобильные помощники.

В целях лучшего, максимально эффективного проведения всех этих гнусных, тщательно запланированных акций образовался также преступный тандем правоохранительных органов, «скорой помощи», жилищно-коммунальных служб. Этого слияния в мирное время для повседневных целей соблюдения и охраны общественного порядка никогда не мог добиться ни один руководитель, даже Алиев при всех его властности и деспотизме. Были амбиции, претензии, взаимные упреки, и каждый продолжал действовать словно лебедь, рак и щука, а тут такая слаженность. Во всем блеске и единстве действий работники этих жизненно важных подразделений, тесно связанных с людьми, показали свои недожиданные возможности и спо-

собности в трагические семь дней. Избитый до смерти считался получившим бытовую травму. С оттоптаннами пальцами рук и ног, переломанными ребрами и разбитым лицом человек умирал согласно выданному свидетельству о смерти от сердечно-сосудистой недостаточности.

Этот трагический перечень можно продолжить. Но, во-первых, нас ждет избранная тема, а во-вторых и в главных, нам не дано оперировать обобщающими цифрами и фактами—их никто не узнает. Мы можем назвать лишь некоторые, известные нам из бесед фамилии, имена убитых, избитых и покалеченных в ноябре, декабре и первой декаде нового года в своих подъездах, на улицах, в хлебном и других магазинах, в трамвае, автобусе, на подступах к рынку, у железнодорожного вокзала, на проспекте Ленина, на улицах Низами и Коммунистической... Остается лишь мечтать, чтобы кому-нибудь когда-нибудь пусть через десятилетия (ведь продолжают раскрываться и теперь преступления фашизма во II мировой войне), удалось узнать, сколько же армян скончалось в Баку по вполне мирным (не как в Сумгаите) причинам в последние два месяца 1989 года? Жаль, что уже не будет создан полный документальный мартиролог по Баку, аналогичный изданному в Ереване в конце 1989 года—«Сумгаит...Геноцид...Гласность?» И не потому, что об этом нечего сказать—жертв было не меньше. Просто принятыми соседней республикой мерами не наберется столько документальных свидетельств содеянного. Мы, да и, пожалуй, никто другой не располагаем даже неполным списком всех жертв бакинского геноцида. Многие до сих пор ищут своих безвестно пропавших родственников и знакомых. О них рассказ впереди.

А пока никто из тех, кто сейчас подозрительно горячо (опять запущена вся пропагандистская машина!) ратует за возвращение в Баку русскоязычного населения, никто не может сказать, где похоронены все жертвы погромов в Баку—армяне? Когда назовут всех их поименно? Кто обнародует истинное, а не мифическое число убитых?

Может быть, это делает Э. Кафарова—Председатель Президиума Верховного Совета республики, кандидат филологических наук, посвятившая свою диссертацию азербайджанской советской поэзии в русской критике, автор книг «Содружество литератур», «Нравственное воспитание трудящихся», экземпляры которых она дарит «в знак большой дружбы» армянке, знакомой с детских лет? (С со-

жалением надо признать, что обмен автографами был взаимным и тогда, по крайней мере, одной стороне казался искренним). Вспомнила ли она о ней в кровавые дни? Ведь надо было спасать, прежде всего, жизнь друга, а затем и достоинство, честь, не позволить ей быть выброшенной на растерзание толпы, тем более на соседней с собственным домом улице.

По прошествии дней четко видно, что сработал не знак большой дружбы, а знак равнодушия и полнейшей неспособности к состраданию. Не знаю, протянула ли она руку помощи другим своим школьным подругам-армянкам, которыми была окружена с детства в школе и дома. Дай-то, Бог... В этом случае хотелось бы быть пусть неприятным, но исключением.

Во всю мощь голос Председателя Президиума Верховного Совета республики зазвучал по радио и передавался через каждые 15—20 минут 20 января 1990 года, на следующий день после ввода в Баку войск. ЭТИ человеческие жертвы не позволили ей молчать. Заявление заканчивалось вполне определенно: «Азербайджанский народ никому не простит трагической гибели своих дочерей и сыновей».

Об этом узнал весь мир. Но он ничего не узнал о чувствах протеста или скорби, которые были бы естественным проявлением сути обыкновенной женщины при виде погромов квартир соседей, мимо которых пробегала еще девчонкой в школьной форме. Не говоря о поступках, которые следовало бы ожидать от облеченного властью официального лица. Но этого никто не дождался. И разбросанные по городам и весям дальние и близкие знакомые имеют, при желании «удовольствие» видеть без тени печали и какого-либо сомнения (смятения?) благостно улыбающееся, довольное лицо функционерши по телевизору, в дни фрагментарного показа по «Времени» репортажей с очередного пленума ЦК КП Азербайджана. Рассказывают, что в зале, где заседает парламент страны, она может громко бросить вслед кому-нибудь из проходящих народных депутатов СССР от Армении слово «экстремист». Что это—элементарная невоспитанность или желание любыми способами завоевать симпатии у депутации своей республики, тем более сейчас, когда ушел с политической арены главный покровитель?

Не менее громко звучал голос Э. Кафаровой на чрезвычайной сессии Верховного Совета республики, создан-

ной по инициативе трети депутатов 21 января 1990 года, в которой участвовали также представители народного фронта Азербайджана и других неформальных организаций при рассмотрении событий, начавшихся 19 января 1990 года. По мнению высокого собрания и его председателя многочисленные жертвы среди мирного населения города появились только в этот день и были связаны исключительно с вводом войск в Баку. А до этого получается просто ничего и не было. Можно ли ждать от республики какого-либо объективного освещения и анализа событий 13—19 января, если через два-три дня после них ее высший законодательный орган даже не счел нужным просто констатировать факты первых январских жертв?

Резня и погромы... Летящие с балконов живые люди-факелы и обугленные трупы на мостовой. Толпа, насилующая двух старых женщин, мать и дочь, прямо на перекрестке двух центральных улиц, под улюлюканье висящих на оконных (школьных!) решетках и деревьях свидетелей, превращающая своих жертвы в кровавое месиво ногами, железными прутьями, палками. И многое другое, что человеческий разум не способен понять...

ПО СТРАНИЦАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

«В лаконичном постановлении о возбуждении уголовного дела по массовым беспорядкам читаем: 13 января 1990 года после 17 часов толпа около 50 тысяч человек, вышедшая с митинга на площади им. Ленина, разделившись на группы, учинила погромы, разрушения, поджоги, насилия и убийства... Что за безымянная «толпа» громила и мародерствовала, насилвала и убивала старух?»

Выводы делать преждевременно, однако уже сегодня бросается в глаза одно обстоятельство: среди задержанных нет ни одного бакинца, все они выходцы из районов Армении, НКАО или из блокированной Нахичевани: «еразы»¹⁰.

«15 января в Баку погромы и нападения продолжают. Всего же в результате столкновений за последние трое суток, по предварительным данным, погибло 33 человека. Однако, эту цифру нельзя считать окончательной, поскольку в Баку проверены еще не все квартиры, где побывали погромщики...»¹¹.

«16 января в Баку были выявлены 64 погрома квартир, в которых проживали армяне... В Ленинском

районе столицы республики обнаружены четыре обгоревших трупа, которые пока не опознаны. За минувшие сутки были освобождены 30 армян-заложников»¹⁸.

«17 января в Баку совершено 45 погромов и поджогов жилых домов»¹⁹.

«Кто мог, например, оставаться равнодушным в те январские дни при известии, что в ходе армянских погромов в Баку разъяренная толпа разорвала в буквальном смысле слова человека на части и его останки были брошены в контейнер для мусора»²⁰.

«Это живому смерть страшна в любом обличье. Но умирающему под изощренными, медленными пытками смерть кажется неслыханным блаженством. «Они резали по кускам,—рассказывает мне женщина-азербайджанка о своем муже-армянине,— он кричал: «Убейте», и я, связанная, кричала: «Убейте, убейте скорее!» Просила убить мужа. Говорит она с гримасой, заменяющей плач. Никто из московских поклонников «бакинской революции», распространяющих фотографии несчастных, убитых при вводе войск в Баку, не набрался мужества взглянуть в глаза этой женщине. Никто из них не пошел в больницы, где умирают старики с отбитыми почками, женщина, изнасилованная до разрыва внутренностей. А ведь больница ближе, чем Баку»²¹.

«... После кровавых погромов, завершившихся 15 января уже при разных обстоятельствах, даже по официальным данным, было убито около полутора ста жителей Баку»²². (Эту цифру привел народный депутат СССР В. Челышев. Видимо, в силу своего статуса он имел право доступа к чрезвычайно секретным официальным данным. У нас нет выбора, и потому мы воспроизводим ее. Естественно, сюда не входят скончавшиеся от побоев и травм в больницах Еревана—И. М., А. О.)

«В Душанбе все было куда менее организовано, чем в Баку. Менее страшно и кровопролитно, чем в Фергане и Сумгаите»²³.

Уже после ввода войск в Баку, повлекшего за собой новые человеческие жертвы, с которых в соседней республике ведут отсчет трагическим событиям в январе, М. С. Горбачев, разъяряя необходимость этой акции, в выступлении по Центральному телевидению 24 января охарактери-

зовал происшедшее следующим образом: «Особенно трагический характер эти события приобрели в Баку: погромы, убийства, изгнание из своих жилищ за пределы республики ни в чем неповинных людей... Так дальше продолжаться не могло. Наряду с глубоким состраданием к невинным жертвам в стране нарастали гнев и возмущение преступными действиями, фактами жестокого насилия и вандализма, попрания законов»²⁴. И так, оценка событиям была дана, и слова, вынесенные в заголовок книги, повторяют ее.

Но войска опоздали. Все, что могло случиться—случилось. Военские подразделения в условиях вакханалии семи дней, связанные по рукам и ногам всевозможными законами и инструкциями, оказывали пострадавшим, если можно так выразиться, лишь косметическую помощь. И многие тогда задавались вопросом: почему так поздно? 15 января на Пушкинской площади впервые армяне-беженцы из Баку на митинге обратились к русскому народу с просьбой о помощи против погромов и резни.

18 января в Доме культуры на Волхонке в Москве состоялся организованный Московским городским обществом армянской культуры (МАКО) митинг протеста, где представители московской общественности выразили свое возмущение и тревогу по поводу погромов и других варварских акций против армян в Баку. Там адресовались вопросы участвующим на митинге официальным лицам—заведующему сектором межнациональных отношений МГК КПСС В. Кузенкову и сотруднику отдела межнациональных отношений МВД СССР, подполковнику Э. Рязанову—почему уже шестой день не объявляют чрезвычайного положения в Баку, почему не дается политическая оценка этим событиям, как в свое время Сумгаиту, почему бессильна гласность в данной ситуации—не непредсказуемой, а именно заранее предсказанной с трибуны I съезда народными депутатами СССР от Азербайджана?

Войска традиционно опаздывают туда, где льется кровь ни в чем неповинных людей. В этой связи хочется процитировать слова из статьи В. Старосельского «Кавказская драма», написанной в связи с армяно-азербайджанской резней на нефтяных промыслах Баку в феврале 1905 года и опубликованной в 1906 году: «Посылаемые во время (!) войсковые отряды обыкновенно прибывали на театр действий и приступали к прекращению резни тогда, когда участие их могло причинить мирной части населения

больше вреда, нежели пользы»²⁵. Комментарии, как говорится, излишни. Сейчас, спустя 84 года, эти слова звучат актуальнее написанных или сказанных сегодня.

Но вернемся в наши дни. События ввода войск и его последствия описаны в «Черном январе». И не вина, а беда его составителей в том, что это издание больше походит на рекламный проспект, нежели на книгу глубокой скорби. С такой готовностью, литературными изысками в предисловии и богатейшим фотоматериалом выплеснуть миру свое личное горе через две недели после случившегося! (сдано в набор 7 февраля)? Можно было, конечно, работать ночами: бригаде под квалифицированным, высоко-профессиональным руководством академика А. Ф. Дашдамирова не привыкать трудиться подобным образом. Но одно дело — во дни торжеств, приемов Л. И. Брежнева, подготовки статей Алиева в журналы «Вопросы философии», печально известного интервью «Пусть справедливость верх берет!» в «Литературной газете», проведения Всесоюзных научно-практических конференций по нравственному воспитанию, интернациональным и прочим традициям. А тут горе, когда законы всех народов предусмотрены тихие 40 дней поминования. Но очень торопились составители, пытаясь заставить мир забыть то, что предшествовало вводу войск. И получилось кощунственное смешение формы и темы.

В издании, отпечатанном на типографской бумаге №1 высокой печатью, с красно-бело-черной лакированной обложкой, несмотря на профессиональный подбор исполненных по высшему уровню траурных фотографий, нет места смятению чувств, настоящему горю, по крайней мере, со стороны его составителей. Хотелось бы также знать: где, в каких запасниках находились камеры бакинских фотомастеров Я. Халилова, Ф. Хайруллина, Ф. Рзазаде, М. Шарифова, О. Литвина и других 13—19 января? Их оставили равнодушными погромы, убийства бакинских армян? Или они были заранее информированы о строжайшем запрете на тему? Да, лишь «высокой» моралью и глубоким «интернационализмом» можно объяснить тот нонсенс, что в одном и том же городе одни трупы фотографировались с разных точек, и торжественно, как положено, предавались земле, другие — всего лишь неделей раньше — бесследно исчезали, или, расчлененные, запикивались в мусорные контейнеры, сжигались, топились в нечистотах...

Буклет (!?) «Трагедия длиной в два года» (фотохроника событий) без всяких натяжек и попыток что-то

скрыть выпущен как рекламный проспект, фотоальбом. Те же фотографии, что и в предыдущей книге, некоторые только в этом издании под разным ракурсом помещены дважды. Не можем указать страниц, ибо они в этом уникальном альбоме, хладнокровно расторгновывающем горе своего народа, не обозначены. Зато цена есть — 1 рубль, хотя, в основном, он, как и «Черный январь» стоимостью 2 рубля 50 копеек, эмиссарами республики вне нее раздавался бесплатно.

Читайте, смотрите! А чтобы не очень восстанавливать против себя т. н. «русскоязычное» население страны, а попросту русских в Москве, Ленинграде и других регионах, где живут азербайджанцы — везде в роли главного виновника событий выступает Армения. Вошедшие в город войска оказались, по авторитетному мнению составителей пропагандистского издания, опять же ведомыми «сатанинской» силой. Но эта песня стара: в Сумгаите армяне тоже сами себя резали, с этой целью был использован уголовник, который собственными руками убил пятерых армян. (Одни азербайджанские ученые остановились на цифре — четыре, другие утверждали — шесть).

Вообще, просматривается устойчивая тенденция: вытаскивать любыми средствами уголовников и других паразитирующих типов, которым уготована безнравственная миссия олицетворять армянский народ. Так и на одном из ранних митингов в Баку срочно обнаружилась армянка (паспорт демонстрировался всем собравшимся), которая громче других, чуть ли ни в одиночку призывала убивать... армян. А рядом стояли интернационалисты-азербайджанцы и, возмущаясь, ее разоблачили. Остается только догадываться, какими методами и в обещание за что заставили кликушу с площади исполнить свою провокаторскую роль.

Если вернуться к фотоальбому, то хотелось бы спросить редактора Т. Рашевскую и ее сына В. Корша, одного из составителей: не вспоминали ли они в процессе ударной работы над ним свою избитую азербайджанцем (одним ли?) в собственной квартире племянницу и двоюродную сестру? Ведь девочка, известно, пострадала лишь за то, что имела несчастье родиться у мамы-еврейки от папы-армянина. Или, может быть, этот вполне конкретный и частный случай тоже надо квалифицировать, говоря словами созданного при Вашем профессиональном участии буклета, как эфемерную «диверсию против перестройки» экстремистских сил?

Жаль, конечно, что у молодого журналиста В. Корша не нашлось слов сочувствия и гнева для описания всего, что творилось в Баку 13—19 января, хотя бы аналогичных тем, которыми он описал на основании официальных сводок произошедшее в селе Баганис-Айрым. Одно из двух: или не поступило заказа сверху на подобную информацию, или перспективного специалиста одной из древнейших профессий запротоколированное на бумаге способно взволновать больше увиденного собственными глазами. И последнее: поинтересовался ли В. Корш, какое количество азербайджанских «хатынцев» из этого села, так жалостливо им описанных, в январе бесчинствовало на улицах Баку? Вопрос, которым он озаглавил информацию «К чему приводит насилие?» скорее риторический, потому что ответ на него более чем ясен, направленность тенденциозна, а образ армянских «бандитов» весьма примитивен. Что ж, остается надеяться, что в Израиле, куда собирается отбыть молодой человек, ему профессионально больше повезет, и труд его там будет более свободным от политической и иной конъюнктуры, чем в испробованных в нашей стране инженерно-журналистских специальностях.

Поток ежедневных подстрекательских информационных, способствующих нагнетанию антиармянской истерии в Баку, буквально обрушил на голову своих читателей «Азеринформ». Опыт замалчивания и фальсификации событий, приобретенный после Сумгаита, помог и впоследствии в Баку не подать ни одного голоса в защиту своих земляков.

Что это? Вполне естественное желание уцелеть любым способом и не попасть в жуткую мясорубку семи дней, или усердно взлелеянная ненависть к тем, кто еще недавно числился, именно числился, а не был, как показало время, знакомым, товарищем, соседом? Неужели хоть один из авторов этих сообщений верил в их вину? И никто не пришел в ужас после напряженного рабочего дня от того, что именно на этих несчастных, а не эфемерных «армянских экстремистов» направлено острие усердно тиражируемой в республике идеологической агрессии, взятой на вооружение подонками? Или все связи враз оборвались, как у молодой, весьма перспективной сотрудницы, добравшейся в своем усердии почти до верхних эшелонов руководства этой почтенной организации, забывшей все и вся.

Ее сердце не дрогнуло и даже не остановилось на миг от страха за взрослого человека, который относился к ней с трепетной нежностью и учил ее не только азам журналис-

тики... Не возникло желания помочь, хоть как-то попытаться отвести несчастье, вмешаться в уже предрешенную судьбу? Не возникло...

Хочется, чтобы эти строки когда-нибудь попали ей на глаза. И пусть она, молодая, знает, что ее молчание и равнодушие в эти страшные дни расценено одной из нас жестче, чем действия тех, кто выбрасывал живых людей с балконов ее «интернационального» города, где, как правильно она когда-то сказала, готовя очередную публикацию, никто никогда специально, а не ради отчета на бумаге интернациональным воспитанием не занимался.

Они—подонки, и с ними все ясно. А тут вполне современная, умная, благополучная, нежная дочь, сестра, племянница, жена, мать, невестка, золовка. (Длинный список родственных связей необходим для характеристики ее полнокровной, ни в чем не ущербной жизни). И вдруг—предательство... Или есть у такого поведения другая аттестация, смягченная издержками «межнациональных отношений, конфликтов в регионе?» Нет, нет и тысячу раз нет! Дай Бог, чтобы это предательство было последним в жизни С. И еще: зло, как и добро, имеет тенденцию возвращаться к людям, его совершившим. А пока все идет наилучшим образом. И в жизни, и в труде. Вполне возможно, что среди награжденных сотрудников «Азеринформа» по случаю 70-летия этой фирмы есть и ее фамилия. Работоспособности там не занимать. Но это—не победа. Это—поражение. Это—предание забвению всего самого лучшего, что ребенку стараются с детства внушить в семье.

Удивляет полное нежелание видеть реалии, а также фальсификация оценок и событий, которыми проникнуты победные реликвии в духе лучших образцов застойного времени из юбилейного спича в адрес «Азеринформа», опубликованного в «Бакинском рабочем»: «Два последних года стали для азеринформовцев, как говорится, сверхтестом на политическую зрелость, гражданское мужество, патриотизм и интернационализм (!?!). Это было непростое испытание и журналисты агентства стремились с честью его выдержать, не утратив своих лучших традиций—всегда находиться на острие событий, с партийных позиций их оценивать, достоверно и оперативно описывать, доносить правду и только правду (подчеркнута нами,—И. М., А. О.) о событиях в регионе до общественности в республике, стране и за рубежом»²⁶.

Не кощунство ли это? И, самое главное, в данном на-

правлении, как того требует журналистский долг, предполагает и далее действовать директор «Азеринформа» А. Шарифов, стилю и методам которого в этом случае очень подойдут им же сказанные слова о том, что «определенного толка деятели из соседней республики умеют профессионально и системно производить дезинформацию в любых нужных им объемах»²⁷. О том, что случилось в Баку, он вспоминает в статье «А вертолеты все летают...», весьма своеобразно, опосредованно, через тех своих бывших знакомых, армян-бакинцев, которые, по его словам, поехали в Москву, с детьми, устраивали шумные пикеты перед правительственными зданиями и на столичных площадях, перед редакциями газет и иностранными посольствами, требовали справедливости, возвращения на родину, компенсации за сожженные дома и уничтоженное имущество.

Да, у тех, с кем, возможно, он с детства играл и учился в одной школе, работал в разных организациях, кто остался живым после вандализма в Баку, о которых он, конечно-же, ничего не помнит, был небольшой выбор. Они не стали убивать и грабить.

А. Шарифову: Они пошли искать правду. Не у вас же ее найдешь, если вы скорбите исключительно по поводу, якобы, невыданных трудовых сбережений из сберкасс своим подзащитным. А сколько денег из зарплаты на счета различных фондов, созданных для них в республике, перечисляли тогда еще невыгнанные со своих служебных мест армяне, вы посчитали? А обо всех отобранных и украденных у бывших бакинцев сберкнижках вам известно? Ведь небольшую, хотя и внушительную часть из них, найденных на кораблях Каспийского морского пароходства, освобожденных войсками от подонков, демонстрировали по телевидению. А вы интересовались, где находятся сберкнижки, другие ценности, для которых доблестные молодчики из народного фронта устанавливали специальные ящики у входа в кинотеатр «Шафаг», отобранные у ваших бывших земляков?

Оставим в стороне снежные перевалы, через которые бежали ваши подзащитные

после случившегося в Сумгаите, хотя это опять-таки далеко не адекватные акции. Те, бежавшие (вспомните кадры — кто их насиловал, раздевал, жег сигареты на теле?), все-таки добежали хотя бы до фотографа, который их очень умело сфотографировал, а потом и прибыли в республику. А где погибшие жертвы Сумгаита, известные нам? До какого фотографа изнасилованные, заживо сожженные, порезанные на куски, успели добежать? Или те бакинцы, о судьбе которых до сих пор никто ничего не знает.

Вам лично, как журналисту и человеку, адресован вопрос, хотя он уже был задан на страницах этой книги: где и кто захоронил этих людей? Может быть, займетесь журналистским поиском или снарядите в этих целях отряд руководимых Вами молодых информаторов? Ведь сколько бы обличительных статей вы ни писали, не сможет город Баку очиститься от той скверны, в которую его окунули «первые беженцы из Армении». И не потому, что во все адреса летят телеграммы о новом витке «геноцида», а зарубежные станции распространяют «сенсационные» сообщения! По-честному, разве может вас удивить любое из них, действительно самое сенсационное после того, что видели ваши собственные глаза на улицах города 13—19 января?

Очищение может произойти только при осознании вины перед теми, кто жил с Вами в одном городе, после того, как будут названы все умершие, указаны места их захоронения. И кивать тут на «наглую попытку перекроить карту республики» нечего. События в Баку, вандализм и насилие, там происшедшие, продолжение сумгаитской трагедии, можно заставить мир забыть только одним способом: сказать правду о каждой жертве! Вместо того, чтобы писать дышащие ненавистью статьи о

провокаторах из Армении, помогли бы лучше вашему московскому коллеге, надеемся, ничего плохого вам не сделавшему, не экстремисту, не террористу, политическому обозревателю «Советской культуры», бывшему бакинцу Г. Оганову, найти хотя бы семейный альбом, с дорогими ему фото-снимками родителей. Он находился в полностью разгромленной беженцами из Армении квартире его брата. Вам, надеемся, понятен смысл этой потери. А ведь она не самая трагическая из тех, что произошли с вашими бывшими земляками.

Ничего, у Вас сейчас новые земляки, и, дай Бог, вам с ними долгого добрососедства. А прошлое вычеркните из жизни. По крайней мере, все то, что связано с лютым, ненавидимым вами собирательным врагом—армянами, которым вы исхитрились приписать в той же «Вышке», спустя три дня после первой публикации, подписавшись уже псевдонимом, все случившееся в Баку. Не посмеются ли ваши внуки над выводом бывалого журналиста о том, что все это придумано армянами с целью начать очередную волну протеста с раздирающими душу криками о геноциде, которому подвергается «многострадальный армянский народ»?²⁸ На этом фоне полной слепоты и глухоты к событиям семи кровавых дней в Баку совсем уж смехотворным может показаться ваше напоминание о поведении людей в цивилизованном обществе. В каком? Где убивают и насилуют?

Надо сказать, что, во-первых, у А. Шарифова, давнего друга А. Везирова, им назначенного руководителем «Азербайджанской информации», есть причина особо стараться при смене власти, а, во-вторых, с сожалением констатировать, что он не одинок, а скорее выступает солистом в мощном хоре тех, кто все происшедшее в Баку при особом старании скрыть правду, приписывает Армении. Горячечный бред? Упражнения несмышленишей? Да нет, вполне официальная версия, которую четко сформулировал в статье «Ка-

рабахский кризис: «эффект» кадровой политики» кандидат исторических наук, бывший помощник А. Везирова, — Р. Агаев: «Руководству Азербайджана удалось обеспечить в течение двух лет безопасность большей части армянского населения. Бесчинства (!) января 1990 года и последовавший отток (!) были вызваны уже общей нездоровой обстановкой и возросшей агрессивностью армянского общенационального движения»²⁹. Оказывается, всего лишь долго-терпению и умелому организационно-политическому руководству власть предержавших везирических и иже с ним обязаны бакинцы тому, что их не убили, не выгнали, не ограбили раньше, два года назад, как только армянское население Нагорного Карабаха изъявило с помощью мирных демонстраций и митингов о своем национальном самоопределении.

«Мы не должны допустить очернения имени нашего народа. Кровопролитие не наш путь», — чего в этих словах обращения Бакинского горкома партии к бакинцам в день, когда еще шли погромы, больше — желания скрыть содеянное или лицемерия? Чей путь — кровопролитие, организованное и оставшееся безнаказанным в Сумгаите, а теперь повторившееся с еще большим размахом в столице?

Слова обращения, сопроводив его собственными комментариями, повторил по телевидению вечером 16 января первый секретарь Бакинского горкома партии, когда уже всю по улицам города гнали пешком или везли в автобусах к паромной переправе ограбленных, избитых людей, когда разбой проводился полностью под эгидой милиции, которая обязательно присутствовала во дворах и домах, где находились квартиры, помеченные знаком страшной беды. Случалось, они заходили в сопровождении грабителей в жилища под видом участия в акции «спасения» и депортации, спокойно взирая на действия подонков, даже подогревая их. Точнее, так происходило везде — и об этом расскажут ниже очевидцы событий.

А бюро ЦК Компартии Азербайджана боролось с хаосом привычными методами — проводило заседания. В соответствующем победительно-непререкаемом постановлении, выполненном привычным громяющим потоком заезженных в годы застоя стереотипов с поправкой на ситуацию, отмечалось: «В ходе беспорядков и бесчинств, спровоцированных в Баку 13 января произошли трагические события. От рук преступников погибли люди, главным образом — армяне, имеются десятки (!) раненых. Совершены по-

громы жилищ. Правоохранительными органами задержаны лица, подозреваемые в совершении актов насилия. Ведется расследование». И совсем уж риторически прозвучала дилетантская в кровавые дни сентенция «Посягательство на честь, достоинство и жизнь не может быть ничем оправдано, несовместимо с моралью, гуманистическими традициями азербайджанского народа»³⁰. О традициях поговорим позже. Лишь потому, что они стараниями услужливых историков и заказывающих соответствующую музыку политиков оказались похороненными, хорошо забытое старое показалось кому-то в январе 1990 годом новым. Но такое уже было, и об этом рассказ в следующей главе.

В умении похоронить правду некоторые деятели соседней республики—большие мастера. В этом же официальном документе ЦК говорилось о собраниях трудовых коллективов, на которых решительно осуждались действия преступных сил. Где это происходило? Какие трудовые коллективы в эти дни работали? А об осуждении действий преступных сил и говорить нечего—они в упор не замечались тогда, о них тем более не помнят и сейчас.

В таком же ключе проходил чрезвычайный пленум Бакинского горкома партии, в котором приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, ныне член Президентского Совета СССР Е. Примаков, секретарь ЦК КПСС А. Гиренко. Там были фразы поконкретнее: пришлось-таки констатировать акты насилия и вандализма, которые «позоряют честь и достоинство бакинцев, бросают тень на азербайджанский народ»³¹.

Все выступившие на пленуме партийные работники, ученые, ректоры вузов, рабочие в унисон больше и дольше всего говорили о первопричине случившегося—нерешенной проблеме НКАО, беженцах из Армении, нередко (язык партийного документа) озлобленных. Таким образом партийный актив волей-неволей оставлял в самые кровавые дни за подонками право на продолжение убийств! Тогда к чему эти беспочвенные призывы по пресечению всего лишь безответственных (так они квалифицировались собравшимися) действий. И такая поощрительная политика не замедлила дать свои результаты.

Из сообщения ТАСС: «19 января за истекшие сутки (именно те, во время которых проводились высокие собрания,—

И. М., А. О.), вновь имели место бесчинства и погромы, повлекшие за собой человеческие жертвы».

Лицемерие, желание скрыть правду, а сейчас, спустя полгода, и почти полное ее захоронение руководило политиками соседней республики в те страшные дни. Позднее наметилась тенденция—опережать возможные обвинения и действовать априори—постановлениями, решениями, информацией с пометкой ТАСС-Азеринформ, сочиненными в благословенном «интернациональном» городе. Все эти большие и малые документы проходили апробацию в тиши уютных кабинетов с видом на море. В здании, перед которым уже не собираются с угрозами и не возводят виселиц, где расположилось руководство, у которого, говоря словами первого секретаря ЦК КП Азербайджана А. Муталибова на пленуме ЦК КПСС 6 февраля 1990 года, теперь велик стыд за проявленную беспомощность. По праву оратор взял часть вины на себя.

А как обстоит дело с обвинением-выпадом в его адрес Г. Гасанова, точнее популистским демаршем неэкономического, дилетантско-риторического толка? Вывод, безусловно, имел цель завоевать слушательские симпатии на собрании партийно-хозяйственного актива 8 января в Баку: «Ежегодно полтора-два миллиарда рублей нашего национального дохода безвозмездно уходят за пределы республики, а безответственные лица в Госплане СССР и Госплане Азербайджанской ССР (подчеркнуто нами—И. М., А. О.) относятся к этому явлению безразлично и халатно»³². Кого кормит годами, десятилетиями соседняя республика? Может, Россию? Или Украину с Белоруссией?

Однако, вернемся к наметившейся тенденции—опережать события и покажем ее роль и значение на одном примере. Здесь уже велась речь о «славной» бакинской милиции, с конкретными примерами «интернационализма и верного служения закону» которой читателю еще предстоит познакомиться. Так вот, думаете, она осталась безнаказанной? Ошибаетесь. 10 марта Бюро ЦК КП Азербайджана рассмотрело этот вопрос. Был заменен министр внутренних дел А. Мамедов другим, более достойным М. Асадовым из алиевской гвардии. Под его председательством в мае состоялось расширенное заседание коллегии МВД республики, обсудившее причины серьезных недостатков в работе аппарата министерства, органов и подразделений внутренних дел по обеспечению правопорядка и

законности, рассмотрены меры по их преодолению в свете вышеупомянутого постановления.

Как говорят в народе, каждой сестре досталось по серьге. Розданы выговоры, строгие и простые, указания и пр. Начала по традиции подбираться новая команда руководителей правоохранительных органов. Принцип раздачи наказаний совершенно непонятен. Неужели в Наримановском районе было меньше погромов, вандализма и насилия, чем в Насиминском, где полковник милиции В. Адыгезалов освобожден от занимаемой должности, а его коллега в соседнем районе В. Новрузов получил всего лишь строгий выговор и совсем обойденными вниманием в постановлении оказались руководители этой службы в районах—Октябрьском, имени 26 бакинских комиссаров. Впрочем, все равно они будут впоследствии заменены, если уже этого не случилось. Новое партийное руководство города и районов, Министерства позаботится об этом. Главное—наказание последовало, и пусть теперь кто-нибудь скажет о непринятых мерах.

Скажем. Ибо никого и ничему не могут и не могли научить обтекаемые, наверняка, отшлифованные крепкой высокопрофессиональной рукой А. Ф. Дашдамирова фразы информации Азеринформа о состоявшемся заседании. Они были такими же при Г. Алиеве, при К. Багирове, что касается лишь этой сферы и национальных отношений—при А. Везирове.

Вот несколько образчиков партийной публицистики из информации: «... в МВД республики укоренились недостатки в кадровой политике, воспитании, обучении сотрудников, которые повлекли резкое снижение боеспособности личного состава, привели к его морально-психологическому надлому, оторванности от трудовых коллективов, общественности...

...Руководители подразделений не уделяют достаточного внимания вопросам готовности личного состава к работе в условиях расширяющейся демократии и гласности, формирования правового государства, выработке у сотрудников профессиональных навыков...»³³

Думается, хватит. Быть может, А. Дашдамиров, не юрист по образованию, возглавивший при А. Везирове государственно-правовой отдел, получивший новый статус у нынешнего руководства, действительно, не видел того, что творилось в Баку 13—19 января? Ведь 12 января он вместе с другими официальными лицами спасал Советскую власть в Ленкорани и там мог задержаться. Но разве ему никто по этим событиям не представил материала, подобного тому, что лег в основу «Черного января» и повторился в фотобуклете? Могли же родственники и знакомые рассказать. Наконец, официальные сводки на столе у партийного функционера такого ранга? Сожженные трупы, разоренные погромами квартиры—неужели вся эта жуткая конкретика не позволила ему спуститься с высот философского видения и мышления, отойти от конъюнктурных пассажей типа: «Как воздух нужна нам демократия, которая укрепляет устои общества, защищает честь и достоинство народа, позволяет достигать общенационального консенсуса, межнационального добрососедства?»³⁴.

Вместо твердого, ясного, четкого понимания ученым и гражданином трагизма кровавых семи дней в Баку—сплошные сомнения: «Многое остается еще невыясненным—как это произошло, какие силы являлись организаторами погромов в Баку, в каких целях и чьих интересах совершались преступные действия»³⁵. В этих самообличительных словах из вступительной статьи А. Дашдамирова к сборнику «Черный январь» волей-неволей проявлены суть, жизненная и научная позиция одного из ведущих специалистов страны по национальным отношениям, заведших ее в тупик меж-национальных конфликтов, председателя республиканской комиссии Верховного Совета по этим проблемам.

Для характеристики же политика, вошедшего в административно-бюрократическую элиту по пропуску, выданному Г. Алиевым, не надо искать новых слов. Они на поверхности, в той же вступительной статье к «Черному январю». Эти ядовитые стрелы, пущенные в адрес националистов, сепаратистов Армении, Нагорного Карабаха, а также бывшего руководства республики (будто он не входил в последнее), можно однозначно возвратить самому автору. Прекрасная терминология, тут ничего более точного для создания полного имиджа ученого-политика не придумаешь. Вот этот набор: «политическое фарисейство», «разрыв между правильными заявлениями и решениями и практическими делами», «в день нынешний перекочевало многое из

нашего политического прошлого», «низкая политическая культура», «амбициозность, нетерпеливость одних, открытое стремление использовать обстановку в личных интересах — других, и неспособность к диалогу, плюрализму третьих». Все это, действительно, сыграло крайне отрицательную роль. И в создавшейся ситуации, а мы ведем речь о погромах и убийствах в Баку, не последний стимулирующий фактор — молчаливое соглашательство А. Дашдамирова, блестяще умеющего любую неприглядную акцию упаковать в красиво сверкающую гирлянду слов и новомодных стилистических изысков.

Думается, не без его участия преодолен теперь, спустя полгода после событий, главный барьер, по мнению политика — «манипулирование союзной прессой общественным мнением, формирование ею негативного отношения к Азербайджану». Такого не было, хотя у нас нет особого повода защищать союзную прессу и предостаточно претензий к ней, твердо соблюдающей безнравственный паритет в подаче новостей в регионе, а в последнее время напрямую ведущей информационную агрессию против Армении, но на первых порах ее представители, посланные в соседнюю республику по свежим следам, ошеломленные происходящим, действительно пытались рассказать миру правду. И это считалось очернительством, происком националистических группировок.

Теперь данная задача — проблема, сдается нам, решена. Информации страна получает лишь о вооруженных боевиках Армении. И путь к окончательному взаимопониманию лежит в таких, с позволения сказать, мелочах, как избрание от республики делегатом XXVIII съезда КПСС Генерального директора ТАСС Л. Кравченко.

Вспомнил ли он, что лишь полгода назад в городе, похвалившем его на съезде, лилась кровь армян, о которой делегаты республиканского партийного съезда не без помощи возглавляемой им информационной службы, постарались заставить весь мир забыть?

Сегодня многие не хотят вспоминать событий тех дней. Даже пострадавшие. С вопросом-утверждением: «Что это даст?», «Кто прочитает?» иные даже отказывались говорить с нами. Парадоксально, но факт: многие начинали говорить после знакомства с «Черным январем». Это издание, спекулирующее на горе своего народа, демонстрирующее полный, удивительно быстрый (через две недели!), бесповоротный отказ от своих недавних земляков, заставило многих

бакинских армян вспоминать, плакать, принимать лекарства, снова говорить с простой просьбой: «Пишите, пишите, это надо...»

Надо. И мы начали писать. Но вначале немного истории. Ведь недаром сведущие люди говорят, что именно в ней, истории, можно найти ответы на все возникающие вопросы. Попытаемся и мы пойти этим, к сожалению, забытым многими лжепатриотами, конъюнктурщиками от политики и науки, путем.

ЖИВАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН, ИЛИ ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ.

Противоречие вынесенных в заголовок сентенций очевидно. Ведь не может быть живой связи времен там, где старое хорошо забыто. Тем не менее парадоксальность кровавых семи дней в Баку состоит в том, что в них сочетается, казалось бы, несочетаемое. С одной стороны, четко прослеживается живая связь с событиями во время резни армян в Баку в 1905, 1918 и 1990 годах. Правда, первая несколько отличается от двух последних. С другой стороны, взаимосвязанные, они составляют однопорядковые звенья единой цепи, преданные забвению. И, кстати, последнее звено, пока не старое, как первые два, но уже всего через полгода хорошо забытое.

Еще Вольтер говорил об истории как о лжи, по поводу которой договорились между собой историки. Пожалуй, советские историки преуспели в этом. Они оставили далеко позади себя зарубежных коллег в умении создавать в соответствии с политической и иной конъюнктурой различные мифы. Особенно те, что были необходимы Сталину и идущим за ним руководителям страны и правящей партии.

Одним из самых расхожих оказался миф об интернационализме многонационального Баку, который усиленно муссировался местной властью. М. Д. Багиров возвел в ранг официальной политики это жонглерское манипулирование терминами «многонациональный» и «интернациональный», необоснованную, неоднозначную замену одного другим. За этим фасадом любыми способами и средствами национализировались ключевые посты в руководстве республики. В этом смысле ему досталось 10 декабря 1933 года «тяжелое наследство». Почти 13 лет — с 24 октября 1920 года даже первыми (или как тогда считалось подписывающими протоколы бюро ЦК) секретарями ЦК

АКП(б) были Г. Каминский, С. Киров, Н. Гикало, В. Полонский, за исключением трех лет (1926—1929 гг.) исполнения этих функций А. Г. Караевым.

Бразды правления Багиров принял у Мкртычяна Р. Е., отозванного из Баку в распоряжение ЦК ВКП(б), известного в партии больше, как Рубен Р. Т. Кстати, о нем в республике забыли давно. Даже в богатейшей библиотеке института истории партии при ЦК КП Азербайджана, ее картотеке, умело подобранной энтузиастами своего дела, фанатично ему преданными, ныне покойными Т. Газиян, Н. Мангасаровой, — содержатся весьма скудные сведения о человеке, пребывавшем на посту лидера республиканской компартии десять месяцев. Впрочем, такое умолчание вполне традиционно и органично вписывается в комплекс «интернационализма» ученых республики. Ведь там даже не издана брошюра об известном соратнике Ленина, интереснейшем большевике Славе Каспарове. Но это уже из области лирики, а если вернуться к прозе жизни, то необходимо отметить, что проводил Багиров азербайджанизацию осторожно, с оглядкой на центр. При нем еще могли быть армяне — наркомы, секретарь Бакинского горкома партии, заведующие отделами и инструкторы ЦК Компартии.

В умении внешне раскрасить этот гнилой изнутри плод вымысла о некоем интернационализме, Г. Алиев оставил далеко позади своего предшественника, бериевско-сталинского сатрапа. Брежневский же верноподанный «переплюнул» всех, до него власть предрежащих, в политике тотальной, агрессивной азербайджанизации Баку, а также партийного, административно-хозяйственного, идеологического руководства всей республики, не говоря уже о научной, культурной сферах. Так и случилось, что в партийной организации города, становой хребет которой еще недавно составляли русские и армяне, перестали даже принимать армян в партию, а приток русских сдерживался весьма жестким процентом. Особенно в этом отношении старался алиевский земляк Х. Халилов, которому тот доверил в свою бытность пост первого секретаря партийного комитета одного из центральных районов города.

На базе этого райкома в начале века формировался Бакинский горком партии. Весной 1901 года именно здесь начал работать организационный центр по координации деятельности социал-демократических кружков, пропагандистской и агитационной работы, впоследствии ставший Бакинским комитетом РСДРП, куда входили Б. М. Кнун-

янц, М. Г. Меликян, и др. Б. М. Кнунянц, как известно, представлял Бакинский комитет на II съезде РСДРП. Этот экскурс в революционное прошлое нам понадобился, чтобы прояснить истоки того, что вначале было реальностью, а впоследствии превратилось в миф.

У каждого города свое самобытное начало. Не исключение составляет и Баку. Его уникальность была predeterminedена вначале географическим положением на пересечении торговых дорог, выходом к морю, а затем и развитием здесь с 70-х годов прошлого века нефтяной промышленности. Торговый Баку с населением в 2500 человек в 1806-м. и 7400 жителями в 1850 годах, в первой половине XIX века занимал одно из последних мест в экономике края, был совершенно незаметным уездным городком. Но вскоре удивительно быстрыми темпами он оставил позади себя такие процветающие, поначалу с вдвое-втрое большим населением города, как Шемаха, Нуха, Шуша, Елисаветполь (Гянджа), Ленкорань.

В расцвет города, его благоденствие вносила свой вклад армянская община. У нее были крепкие позиции в торговом и нефтяном деле, серьезные преимущества в таких общественных учреждениях, как дума, банки. Наконец, традиционно весьма заметным монолитом выступала она в рядах интеллигенции, ее творческого, научно-технического крыла.

Подтверждает сказанное недавно опубликованный историками республики интереснейший документ³⁶ — копия протокола заседания армянской колонии в Баку, адресованного руководству американской военной миссии на Ближнем Востоке Джемсу Харборду и посланного дипломатическому представителю Армении в Грузии, крупному армянскому промышленнику И. Л. Маилову 27 октября 1919 года: «Пионером нефтяной промышленности в Бакинском районе был армянин И. Мирзоев, поставивший первую буровую в 1869 году. На первых больших торгах на отдачу нефтяных участков под эксплуатацию (1872 г.) из 20 больших групп нефтеносных участков за армянами осталось 11 групп, за русскими — 9, и армянин И. Мирзоев из всей выручки казны в 3 млн. рублей один внес 1.087.000 рублей. Впервые к рациональной промышленной деятельности по добычанию нефти на Апшеронском полуострове приступили армянские фирмы: Мирзоева, Лианозова, «Халафи», «Соучастники», «Масис», (смешанные, — И. М., А. О.) «Тагиев и Саркисян» и другие, первые фонтаны на Апшеронском

полуострове, выбросившие нефть с глубины 18 саженей (1873 г.) принадлежали армянской компании «Халафи». Один из первых керосиновых заводов, открытых впервые в 1863 г., принадлежал армянину Д. Меликову. Вскоре после 1872 года параллельно с нефтедобыванием, стало развиваться и керосино-заводское дело, причем образованному армянину Тавризову принадлежит заслуга открытия непрерывной перегонки нефти и получения керосина и нефтяных остатков.

С появлением на Апшероне Л. Э. Нобеля нефтяная промышленность из почти кустарного промысла принимает форму и размер капиталистического хозяйства: появляются по образцу американских — нефtezаводы, наливные суда, механические заводы и бурение, большие керосино-масляные заводы и т. д.

Армянские небольшие фирмы немедленно обзаводятся этими атрибутами крупных нефтепромышленных фирм, добывая и перерабатывая от 45 до 55 процентов всей добываемой нефти... К числу таких фирм принадлежали и принадлежат «Общество Манташев и К⁰», «Каспийское Т-о (Бр. Гукасовы)», «Т-о Бр. Мирзоевы», «Г. М. Лианозова С-ья», «Питоев и К⁰», «Г. М. Арафелов и К⁰», «А. Цатуров», «О-во Арамазд», «Арало-Каспийское общество», «Астхик», «Сюник», «Арарат», «Масис» и много других. Фирма «Манташев и К⁰» как наливом на своих собственных судах, так и в бидонах экспортировала свои продукты — керосин и смазочные масла в европейские, африканские и азиатские порты, вплоть до Индии... В 1890 году из годовой добычи в 226 миллионов пудов добывалось: 46% — армянами, 47,3% русскими, европейцами; 6,7% — другими кавказскими народами. «В 1917 году из добычи в 368 миллионов пудов 53% принадлежало армянским фирмам... Число нефте- и водопроводов в 1901 году равнялось 39, из коих число сооруженных армянскими фирмами составило 25, или 64%...

... Необходимо отметить и то, что армянами было обращено сугубое внимание на предприятия для обработки металлов, обслуживающие нефтяную промышленность: конструирование паровых котлов, насосов, бурильных станков, труб и т. п.... Пионером этого дела (в 80-х годах) явилась армянская фирма «Шагиданов и К⁰». Первый промышленный водопровод, по сей день самый крупный — построен армянами (Каспийский трубопровод). Армяне первые последовали примеру фирмы Нобеля и построили нефтепровод Балаханы-Баку...

В бакинской промышленности — как нефтяной, так и в других отраслях работает всего около 430 дипломированных инженеров, окончивших высшие учебные заведения и 350 техников: из общего числа дипломированных инженеров 220 человек — армяне различных специальностей, а именно: горные инженеры, инженеры-технологи, инженеры-химики и т. д. Таким образом, число лиц — армян с высшим техническим образованием составляет 51%, что составляет абсолютное большинство по отношению к сумме инженеров всех национальностей, взятых вместе...

...Инженеры и техники имеют в Баку научное общество «Техническое общество», основанное в начале 80-х годов, и за все время армяне-инженеры составляли значительную часть в нем, и своими научными работами способствовали изучению и усовершенствованию нефтяного дела с теоретической и практической сторон.

Другая важнейшая отрасль промышленности — рыбная — своей рациональной постановкой и развитием обязана главным образом крупнейшим армянским фирмам — Лианозовых, Камоевых, Питоевых, Ванецовых и Маиловых. Последней фирмой построены новые усовершенствованные холодильники с применением новейших машин. В области производства табачных изделий — крупнейшая армянская фирма Бр. Мирзабекян, делающая обороты в год до 30 миллионов рублей.

... Но этим не исчерпывается роль армян... Первое благотворительное учреждение — Армянское человеколюбивое общество, которое в 70-х годах открыло первую (подчеркнуто нами, — И. М., А. О.) публичную библиотеку в городе. Первые типографии были армянские. В школах города до последних лет армяне-дети составляли большинство, естественно, что в Баку всегда был также велик очень контингент (армян. — И. М., А. О.) учащихся всех учебных заведений, как низших, так и средних...»³⁷

Значительные капитальные вложения внесли армянами в градостроительство Баку, площадь застройки которого в 1822 году была всего 6 га, а в 1918 уже составила 1300 га. На деньги купцов, нефтепромышленников талантливыми архитекторами, имеющими прекрасную всероссийско-петербургскую или московскую школу, проектировались и возводились целые кварталы жилых домов, больницы, школы, театры. И эти люди осознанно или подсознательно являлись движущей силой наращивания экономического и культурного потенциала города.

Однако, уже многие десятилетия в соответствии с устойчивой, стабильно модной официальной политикой в республике замалчивается это немаловажное обстоятельство. Кто в цитадели национализма—Союзе писателей республики вспоминает: с благодарностью ли, как положено в цивилизованной среде, с ненавистью ли—как водится у достойного врага, что здание, в котором находится их резиденция, равно, как и соседнее, под №23 на бывшей Молоканской (ныне Хагани) улице выстроено по проекту архитектора В. Саркисова? Что одному из талантливых представителей народа-врага, а также не менее одаренному известному архитектору, выпускнику Петербургского института гражданских инженеров Г. Тер-Микаэлову «обязаны» своим неповторимым обликом улицы Николаевская (ныне Коммунистическая), Воронцовская (ныне Азизбекова)? Что по проекту последнего возведены в 1912 году здание летнего общественного собрания (ныне Филармония), а в 1913 году бывшее коммерческое училище (ныне старый корпус АПИ им. Ленина) на пересечении улиц Меркурьевской (до бума «интернационализма»—Шаумяна) и Каспийской (им. лейт. Шмидта)?

Хотелось бы добрым словом помянуть еще одного армянина, чьим талантом обогатился в начале века архитектурный облик Баку. По проекту Н. Г. Баева, выпускника Петербургского института гражданских инженеров, архитектора города с 1913 года, были построены на сваях легкие деревянные купальни. Газеты в те дни писали что «такой красивой и обширной постройки на воде не имеется нигде в Европе, если не считать Ниццы»³⁸.

Уникального сооружения уже давно нет, но стоят построенные по его проекту театр оперы и балета им. М. Ф. Ахундова, старые корпуса больницы им. Семашко (ранее М. Нагиева), многие другие красавцы-дома. Но данное обстоятельство не помешало соседу-«интернационалисту» посчитать и этого армянина врагом, а его племянницу Изабеллу Калантарову вместе с мужем изгнать из полностью разграбленной квартиры. И мыкаются они на склоне лет по углам у родственников в разных городах страны.

Справедливости ради стоит сказать, что забыты и другие архитекторы, трудом, талантом и творчеством которых возводился Баку. Кто помнит имена А. Кандинова, Ф. Лемкуля, И. Гославского, А. Никитина, И. Плошко, Е. Скибинского? И насколько необходимо прояснение

подобных «белых» пятен истории города его новым обитателям?

Но и они должны знать, что им в безвозмездное наследование достались красавцы-дома, отстроенные талантливыми, высокообразованными профессионалами на средства Манташева, Калантарова, братьев Мирзабекянц, Тер-Акопова, Лианозова, Гукасова и других. Что неповторимый, блистательно исполненный оперный театр, в котором сейчас часто проводятся благотворительные вечера для беженцев из Армении, «подарен» их городу братьями Маиловыми. Можно напомнить новоселам и старожилам города о здании, где разместился АСПС, ранее именуемом калантаровским пассажем (торговые ряды), о великолепно архитектурно исполненных домах того же Калантарова на улицах Николаевской и Большой Морской (ул. Кирова). А кто застраивал армянскую часть города, Арменикенд, возводил армянские церкви? С одной из них—великолепным собором на бывшей Бондарной (ныне Дмитрова) улице расправились еще полвека назад, удачно используя его акустические и иные особенности для местной консерватории. И не назовешь эту варварскую акцию конъюнктурной данью воинствующему атеизму, ведь сохранились же на соседних улицах здания немецкой кирхи, еврейской синагоги, русской церкви, вряд ли представляющие большую историко-архитектурную ценность. Словом, все забыто. И то, что стоит, и то, что снесено и кануло безвозвратно в Лету. Кстати, по забывчивости Баку занимает первое место и, слава Богу, является единственным подобным беспамятным городом в стране.

В начале века нефть, соль, рыбная ловля, торговля, разведение шафрана были источником богатства и процветания Баку, точкой притяжения туда рабочей силы. Население стало стремительно расти за счет этого мощнейшего притока со всей России, особенно на нефтяные промыслы и нефтеперегонные заводы, составив уже к 1898 году 150 тысяч. Эти пролетарии—в основном, русские, армяне, реже азербайджанцы,—определили там своеобразную революционную ауру.

Фантастически смехотворной могла тогда показаться любая попытка назначения или как потом это стало называться «избрания» на руководящую должность по национальному признаку в ущерб и делу, и представителю любой другой национальности. Кстати, во многих документах, свидетельствах очевидцев, зафиксировано, как

последовательно, внимательно, доброжелательно, бережливо занимались в первые два десятилетия нового века воспитанием национальных кадров в Баку и республике армянин С. Шаумян, русский С. Киров и другие.

В 1918 году из 248300 жителей Баку свыше 88 тысяч, или 35,7 проц. составляли армяне. Вместе с русскими, евреями и другими они являли то самое многоцветье наций, которое позволило говорить об интернационализме Баку. К этому следует добавить, что здесь работали видные русские ученые, всемерно помогая народу, чье имя носит республика.

Начиная с середины 30-х годов следовало прекратить верить речам, скорее похожим на заздравные тосты, на пленумах ЦК, сессиях Верховного Совета СССР руководителей республики в Москве, а заняться глубоким и серьезным исследованием процессов бешеной миграции из этого города, как принято сейчас говорить, русскоязычного населения. Первыми, кстати, подались евреи, русские. Это было своевременной, правильной акцией. Не случись такого, стране, а в некоторых случаях и миру, вряд ли стали бы известны имена ученого Л. Ландау, писателя Л. Зорина, артистов М. Жарова, Ф. Раневской, журналистов А. Менделеева, В. Новикова и других. В лучшем случае в любой отрасли им были бы отведены вторые роли в парной «езде» с представителями коренного народа республики.

Баку пребывал в «интернациональных» одеждах и в годы, когда вместо уехавших воевать бакинцев разных национальностей город буквально наводнили молодые сельчане—азербайджанцы в поисках брони, освобождавшей от фронта, поступавшие работать на промысла и заводы. Известно, что именно тогда в Баку начались темные страницы биографии будущего лидера республики Г. Алиева. Национальный состав столицы стал и дальше меняться в результате послевоенного оттока русскоязычного населения. Оно сменилось людьми, выросшими в мононациональной среде, что постепенно начинало безвозвратно менять морально-психологическую атмосферу города. Новыми, весьма эмоциональными нюансами наполнили антиармянские настроения в Баку те будущие академики, «цвет» науки, которые в начале и середине 50-х годов приехали из Армении поступать учиться в различные вузы, особенно, в университет.

Об этом бастионе национализма впоследствии стала ходить весьма расхожая шутка, что там уже давно нет «ни

духа русского, ни русского лица». И, действительно, в альма-матер азербайджанской науки, где преподавали блистательные А. Маковельский, А. Мудров, П. Тумбиль, П. Амиров, Ю. Худабашев, вскоре на все факультеты из преподавателей осталась одна армянка—доцент кафедры педагогики.

Ее всем скопом, бывшие воспитанницы и подруги сумели задолго до окончания срока избрания по конкурсу вышвырнуть (другого слова и не подберешь) на пенсию. Не утруждая себя даже необходимым, пусть тривиальным, набором теплых слов в адрес человека, почти 40 лет проработавшего именно на этой кафедре, стоявшего у истоков формирования данного коллектива. Как раз обратное. До нее доходило особо нескрываемое злобное шипение бывших коллег: «Неужели у нее хватит совести работать с нами?». «Неужели не подаст заявления? Неужели посмеет войти в аудиторию?»

Удивительно, но студенты, которых не упрекнешь в отсутствии антиармянской истерии, относились к ней в аудитории терпимее, нежели отягощенные жизненным и педагогическим опытом, различными учеными степенями коллеги. Сказывался, видимо, высокий профессионализм преподавателя и специалиста. Не знаем, в каком ажиотажном бреду можно было связать ее ежедневное педагогическое подвижничество среди, кстати, в основном, в последние годы азербайджанской молодежи с событиями в Нагорном Карабахе, где она даже ни разу не была? Но таковой была политика. Все активнее утверждались в Баку, вытесняя даже азербайджанцев-бакинцев, выходцы из Армении. Им казалось, что место их рождения является устойчивым векселем, пропуском-мандатом в самые престижные места любой учебной и служебной пирамиды. Так, все многочисленные дети давно постоянно живущего в Баку заведующего кафедрой университета С. Мусаева, согласно документам, записаны родившимися в Армении.

Любви к городу у этих новобакинцев не обнаружилось. Они его не строили, не украшали, милостей от него не ждали, но взять у него для себя все возможное и невозможное считали целью собственной жизни. Шло в ход все—и тогда крепкие сети коррупции опутали этот ранее бессеребряный, пролетарский город. А процветающие уже десятилетиями в городе нувориши продолжали считать себя обездоленными и ущемленными армянским народом.

И чтобы такая длинная «утка» лучше действовала на весьма расположенное к тому воображение другой части азербайджанцев, они не жалели ни хитрости, ни лжи.

Единицами теперь были студенты-армяне в вузах, «очистились» от них почти полностью правоохранные органы, академические институты, в учреждениях социальной сферы им осталась доступной лишь нижняя ступенька. Давно перестал существовать в своем первоначальном виде и даже как просто название Арменикенд. Армянам предоставлялись квартиры в отдаленных жилых массивах (которые потом легче было громить!). Вместо снесенных жилищ возводились дома, где квартиры получали, в основном, азербайджанцы. Был заменен председатель Наримановского райисполкома—традиционно армянин, азербайджанцем для более послушного целеустремленного проведения политики азербайджанизации района с наибольшим компактным проживанием армян. Умирала в своей неказистой квартире одинокая бабушка—русская или армянка, буквально на следующий день с ордером в руках в нее вселялась азербайджанская семья с несколькими детьми и дальнейшей демографической перспективой. Так азербайджанизировались целые дворы, где раньше одна подобная семья считалась явлением уникальным.

Чем активнее шли все эти процессы в городе, давно уже ни с какой стороны не имевшем права называться интернациональным, тем сильнее звучала барабанная дробь устных и письменных трактатов о межнациональном братстве. И, конечно, Алиева в этом деле не превзошел никто. Правда, Везирову, которому выпала судьба встать на пути этой и других алиевских акций, удалось успешно и в сравнительно короткий срок довести ее до конца и очистить город от армян.

Можно приводить еще много фактов-свидетельств «подлинного интернационализма» Баку, но у нас другие цели. Куда более важен вывод о том, что в стране вряд ли есть другой подобный город, которому столь успешно удалось за несколько десятилетий поменять свое национальное лицо. Процесс этот, несмотря на все кликушеские призывы вернуться, одуматься, естественно, продолжается. В его прогрессирующей динамике убеждают следующие обстоятельства. Многие русские в Баку, уверены, не только пассивно ждут, но и активно ищут любую представившуюся возможность уехать оттуда. Ведь все обменные центры и бюро

страны буквально завалены позорными для каждого цивилизованного города объявлениями об обмене жилья такого, на уровне «SOS» содержания: «Баку—на любой город страны», «Баку—на любой город РСФСР».

В длинных очередях бывших и нынешних бакинцев у американского посольства стоят не только армяне, но русские и даже азербайджанцы, хорошо понимающие, в какую «интернациональную» пропасть стремительно летит город по воле своих новых обитателей и руководимой их действиями алиевской мафии. Небезынтересно было бы также узнать, кто из оставшихся в Баку русскоязычных евреев не имеет или не ожидает визы в Израиль. Наберется ли сотня семейств? Вряд ли. После всего увиденного жизнь в Баку этой наиболее благополучной (непреследуемой), даже любимой части русскоязычного населения может проходить лишь под знаком молчаливых (никому ни слова!) ожидания и интенсивной материальной подготовки к грядущим переменам за пределами страны.

Никого не должны уводить от реальности, да и наверняка не смогут увести выступления в печати, по телевидению русскоязычного населения Баку с клятвенными заявлениями о дружбе, любви, единстве. Хотя бы потому, что раньше по такому сценарию, с аналогичным текстом уже выступали некоторые армяне. Однако, никто из них не был пощажен. Так что методы стары и малоэффективны. Кто поверит в эту пропагандистскую «липу»? Пишущий такие строки или произносивший слова на телевизионном экране, плотно окруженный толпой «коренного», пришлого в Баку населения? Или те, кто правит и засылает в набор подобные откровения?

Не знаем, какую дисциплину преподает в школе №215 Низаминского района Баку Л. Аранович. В топорно выполненной, вполне в духе заезженного стереотипного, идеологического клише заметке «Мы с вами» (аналогичные, даже с такими же заголовками, только ранее подписанные армянами «Вышка» в большей степени, «Бакинский рабочий»—в меньшей публиковали и год назад) автор оправдал кровь своих бывших учеников, соседей, знакомых только потому, что она, видите ли, пролилась за целостность республики. Чушь и хамелеонство!

Неужели, чтобы понять это, необходимо потерять хотя бы волос с головы собственного ребенка лишь за то, что где-то народ одной с ним национальности изъявил желание самоопределиться. В данном случае преподаватель также

оправдал бы подобный способ борьбы за целостность республики? Или, может, Л. Аранович и иже с ней (ним?) авторы подобных публикаций и устных выступлений знают хоть одного литовца, латыша, эстонца, изгнанных из своих жилищ, убитых, раненых, изнасилованных по национальным мотивам на всей территории нашей необъятной державы? А ведь требования их абсолютно адекватны желанию армян Нагорного Карабаха с несколько измененной структурой. Там модель: «республика-страна», здесь «автономная область-республика».

На равных с мифом об интернационализме в Баку существовал другой, не менее надуманный и также широко распространяемый—о традициях. Это слово латинского происхождения в буквальном переводе означает «передачу, повествование». Мы же употребляем его в трех значениях. Во-первых, имея ввиду исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, порядки, правила, поведение, во-вторых, для обозначения обычая, установившегося порядка в поведении, в быту. В-третьих, как устный рассказ, передающийся от поколения к поколению, предание.

Легко было в многонациональном городе считать интернациональными традициями вначале совместную борьбу за установление Советской власти, совместное участие в первых социалистических преобразованиях, совместную защиту Родины во время Великой Отечественной войны. Большой простор для фантазии давали многонациональные трудовые коллективы, где за спиной директора где-нибудь неподалеку в должности ли заместителя, главного инженера, начальника планового и других отделов сидели армяне, русские, евреи. С энтузиазмом подсчитывалось число представленных в коллективах национальностей. Словно на аукционе—кто больше. Один сказал—30, другой—50, третий—80. Кажется, покойный генсек в самохвалительном ажиотаже дошел до цифры—101.

В традиции, увы, не превратились симпозиумы, конференции, Дни культуры, науки, искусства. Пылятся на полках никому не нужные буклеты, книжки, отпечатанные в типографиях всего за одну ночь. Шуму было много, а цель одна: проводить под него и дальше успешную азербайджанизацию столицы. Новое поколение руководителей всех рангов уже не терпело армян даже ради соблюдения цифрового интернационализма на бумаге. Они могли позволить себе лишь постричься, сшить костюм, а жене—

платье у армянских мастеров.

Находили между собой общий язык разве что цеховики и другие мафиози средней руки. Этот мир ради длинного рубля оставался наднациональным—там не требовались лекции, беседы, вечера, посвященные интернациональному воспитанию. Свидетельство тому—подробно по республиканскому телевидению показанный уголовный процесс работников бакинской галантерейной фабрики, где на скамье подсудимых, плача, поливая друг друга грязью, лицемерно раскаиваясь, отказываясь от содеянного, рядком сидели после долгих лет «успешной» совместной работы азербайджанец и армянин, русский и еврей.

Сейчас уже напрашивается и другая, несколько запоздалый вывод. Не только ради тотальной азербайджанизации постоянно затевался этот барабанный бой об интернационализме некогда многонационального города. Пожалуй, главной целью было лишить людей исторической памяти, заставить их забыть действительную традицию, увы, совершенно четко и точно соответствующую всем трем значениям данного латинского слова. И традиция эта (Бог троицу любит!)—резня в Баку в 1905, 1918 и 1990 годах. Мы, на памяти которых «забытый» геноцид армян в Сумгаите и последний—в Баку, не станем лицемерно удивляться—как же случилось, что традиция забыта. Вот так и случилось—тогда и сейчас. Одинаковый почерк—резать, а потом забывать. И еще принимать безнравственные пропагандистские ответные меры, чтобы пустить пыль в глаза всему остальному обществу.

В «Очерках истории Коммунистической партии Азербайджана», в третьей главе есть напоминание о кровавой бойне 6—10 февраля в Баку, на улицах и нефтепромыслах. Там сказано: «Стремясь парализовать революционную борьбу, вбить клин между трудящимися разных национальностей, царские власти и буржуазные националисты прибегли к кровавой провокации: 6 февраля 1905 года они организовали межнациональные столкновения в Баку»³⁹.

Авторы третьей главы не могли замолчать резню 1905 года, как это сделал, полностью проигнорировав кровавые ужасы в Баку в сентябре 1918 года, автор девятой. Однако и здесь давалась вполне официальная, обтекаемая версия, не рассматривались причины и следствия происшедшего. В задачу историков не входило дотошное копание в документах и прессе тех дней по данному, совсем не простому факту истории Баку. Оно могло, во-первых, раз-

рушить миф об интернациональных традициях «пролетариев Кавказа», а, во-вторых, навредить «великой ленинской дружбе народов». По этим же причинам из подготовленного к печати сборника исследований русского интеллигента, историка Владимира Александровича Старосельского был изъят очерк «Кавказская драма», в котором скрупулезно разбирались события тех дней.

Знакомство с очень небольшим числом оставшихся документальных свидетельств тех дней позволило нам говорить как о повторении, так и об особенностях кровавых событий, произошедших в Баку в 1905 году. Вначале цитата из «Кавказской драмы»:

«Удобный момент наступил лишь тогда, когда... власть растерялась. Ее авторитет был подорван и среди татар, вернее тюрков (азербайджанцев,—И. М., А. О.), начавших внимательно вслушиваться и в проповедь пантюркизма и панисламизма.

Приезжие из Турции и местные фанатики — муллы электризовали массы предсказаниями скорой религиозной войны и гибели христиан.

В этот именно период достигло апогея гонение на армян со стороны правительства. Вера в возможность безнаказанной расправы с соперником при таких условиях приобрела серьезное обострение.

Первые достаточно грозные признаки надвигавшихся погромов появились в сентябре 1904 года, когда в Баку было совершено несколько убийств, имевших симптоматический характер.

Администрация не обратила на них должного внимания и придерживалась тактики попустительства даже тогда, когда опасность столкновения вызвала совещание между татарским казием и армянским епископом о мерах к предотвращению этого бедствия.

Ужасная бойня 6—10 февраля была неожиданностью только для администрации; последняя, имея в своем распоряжении свыше тысячи штыков и 200 сабель, не считая полицейских, почему-то не воспользовалась этой силой, допустила убийства

300 горожан, ранение нескольких сот, разгром армянской части города и промыслов и тем самым укрепила татар в правильности их заключения». (об образе врага — армянах,—И. М., А. О.)¹¹¹.

Естественные ассоциации у читателя возникнут сами по себе. Создается впечатление, что официальный, широко растиражированный, поднятый на щит миф об «интернациональных традициях» Баку служил прекрасной питательной средой для почти буквального повторения тех, что казались, или хотели казаться историкам благополучно захороненными. Их совсем по-школярски, без особого творческого осмысления новое поколение фанатиков использовало в качестве программы действий. Тут даже естественных поправок на время не сделаешь. Разве что уважаемый председатель духовного управления мусульман Закавказья Шейх-уль-ислам-Аллахшукюр Паша-заде, народный депутат СССР не смог возвыситься до своего далекого предшественника, правда, не такого титулованного, как он, а простого казиза, не сел за стол переговоров с представителями армянской церкви даже тогда, когда ее в течение трех дней пытались сжечь.

Зато весь мир познакомился с его обращением к М. Горбачеву 21 января 1990 года, копии которого были отправлены Генеральному секретарю ООН Пересу Де Куэльяру, Главам Правительств и Религий Мира.

Гневом дышали строки послания: «Злодеяния, совершенные в Баку 19—20 января, не поддаются разуму. Улицы города оближены кровью сотен невинных жертв, среди которых дети, женщины, старики... Нет и не может быть никакого оправдания этой кровавой бойне, этому чудовищному преступлению, санкционированному Вами как главой государства... Смею Вас заверить, что мы сделаем все, чтобы мировая общественность узнала всю правду. Ибо лишь позора достойна страна, власти которой в имперских целях не утихомиривают, а разжигают межнациональные распри. Страна, которая превратила армию в убийцу своих же сограждан, страна, где человек имеет гораздо больше прав на смерть, чем на достой-

ную жизнь... .. Я обращаю свои молитвы к всемогущему создателю, прося его о вечной благодати над душами безвинных жертв, суровой каре для убийц, их организаторов и вдохновителей».

Этот полный искренности, сострадания и гнева голос был неслышен, когда в Баку громили в декабре церковь, когда убивали там же в январе армян.

Молчит миролюбивый глава воинственных мусульман Закавказья и сейчас, когда на глазах всего цивилизованного мира происходит акция вандализма в Нагорном Карабахе, оскорбляющая чувства не только армянского народа, но и миллионов верующих христиан, всего человечества. Мы говорим об осквернении шедевра мировой храмовой архитектуры, самом большом армянском храме на территории армянского нагорья, в Шуше. Снесен венец центрального барабана кафедрального собора Христа Спасителя, разрушены архитектурные конструкции и детали. Взорвана конструкция креста на часовне собора со своим основанием. Строение неоднократно поджигалось. Территория вокруг храма и старинное армянское кладбище с его неповторимыми хачкарами и древними надгробиями ускоренными темпами застраивается жилыми домами.

Народные депутаты СССР от Арцаха З. Балаян, В. Габриелян, В. Григорян, Б. Дадамян, Г. Пегосян забили тревогу и обратились с просьбой спасти храм к Католикосу всех армян Вазгену I, Католикосу Киликийскому Гарегину II, Патриарху всея Руси Алексию II, Папе Римскому Павлу Иоанну VI, генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей (Швейцария), пастору Эмилио Кастро, Генеральному секретарю Европейского Совета Церквей, пастору Пьеру Филиппу, Президенту СССР... Но молчит шейх, своим молчанием подвигая правоверных мусульман на новое святотатство в войне с камнями...

Разыгравшаяся в Баку 6—10 февраля 1905 года кровавая, по словам В. Старосельского, драма, участники которой поплатились сотнями жизней, а город разгромом множества магазинов, домов, промыслов, имела и отличия в сравнении с теми, что произошли спустя 13 и 85 лет. Прежде всего, наши предки в 1905 году были не так беззащитны, как их потомки. Вооруженные, они оборонялись, защищали как могли жизнь своих матерей, жен, сестер, детей. Помощь в этом им оказывала партия дрошакистов (дашнакцутюн), образовавшаяся в восьмидесятых годах

XIX века вначале для борьбы в Турции и превратившаяся к этому времени, «в сильную численностью и дисциплиной, прекрасно вооруженную народную рать, готовую для борьбы» (В. Старосельский. «Кавказская драма»). Так что тогда пострадали не только армяне, но и те, кто напал на них.

Другое, не менее существенное отличие состояло в том, что Бакинский комитет РСДРП в 1905 году совсем не походил на своего далекого потомка 90-х годов. Ему были свойственны решительность, смелость, политическая прозорливость, подлинный, а не митинговый, лозунговый, показушный интернационализм. Его руководители сумели не только убедить своим искренним, пламенным словом умело спровоцированных людей, но и с помощью Кавказского союзного комитета РСДРП провести стачки и демонстрации протеста против организаторов кровавых бакинских событий в Тифлисе, Батуми, Эривани, Кутаиси, Александрополе и других городах¹¹.

Правда, и тут бывшие историки и «благодарные» потомки (за исключением, естественно, авторов главы «Очерков истории Компартии Азербайджана», откуда мы почерпнули эти сведения) постарались забыть многих из тех, кто смог тогда потушить пожар. Кому, к примеру, в Баку известно сейчас имя М. И. Васильева-Южина? А ведь именно он, как член Бакинского РСДРП, ходил и ездил по городу, уговаривая людей одуматься. И он же в марте 1905 года, встретившись в Женеве с В. И. Лениным, рассказал ему о событиях в Баку.

История, известно, беспамятства не прощает. И бумеранг возвратился. Когда в Азербайджане на протяжении семи десятилетий (за исключением последнего года, порушившего и эти авторитеты) торжественно-печально ежегодно 19—20 сентября отмечали годовщину гибели 26 бакинских комиссаров, проводили линейки у мемориала, снаряжали помпезные экспедиции в Красноводск, никто никогда ни одним словом не помянул жертв резни армян в Баку в эти же жуткие сентябрьские дни. Помнили о расстреле в песках Закаспия 26 человек, но похоронили саму память о 5248 ни в чем неповинных, убитых в эти же дни на улицах, во дворах и своих квартирах в Баку армянах.

Теперь на пути освоения «белых» пятен истории, чем с небывалым энтузиазмом и рвением занялись историки соседней республики, они оставят и не такие «черные» дыры беспамятства. В начале мая Бюро ЦК КП Азербайджана приняло постановление о Дне возрождения Азербайджанской государственности, связанной с провозглашением

Азербайджанской Демократической Республики (АДР). Это сугубо внутреннее дело суверенной республики, уже впервые торжественно отмечившей 28 мая такую годовщину. Но при изучении, как сказано в партийном документе, сложного и противоречивого пути развития АДР, являющейся (и это отмечено!) неотъемлемой частью истории азербайджанского народа, надо взять на себя смелость, признать и сделать частью собственной истории все кровавые акции этого некогда забытого, а теперь горячо любимого дитя. До того любимого, что его флагами расцвечен весь Баку, он вознесен над постпредством республики в Москве. И правда шутят в народе, называя единственным местом в Азербайджане, где сохранен Государственный флаг Азербайджанской ССР, флашток на здании бывшего обкома партии в Степанакерте.

Под сенью мусаватского флага проходили две резни в Баку—в 1918 и в 1990 годах. Так что тут уже образовались и традиции, и преемственность. Жаль только, что ни одному историку соседней республики не захочется вспомнить это хорошо забытое старое и провести параллели. Ведь хотим мы того или не хотим, а налицо живая связь времен. Причем не одна нить, а целые канатно-железные переплетения.

Для начала неплохо было бы историкам познакомиться со сборником воспоминаний «Из прошлого», выпущенным к 25-летию Бакинской парторганизации двухтысячным тиражом¹². Там Г. Султанов довольно честно описывает Баку в канун и после первого мусаватского съезда 26 октября (8 ноября) 1917 года. Не будем пересказывать этот текст, но вакханалия, погромы, насилие, безвластие, царившие тогда, до боли знакомы тем, кто имел несчастье находиться в «благословенном» городе в январе 1990 г.

Пусть научные работники нового структурного подразделения по исследованию мусаватской проблематики, а также ученые мужи аналогичного совета при Президиуме Академии наук Азербайджанской ССР внимательно вчитаются в эти воспоминания очевидца, своего соотечественника, которому ни у кого из нас нет основания не верить. Несомненный интерес представит также изучение каждого документа, связанного с тремя днями сентября 1918 года.

И опять (в который раз!) исследователей подстерегут аналогии и ассоциации с январем 1990 года в Баку, только тем, что берет отсчет с 13 числа. Все это, естественно, может произойти только в том случае, если любой историк, взяв-

шийся за данную, мягко говоря, противоречивую тему, не захочет превратить «белые» пятна антинародного режима, послушного воле Нури-паши в «черную» дыру беспамятства и неблагодарности по отношению к истинным героям своей нации.

Баку был третьим городом, куда 15 сентября 1918 года с разрешения турецких интервентов прибыло кочующее правительство Азербайджанской Демократической Республики. Оно в Тифлисе объявило о независимости Азербайджана, которую начало реализовывать в июне в Гяндже с помощью англичан. Словом, Баку был отдан на откуп, с одной стороны, празднующим свою победу в гостинице «Метрополь» Нури-паше и Мурсал-паше, с другой стороны, руководителям демократического правительства Ф. Хан-Хойскому и Джеваншир-хану.

«Три дня подряд 15-го сентября (с утра) до 17-го (вечера)—воскресенье, понедельник и вторник цовымди, хозяевами города считались организованные кровопийцы, многочисленные и разнообразные банды разбойников и погромщиков, состоящие из регулярных турецких войск и мусульманских элементов города и окрестных деревень»¹³. Этим вандалам было приятно «по заранее предусмотренному плану передать на милость банд и погромщиков жизнь и имущество всего армянства города и его окрестностей. Пусть режут и громят, сколько могут, пусть похищают и насилуют, грабят и расхищают—это им разрешено и предоставлено их силе энергии и способностям»¹⁴.

С крови начиналась Азербайджанская Демократическая Республика в Баку, провозглашенном ее столицей. С крови, лицемерия и коварства. Беззащитное население—армянский народ «до последней нитки был разграблен и разорен,—подвергнут насилию и растоптан, оскорблен в элементарных человеческих правах и семейной святости, пленен и в неизвестности потерял тысячи людей, армянство было эксплуатируемо как животное, побито до полусмерти, подвергнуто голодной

смерти как илоты руками людей—чудовищ»¹⁵.

Кого из честных очевидцев январских событий, будь то жертвы или местные жители, отсиживающиеся в своих, ставших небезопасными жилищах, не пронзит острой пикой ассоциативных воспоминаний описание Баку во время трехдневной армянской резни и погромов в 1918 году: «Берег моря был свидетелем душу раздрающих (сохраняется орфография автора,—И. М., А. О.) сцен в этом отношении. Громадные толпы желающих бежать и недостаток пароходов, создали тот беспощадный переполох, который называется беженской трагедией. Родные tearing друг друга: родители своих детей, брат—сестру, супруги—друг друга, один уезжает, другой остается за неимением места»¹⁶.

Коварство и лицемерие организаторов кровавых дней (и они тоже, к сожалению, повторились) проявились в том, что глава мусаватского правительства на следующий день после погромов и резни 19 сентября 1918 г. обратился к населению новой «демократической», замешанной на крови и насилии республики с торжественным заявлением о том, что «все граждане, живущие в Азербайджане, без различия веры и национальности, должны пользоваться одинаковым отношением правительства, которое одинаково обязано защищать и гарантировать неприкосновенность жизни, имущества и права всех своих граждан». Спустя почти 72 года, 17 мая 1990 года через четыре месяца после резни и погромов А. Муталибов в интервью газете «Правда» «Шаги к стабильности» сказал: «Наша республика всегда была родным домом для всех народов, населяющих её. Такой она будет и впредь»¹⁷. Кого после всего случившегося может обмануть красивая упаковка этих, мягко говоря, неискренних слов. И даже не стоит звать в свидетели всех, кто разделял это мнение нынешнего лидера республики до тех пор, пока их собственный дом не обернулся живодерней с той только разницей, что резали в нем не только, а вернее не столько собак...

Аналогии, аналогии—они во всем. Невозможно читать эти документальные страницы кровавой истории Баку, о которой писать надо, говоря словами Б. Пастернака из «Автобиографического очерка» так, «чтобы замирало сердце и подымались дыбом волосы». Но таких слов у нас

нет. Видимо, у читателя возникнут подобные ощущения, как они возникли и у нас, при знакомстве в следующих главах с документальными свидетельствами очевидцев событий. А пока перейдем к цифрам. Они ужасны, но холодно конкретны. Сухи и безэмоциональны. Вчитайтесь и вдумайтесь в них, читатель.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном совете, 1919 год.

Из 88673 армян, живущих в Баку до сентябрьских погромов 1918 г. пострадало 52822 человек, что составило 59,57 проц. общего числа. Среди них:

- убитые — 5248 (5,9 проц.)
- беженцы — 31293 (35 проц.)
- пленные — 3396 (3,83 проц.)
- исчезнувшие — 3572 (4,2 проц.)
- пленные — 3396 (3,83 проц.)
- арестованные — 253 (0,28 проц.)
- изнасилованные — 288 (0,32 проц.)
- уведенные — 571 (0,64 проц.)

Особую категорию в этом трагическом перечислении составляют умершие в результате двухмесячного совместного с турецким кровавого правления мусаватского правительства, изгнания из своих домов, скитальческой, полуголодной жизни. Беженцы, возвратившиеся в город после вступления в него англичан, умирали от тифа, дизентерии, голода, холода. Бесприютные обитатели улиц страдали от исключительно холодной и сырой зимы, удивительной для Баку. До нового 1919 года многие из них не дожили, а иные новогоднюю ночь провели в грязных подвалах, на улице. Смерть косила выброшенных из своих домов армян, особенно с начала декабря по март следующего года.

Число умерших составило 8139 человек (9,18 проц.). Среди них—230 детей, умерших в армянском сиротском доме. Многие скончались в Закаспийском крае, в Энзели, Петровске, Гасен Кале и Реуфте.

Кровь, насилие и полнейшая зависимость от Нурипаши и его турецкой армии—вот что не может не видеть любой честный историк, захотевший исследовать по подлинным документам дела мусаватского правительства той поры. И открытие Бакинского университета, который вряд ли смог бы тогда продолжить существование без даль-

нейшей помощи лучших, передовых сил России,—этот акт, о котором сейчас рассказывают достаточно широко и громогласно, не может ни в какой мере заслонить то очевидное, что руки у марионеточного мусаватского правительства в крови. На крови, а также на несчастье простых бедняков, своих же соплеменников, строился фундамент «просвещенного» правительства, не знакомого, кому еще себя, кроме турок, продать, когда их положение стало шатким в регионе. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать оставшиеся в республиканских архивах немногие стенограммы выступлений некоторых прогрессивных деятелей в мусаватском парламенте.

Азербайджанец Али Гейдар Караев на одном из его заседаний в апреле 1920 года клеймил с фактами в руках так называемых «просветителей» за то, что они, «заботясь» о народе, решили увеличить квартплату в 15—20 раз. Это частный, но показательный случай. О расправе с армянами, геноциде 1918 года однозначно известно, но ведь убивали и своих. Жестоко, почти такими же методами, как в 1990 году. Достаточно вспомнить расчлененный труп Али Байрамова. Или сейчас у историков соседней республики все подобные случаи станут одновременно «белыми» пятнами. И они будут скрупулезно искать, что еще, кроме Бакинского университета открыли мусаватисты, какую «гениальность», проявляя липовую, исключительно на словах, а не на деле любовь к своему народу, изрек М. Э. Расулзаде, видный теоретик и практик мусаватизма, проповедник панисламизма.

На свести этого «демократического» правительства не только трехдневная резня, «вандализм озверелой разбойничьей толпы». Под покровительством турецкого командования оно свободно и беспрепятственно продолжало политику насилия и гонений. «Стихийный» вандализм банд перешел в размеренный политический курс—в дни законной власти. То, что было недоделано в три дня, свершилось в течение двух месяцев. «Можно сказать,—пишет Б. Ишханян,—что над головой бакинского армянства с кинематографической быстротой пронеслись и повторились те беспримерные исторические страницы насилий, гнета и гонений, которые в течение многих веков выносило турецкое армянство под рабским ярмом оттоманского правительства»¹⁷.

По сути дела армянское население Баку поставлено в исключительно тяжелые условия, находилось вне закона и вне защиты. В чем это выражалось? **Первое.** Продол-

жались аресты армян, принявшие массовый характер. Тюрмы заполнились армянами, где они содержались в ужасных условиях в течение нескольких недель в ожидании никак не предъявляемого обвинения. Многие из них были высланы в неизвестном направлении, и даже ближайшие родственники не знали, где они находятся и в каких условиях живут. **Второе.** Аресты сопровождались обысками, которые зачастую проводились и без них. Они служили своеобразным прикрытием для грабежа, ибо под видом конфискации из домов изымалось нажитое имущество. Такими действиями терроризировалось армянское население, оскорблялись их честь и достоинство. **Третье.** В особо тяжелых условиях содержались пленные армяне-солдаты, хотя они, подобно русским, грузинам, евреям считались солдатами российских государственных войск. В то время, как пленные других национальностей освобождались, армян заставляли трудиться в вопиющих условиях, словно рабов. Так же содержались задержанные на улицах города, не принимавшие никакого участия в военных действиях. **Четвертое.** Созданы неадекватные условия по сравнению с другими для работающих армян в нефтяной промышленности, среди интеллигенции.

Эти «особые» условия, в которых находились армяне в Баку в 1918 году, не стоит перечислять и далее, потому что, во-первых, власть марионеточного правительства, к счастью, была недолговечной, с его уходом прекратились насилие и вандализм, а, во-вторых, нас, свидетелей геноцида армян «Баку-90», трудно пронять такими формами «притеснения», как акция увольнения попавшего под сокращение штатов армянина-инженера.

Разница между «Баку-18» и «Баку-90» очевидна и документально подтверждена. Если мы сегодня оперируем цифрами, конкретными фактами, то благодаря возможности существования бакинского Армянского национального совета, сумевшего распространить анкетные опросные листы и получить у оставшегося в живых армянского населения, а также через различные городские службы ответы на все свои 26 интересующих вопросов. И хотя эти листы были составлены еще 10 октября, когда в городе находились турки и управляемое ими мусаватское правительство, завершить дело удалось только после прихода англичан.

Благодаря этим истинным патриотам своего народа, не считавшимся ни со временем, ни с неудобствами, подчас

рискующим собственной безопасностью и жизнью, мы имеем теперь, спустя несколько десятилетий, следующие уникальные свидетельства: «Есть целый ряд улиц, мало населенных армянами, которые дают сравнительно большее число жертв, так, например, процент убитых на Армянской (М. Горького) улице дошел до 34, 61 проц., на XI Каниталинской (Свердловской)—38,10 проц., на II Баиловской—15,45 проц., Мариинской (Корганова)—11,43 проц., Биби-Эйбате—110 проц., Каменистой (Щорса)—9,32 проц., Красноводской (Буйнакской)—8,33 проц., Карантинной (А. Асланова)—7,30 проц. и т. д.

Для резни, как явления, трудно найти общий масштаб, характерную черту или тенденцию... Нельзя сказать, что больше всех пострадали армянские улицы, когда мы на примерах убедились, что большой процент убитых дали улицы как густо, так и мало населенные армянами. Смотри, какие банды обходили те или иные улицы и какие намерения и настроения у них были, соответственно этому и проявилась та или другая степень резни. Были дворы, где вырезывались большие группы, например, Чадровая (М. А. Алиева) ул., 245, где было убито более 70 человек, и одновременно в иных домах на Станиславской (пр. Ленина), Телефонной (им. 28 апреля), Бондарной (Дмитрова) не было ни одного случая убийства.

Тогда было подсчитано, что на Станиславской, где жили 4988 армян, убили 153 армянина, примерно, столько же, сколько на Чадровой, где жило всего 508 армян, почти в десять раз меньше.

А кто знает, сколько армян погибли и сброшены с балконов в наши дни на проспекте Ленина, на первой из этих улиц? Почти рядом с вымершим белокаменным зданием Насиминского райкома партии, откуда сбежали все партийные функционеры во главе с первым секретарем А. Мамедовым, свершались жуткие акты вандализма. Рев, крик мальчика, которому бандиты пилили ногу, заставили даже их убежать и бросить свое оружие борьбы с маленьким «экстремистом». А как быть с народной мудростью о том, что богатства всего мира не стоят слез одного ребенка? Или это слишком высокая философия для вандалов? Что ж, каждый защищает территориальную целостность и суверенитет своей республики, как может.

Но почему именно в Баку? Почему эти страшные орды «обездоленных» демонстрировали свои бойцовские качества мирному населению? Воинственные, вооруженные, объединенные в банды, хорошо организованные чудовища,

почему они не сопротивлялись там, где, по их словам, насиловали чуть ли не на глазах жен, сестер и т. д.? А молодцы после всего этого не только остались жить, но и благополучно прибыли в город искать места под солнцем. Никак не сведешь концы с концами, сколько ни пытайся, в этих вопросах—ответах. Испугались—может быть. Испугались после того, что устроили в Сумгаите, и поняли, что придется держать ответ перед теми, с кем десятилетиями рядом жили.

Цифры, которыми располагали исследователи в 1918 году и их почти полное отсутствие в наши дни, тем не менее позволяют сделать однозначный вывод—в Баку в январе 1990 года, равно, как и 72 года назад, был организован и успешно проведен геноцид армян. Полное захоронение даже самой памяти о первом геноциде, затем непризнание геноцида в Сумгаите дало «Баку-90», что существенно отличается от резни 1918 года еще и полным изгнанием из города всех армян.

«О каком геноциде идет речь? Неужели З. Балаяну не известна элементарная истина, что геноцид—это политическая акция?»—вопросает ученый М. Исмаилов. Не стоило бы, конечно, подробно объяснять значение понятия «геноцид» нелюбопытному историку, человеку, который в своих позорных примечаниях к сборнику чужих материалов дописался до того, что «турецкие правители 1915 года не были сумасшедшими и геноцид был чем-то вызван, в связи с чем-то»⁴⁹. Стилистическую корявость этой сентенции вполне можно простить нерусскоязычному автору, а как быть с общепринятыми нормами морали? Если, по его разумению, можно чем-то оправдать убийство полутора-двух миллионов людей, так почему бы не попытаться забыть обо всех жертвах сталинских репрессий, а также фашизма во Второй мировой войне?

Кстати, для сведения бунятовых, исмаиловых и иже с ними, у кого в отношении непризнания геноцида образовался мощнейший хор, мы отметим, что в горячо почитаемой ими Турции в 1915 году во время геноцида у армян Константинополя было положение несколько предпочтительнее, нежели у армян в Баку в 1990 г. По свидетельству очевидцев: «...немногие армяне, жившие в Константинополе, были пощажены: считалось неудобным перед глазами послов нейтральных держав устраивать резню...»⁵⁰. В Баку не пощадили глаз и ушей дипломатов: по улице, мимо иракского консульства шли наиболее оголтелые толпы с самы-

ми агрессивными лозунгами и не менее воинственными кличами.

У многих историков после январских событий в Баку возникли неизбежные аналогии с геноцидом армян в Турции в 1915 и в Баку в 1918 годах. В частности, об этом писал доктор исторических наук Р. Саакян, высказав предложение о необходимости создания книги о современных варварах в пантюркистском обличье, подобной той, что написал всемирно известный востоковед Жак де Морган, назвав ее «Против варваров Востока» о турецком геноциде армян.

Правда необходима. И признание содеянного тоже. Хотя в соседней республике считается правилом хорошего тона не вспоминать об этих событиях.

Так что же такое геноцид? Это слово происходит, согласно словарям, от греческого «генос»—род, племя, латинского—убивать, совершать действия с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую или религиозную группу. Генеральная Ассамблея ООН одобрила в 1948 году при участии СССР международную «Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказания за него», ратифицированную 18 марта 1954 года Президиумом Верховного Совета СССР. Согласно статье II-ой этого документа под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую:

- убийство членов такой группы;
- причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы, и т. д.

Согласно же статье III этой конвенции наказуемы следующие деяния:

- геноцид;
- заговор с целью совершения геноцида;
- прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;
- соучастие в геноциде.

Не надо быть особо дотошным исследователем, чтобы прийти к очевидной истине о полном, почти один к одному, совпадении событий в 1915 году, 1918 году, а также в Сумгаите 27—29 февраля 1988 года, 13—19 января 1990 года в Баку с вышеперечисленной конкретикой, трактующей геноцид.

Забывчивость не прощается. Чтобы во всем мире перестали совершенно справедливо нарицательно звучать «баку» и «сумгаит», руководителям соседней республики необходимо покаяние. Не возмущение, когда говорят о геноциде, а признание его. Ложь имеет, правда, как говорят мудрецы, своих демонов, искажающих прошлое, вернее представление о нем, затем настоящее—в действиях, и будущее—в результате этих действий. Но ложь и бедствие. Оно не позволит народу очиститься от скверны.

Конечно, можно заболтать правду... К примеру, разговорами, целенаправленными и последовательными об армянских боевиках, террористах и экстремистах, их действиях по отношению к «мирному» азербайджанскому населению. Чтобы не помнил мир о Баку, ему внушают с помощью ТАСС и его флюгерного руководителя Л. Кравченко, что Азербайджан—единственный регион в стране, где не растет преступность. Интересно, что взято за точку отсчета? В этом случае делегат от республики на XXVIII съезде КПСС благопристойно закрыл глаза на происходящее в Нагорном Карабахе, в котором, с одной стороны, происходят кровавые столкновения, а, с другой стороны, вроде и нет их. Или ради «благородной» цели сокрытия истины можно забыть старую, набившую оскомину песню о регионе, как «неотъемлемой» части республики. Не связать концов с концами: преступления совершаются на неотъемлемой части, но к республике отношения не имеют. Она беспреступна. Словом, пироги вместе, а ответственность—врозь.

Л. Кравченко и возглавляемая им фирма держат пальму первенства в неблагоприятных делах сокрытия истины, нагнетания антиармянской истерии. Но заставить мир забыть сумгаит и баку нельзя при всем стремлении информаторов к безнравственному паритету. Из этого ряда—инцидент на вокзале в Ереване 27 мая, заранее предсказанный и красочно расписанный всему миру в канун поездки Президента СССР в США, и, в частности, в Калифорнию, чтобы заставить молчать тех, кто имеет реальную возможность подать голос в защиту древнейшего народа и быть услышанным главой государства. Инцидент, для разбора и понимания которого удивительным образом не осталось ни одного живого свидетеля.

Из того же ряда—и зачитанное на XXVIII съезде М. С. Горбачевым, подготовленное в Баку заявление в связи со случившимся в Мардакертском районе НКАО инцидентом, обвиняющее в очередной раз армянских «бое-

виков» во всех мыслимых и немыслимых преступлениях. Поражает легкость, с которой тонкий политик, юрист по образованию, поспешил отбросить не только презумпцию невиновности отдельных, пока невыясненных личностей, но и презумпцию невиновности целого народа. Если преступники еще неизвестны, а письмо уже зачитано и на весь мир объявлена принадлежность их к армянскому народу—как это квалифицировать?

Как очередную провокацию соседей? По части создания которых с априорными сообщениями центру об их начале они—непревзойденные мастера? В связи с этим вспоминаются откровения одного руководящего лица о том, как Везирову и тогдашнему секретарю Бакинского горкома партии Мусаеву удалось с помощью соответствующих служб предотвратить в Баку в первой половине 1989 года жуткую антиармянскую акцию, круто замешанную на крови собственного народа. В нескольких местах города, в основном, на его рабочих окраинах—Кировском, Карадагском, Ленинском намечалось одновременное убийство многодетных семей коренного населения. Уже были назначены жертвы: в каждом районе по семье. Случись такое, и резня армян в Баку состоялась бы на год раньше. На радость радетелям народа и вдохновителям последующего армянского геноцида в самой «миролюбивой» и «гостеприимной» республике Союза ССР.

Можно недоумевать, можно излагать собственные думорощенные версии, можно логически проследить всю цепочку тотальной дискредитации целого народа—но все равно ни умом, ни сердцем невозможно понять: почему скрывается правда. Почему о боевых действиях в Мардакертском районе мир узнает с трибуны партийного форума, а о том, что там беспардонно выкорчевываются виноградники, принадлежащие армянскому хозяйству ради строительства азербайджанской школы жителей села Ахуллу Гадрутского района—не узнает никто. Как никто не узнал о том, что в том же Мардакертском районе без согласования с местными властями у села Казанчи 40 гектаров поливных (!) земель пошли под строительство нового поселка для азербайджанцев. Что в области в обход постановления центральных органов с благословения военных под организационно-политическим руководством республиканского комитета отработаны и задействованы все механизмы насилия, направленные на скоростное изменение демократической ситуации в пользу азербайджанского населения. Что, презрев элементарные права человека, руко-

водство Азербайджана свело к минимуму количество авиарейсов между НКАО и Арменией, в результате чего в аэропортах Степанакерта и Еревана скопились тысячи людей, среди которых больные, старики и дети? Эта акция, естественно, тоже из области «миролюбия» и «добрососедства», которую по каким-то высшим соображениям необходимо как скрывать, так и покрывать руководством страны.

Вместо этого—зачитанное на всю страну, на весь мир написанное почти белым стихом заявление представителей Азербайджана по поводу очередного преступления, естественно, «армянских террористов» на дороге Мир-Башир—Кельбаджары.

Действительно, у азербайджанонаселенного села Чаректар Мардакертского района обстреляли колонну, в результате чего погиб один военнослужащий, жена первого секретаря Кельбаджарского райкома партии и ее зять—заместитель начальника Зардобского РОВД Азербайджанской ССР. Но кто совершил это преступление? Никто из нападавших не задержан. По какому праву прозвучало утверждение, что бандиты были армянами. А, может, преступление, как утверждает молва, совершено в режиме межклановой борьбы? Ведь в соседней республике это очень распространенное явление, и сколько жертв только в одной столице оно посеяло? Достаточно вспомнить потрясшие весь город громкие убийства должностных лиц, руководителей министерств, государственных комитетов и предприятий в последнее десятилетие, в которых не принимали никакого участия лица армянской национальности.

Уже договорились до абсурдно-смехотворного утверждения о том, что «Азербайджан—единственная республика, которая регулярно пополняет армейский контингент»⁵¹. С их благословения нам, видимо, вскоре придется и вовсе отказаться от закавычивания данных аттестующих слов—«миролюбивая», «гостеприимная» применительно к соседней республике.

Самая «миролюбивая»... В ее главном городе трижды в последнем столетии происходила резня армян. Где еще другую такую столицу сыскать?

Самая «гостеприимная»... Из нее трижды изгонялись босиком, в легкой изорванной домашней одежде не гости, нет, а те, кто там родился, кто по кирпичику строил этот кровавый город. Но об этом мир должен забыть. И в помощь беспамятству умильные до слез репортажи по Центральному телевидению бойкого «вездехода» М. Мамедова, умудрившегося даже секретаря ЦК КПСС заста-

вить говорить о якобы «мелком» инциденте на границе, и об уже восстановленном порядке там не где-нибудь ближе к месту беспрецедентных хулиганских событий, а на ... фабрике бельевого трикотажа в Нахичевани. Но это было раньше.

Позднее телесюжет под бархатный, прекрасно натренированный голос репортера увел всех желающих в идиллический город, где белорусские дети во время увлекательной прогулки на белом катере пускают по каспийской ласковой волне бумажные кораблики. И весь этот слащавый, сентиментальный набор телесредств, выполненный в традициях брежневско-алиевского застойного «суперинтернационализма», призван увести нас от реального. От того, что в этом городе детей сжигали. Убивали. Резали на куски. Бросали с балконов. Боже, есть ли предел фарисейству, лицемерию? Ведь и года не прошло...

Самая «беспреступная»... Никто не поспешил издать плакат «Убит в Азербайджане», когда на русских парней в Кировабаде (ныне Гянджа) катили многотонные грузовики, позднее врачи—представители того же «супермиролюбивого» народа не захотели оказать им необходимую медицинскую помощь. Когда в совершенно «спокойном» и «тихом» Агдаме такие же «миролюбивые» люди хладнокровно ковыряли отверткой в израненном теле другого русского парня и садистски издевались над его товарищами, о чем было рассказано на страницах газеты «Правда». Жаль, что главное партийное издание страны умолчало о местонахождении в эти страшные минуты воспетого русским поэтом на весь мир миролюбивого платка Хураман Аббасовой, уважаемого аксакала города, народного депутата СССР.

Самая «спокойная»... Когда пылают пожарами дома в Оше, и нам показывают обугленные трупы и плачущих женщин, а через какие-нибудь полчаса в оперативной передаче «По сводкам МВД СССР» вещают на весь мир о беспреступном Азербайджане, то хочется спросить всех, кому хоть как-то дороги интересы страны: а где вы, информаторы, были раньше? Почему допустили безгласие погромов в Сумгаите и Баку? Ведь те, кто сейчас орудует в Оше, именно тогда, только тогда, поняли свою полную будущую безнаказанность.

Игорь Волгин, писатель: Если бы после резни, учиненной в Сумгаите, были незамедлительно приняты гласные, решитель-

ные и—не побоюсь этого слова—беспощадные меры, мы не имели бы сейчас хронического межнационального террора. Карабах, Фергана, Новый Узень, Баку, Ош—следующим будешь ты. Погромщики ощущают свою безнаказанность, ибо, толкуя об «объективных причинах», мы как бы полупризнаем их право на кровавый кураж⁵².

И случилось страшное. Тот «человеческий фактор», которым «пудрила» наши мозги идеологическая мощнейшая артиллерия, а попросту мы, люди, каждый из нас, оказался незащищенными не только на улице, в аэропорту, больнице, магазине, автобусе, что давно и печально известно, но и в ... собственном жилище. Так стоит ли после этого удивляться самой позорной очереди из тех, что являются, к сожалению, печальным и постоянным символом нашего отечественного бытия? Очереди на выезд за границу.

Информационные агенства, фотографируя эти очереди у посольств США, Голландии (для выезда в Израиль), Австралии, а теперь уже и желающих выехать в Южно-Африканскую республику, сообщили, что количество эмигрантов в этом году составило 150 тысяч, и, пока, увы, не счесть числа жаждущих повторить их судьбу.

А полиграфические, издательские приводные ремни правящей партии продолжают хотеть нравиться республике, которая впервые в стране под барабанную дробь заверений в глубоком интернационализме наглядно показала и доказала возможность полной безнаказанности изощренных и хладнокровных убийств людей, изгнания их из собственных жилищ.

Издан плакат, изображающий портрет русского парня, обвитый траурной лентой с надписью «Убит в Армении». Цель этой позорной агитки ясна—внушить людям ненависть к армянскому народу. Дополнить существенным, художественно объемным штрихом ежедневно рисуемый средствами массовой информации образ внутреннего врага страны. Но, думается, такая политика не даст долгожданного эффекта. И те, кто, выражаясь фигурально, заказывают подобную «музыку», и те, кто ее исполняют—обязательно убедятся в тщетности своих потуг.

Истина восторжествует. Она в том, что нация, дважды, трижды подвергшаяся безнаказанному геноциду в стране, где традиционной считалась «дружба народов», те-

перь решила полагаться лишь на собственные силы! В защите своих чести и достоинства от тех, кто с постоянным успехом воевал с мирным населением городов, теперь нападает первым на мирные деревни, угоняет скот, но под обязательную отправку априорных депеш в центр о «военных» действиях другой стороны.

Это стало системой—украсть у соседей 60 коров, а сообщить в Москву и военному начальству об обратной акции—исчезновении трехсот баранов, что, говоря языком официальных сводок, имело место, но только как ответный ход. Бесплезность спора об украденных коровах очевидна. Прошло время слов, наступила пора действий, поступков. Теория непротivления злу насилем подходит более для научных упражнений в диссертациях, нежели для жизненного спора с хитроумным соседом.

Сейчас при желании любому нейтральному человеку, захотевшему вникнуть в суть событий в регионе, в совершенно новом свете могут представиться требования армянского населения Нагорного Карабаха о выходе из состава самой «миролюбивой» республики страны. На фоне сумгаита и баку возникает естественный вопрос и адекватный, само собой разумеющийся ответ: а как может любой народ находиться под властью тех, кто его страстно, всей душой ненавидит, тех, кто проливал кровь его мирных и беззащитных соотечественников? И не однажды, а с удивительной цикличностью. При стабильном вдохновляющем подонков-исполнителей мнения ученых мужей соседней республики о вполне заслуженной армянами каре, о неприемлемом к ним никакого другого отношения. Примечательно, что глава этой научной антиармянской мафии—Буниатов за свои экстремистские взгляды уже «дослужился» до вице-президента республиканской Академии наук.

Безнаказанность агрессивна. Преступная—тем более. И уже сейчас под молчаливое благословение всех, призванных по роду своей службы защищать интересы народов страны, особенно, Председателя Совета Национальностей, Р. Нишанова, готовится очередная варварская акция—депортация армян теперь уже... из Нагорного Карабаха. Но, собственно, какие претензии можно предъявлять к человеку, не способному восстановить мир и добрососедство даже в собственном дому—Узбекистане? Вдохновитель акции—Поляничко. Личный советник Наджибуллы, на полное раскрытие афганских «художеств» которого нам очень не хватает, как, впрочем, и на многое другое, акаде-

мика А. Д. Сахарова. А партийному служаке, видимо, впрок пошли уроки сумгаита и баку. Тем, кто запускает каждый раз по-новому кругу антиармянскую пропагандистскую машину в стране—на сей раз будет, где развернуться. Ведь бескровной сия, не укладывающаяся в рамки цивилизованного мира акция не будет. Армяне Нагорного Карабаха насмерть встанут на защиту своих земли, жилищ, чести и достоинства. И тогда наполнится новым содержанием длинная «утка» об армянских «боевиках».

Советы всезнающему соседу, естественно, бесполезны. Тем не менее рискнем дать один, который к тому же заимствован с нейтральной территории и вобрал в себя опыт, не имеющий никакого отношения к армянскому. Пусть он будет просто напоминанием. В Иерусалиме есть Стена Плача. Здесь, рассказывают жители этого города, первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр встал на колени, и, плача, просил прощения у еврейского народа за грех немецких фашистов, представляющих его народ. Заметьте, не пытался объяснить злодеяния своих соплеменников состоянием войны, во время которой, естественно, призывков не раздают, и драконы законы которой способны списать все. Ничего не говорил о «заслуженной» евреями каре. А просто просил прощения. Стоя на коленях. И правы те, кто считает: в те мгновения, когда он преклонил колени, его родина встала с них. И до сих пор у «детской стены» в одном из многочисленных христианских храмов в Иерусалиме сдержанные, рациональные немки плачут так же, как более эмоциональные туристы из Италии, Франции, СССР. И не стыдятся своих слез. И не сетуют на то, что долго помнится зло.

Их родина, опозоренная и нищая после Второй мировой войны, перед всеми виноватая и всеми проклинаемая, встала на обе ноги, восстала из пепла и руин, построила общество, горячее желание приобщиться к свободному, творческому духу которого заставило восточных немцев буквально прорвать Берлинскую стену. Вдохновители погромщиков сумгаита и баку пытаются увести их от какой-либо ответственности за содеянное, нанося тем самым необратимый вред собственному народу.

Б. Ишханян в своей книге поставил четкую задачу и блестяще выполнил ее. На основании огромного цифрового материала показал итоги геноцида армян в Баку во время совместного с турками двухмесячного правления мусаватского правительства в 1918 году. Он писал, что «подробное

описание ужасной картины резни в продолжении трех сентябрьских дней и трех ночей лежит вне пределов нашей темы»⁵³.

У нас другой выбор, predeterminedный обстоятельствами. Не располагая никаким цифровым материалом, мы день за днем, месяцами встречались с пострадавшими, внимательно выслушивали их сбивчивые рассказы, которые теперь постараемся воспроизвести с максимальной точностью. Вам, приступающим к чтению последующих глав, предстоит набраться терпения и твердости духа. Нелегко дались нам эти страницы, не праздным чтением станут они и для Вас, уважаемые читатели. И начнем мы это скорбное документальное повествование с больниц города Еревана, с истинного подвижничества армянских медиков, которые сделали все возможное и невозможное для того, чтобы вернуть к жизни эти безвинные жертвы вандалов «интернационалистов» из соседней республики.

Увы, не всех удалось спасти, но об этом рассказ впереди.

ИМЕНЕМ НАРОДНОГО ФРОНТА АЗЕРБАЙДЖАНА: КРОВЬ И НАСИЛИЕ.

Народнофронтовцы соседней республики совершенно справедливо считают себя преемниками и последователями мусаватистов. И дух, и буква, и знамя, и дорога к власти на крови, и вакханалия в Баку—все повторилось. Будто и не было семи-восьми десятилетий. Вот только Мамед-Эмин Расулзаде был, пожалуй, образованнее Халила Рзы и, наверняка, не стал бы, как он, стараясь спастись, распинаться перед многомиллионной, да и малой аудиторией в дружбе с теми, кого еще недавно считал своими врагами. Одно только сладкоречивое упоминание с телеэкрана о ранее проклинаемой Сильве-ханум⁵⁴ Капутикян чего стоит! От него во время этой передачи мы узнали, что к изгнанию армян с работы и из города он, оказываясь, призывал во имя их же спасения. Над ограниченным, морально нечистоплотным лидером неформалов соседней республики можно было бы посмеяться, если бы не знать доподлинно, к чему и как он призывал своих соотечественников на многотысячных митингах в Баку.

Эту структуру, мобильную, динамичную, агрессивную и воинственно националистическую не обойдешь вниманием, приступая к скорбным страницам нашего труда.

Именем народного фронта вершилась тщательно разработанная, многослойная кампания «очищения» города и республики от армян, основными направляющими и составляющими которой были насилие, убийства, погромы, грабежи. И ложь ... Та, у которой длинные ноги, ласковые улыбки и уста, с которых, увы, под видом меда напьешься яда.

Вначале, в плену стереотипов застойного времени, с высот своих, тогда непоколебимых бюрократически-административных пирамид, руководство их всерьез и не восприняло. «Рвутся мальчишки к власти»,—такова была точка зрения республиканской партийно-государственной верхушки, сопровождаемая по-барски снисходительной улыбкой, разрешающей в пределах допустимого детские игры в плюрализм мнений и действия. Тем более действия, поначалу, были направлены вовнутрь—на организацию и упорочение новой структуры.

Такое пренебрежение стоило Везирову вначале потере авторитета (вся республика слышала его истерические взвизгивания, когда он тщетно пытался хотя бы частично поколебать и заставить верхушку НФАз смириться во время транслируемой по телевидению и радио сессии Верховного Совета, а затем и власти).

Еще Баку жил в режиме особого положения, когда в марте 1989 года начал организовываться НФАз. Можно согласиться, что у истоков движения стояла интеллигенция, непрофессиональные политики. Они, как и писатель Юсиф Самедоглу, один из основателей и руководителей НФ, старались соблюсти собственное реноме и способны были испытывать удовлетворение от победы в споре о будущем названии организации—народный или национальный фронт. Но события развивались молниеносно. За короткий срок забылись и эти романтические споры, и собственная теоретически-публицистическая программа, с которой одной из нас пришлось знакомиться. Ибо в жизни началась такая конкретика, которая, естественно, не могла быть обозначена в этом первоначальном документе, составляющем предмет особой гордости его авторов: журналистов, ученых, писателей.

Наступил ноябрь 1989 года: в Баку отменили особое положение. Пришло время выполнять свои грозные обещания. Одинаково жестокие, отдающие националистической паранойей, они уже давно начинались со слов: «подожгите, уйдут военные...» Последним же при этом раздава-

лись комплименты, награды, лицемерные улыбки. Кстати, для тех, кто, умиляется законопослушной (только на словах!) соседней республикой, интеллигентными, вальяжно-барственными сентенциями ее Президента, вечно улыбающимся лицом Председателя Президиума Верховного Совета, есть серьезная информация к размышлению. Не взирая на то, что именно стоит за этим лицемерным фасадом, и даже вопреки ему, сейчас в республике также ждут отмены особого положения. И не только для того, чтобы свободно вздохнуть. В июне 1990 года высокий чин из Насиминского РОВД (г. Баку, проспект Ленина), сказал в сердцах армянину, приведенному в его служебный кабинет только за то, что посмел появиться в собственной квартире, где прописан. После угроз и предложения немедленно убираться из города, он сказал: «Не смотри, что у меня погоны. Я прежде всего азербайджанец. Вас здесь никого нет, и никогда не будет! А уйдут военные, увидите что мы сделаем с русскими».

Можно было бы посчитать сей короткий, эмоциональный монолог простой кухонной байкой, не достойной внимания, если бы эти принципиально последовательные люди—национал-provокаторы из НФ и правоохранительных органов уже на деле не доказали, что они не разбрасываются обещаниями подобного толка. Многажды опасными ввиду одновременного создания внешнего спокойствия и ничем не замутненной преданности строю, Центру, Горбачеву, русским. Словом, для лицемерия, скрывающего агрессивность и далеко идущие планы—у лучших и худших (тех, что убивали) представителей НФАз, умелый набор всяких средств.

За примерами далеко ходить не надо—они на поверхности. Руководитель пресс-центра, член правления народного фронта Азербайджана Л. Юнусова летом 1990 года в Лондоне на международной конференции, о которой рассказ впереди, пыталась доказать «гуманизм» азербайджанских ученых, якобы осудивших на общем собрании республиканской Академии наук 16 мая 1988 года (через три месяца!) злодеяния в Сумгаите. Она выражала искреннее удивление и даже негодование по поводу того, что послание не было обнародовано, подвергла критике руководство республики. Полноте! Так можно увести от истины разве зарубежных, не очень сведущих в наших внутренних хитросплетениях ученых. Да и то ненадолго. Ведь многим не только в стране, но и в мире хорошо извест-

на телеграмма 250 сотрудников Академии наук Азербайджана президенту АН Армении В. Амбарцумяну, посланная на третий (!) день сумгаитского погрома 29 февраля 1988 года «Взываем к вашей совести, третий раз за неполные сто лет армяне являются зачинщиками жестоких столкновений между братскими народами... Остановите бесчинства ваших сограждан (подчеркнуто нами,—И. М., А. О.). Если не вы, то кто остановит разбушевавшуюся толпу. Наш интернациональный долг предупредить вас об этом».

На что рассчитан этот документ? На десятилетия, столетия? Когда на основании его, пылящегося в архиве, кто-либо оповестит мир о важном историческом, «научном» открытии—вине сумгаитских армян в собственном истреблении, а также суперинтернационализме и супергуманизме 250 работников республиканской Академии наук? Ведь сейчас, пока живы жертвы геноцида, их родные и близкие, в ходу документальные и иные свидетельства, это послание несвоевременно и способно вызвать лишь обратную реакцию.

Но вернемся в Баку. В предпогромный период «жизнедеятельности» народного фронта Азербайджана рвущихся к власти там оказалось больше предполагаемого. Единства не получилось. И тогда от организации, которая возвестила городу о своем существовании не только митингами, мусаватскими знаменами, но и нарядными корзинами красных гвоздик на окнах (они стояли во всей красе почему-то развернутыми в сторону улицы), ярким светом люстр, зажженных в каждой комнате выделенного ей особняка в центре Баку, стали отпочковываться «дочерние» фирмы. Затруднились контакты с ними у партийных функционеров. Приходилось слышать сетования одного из них: «Звонишь, спрашиваешь недавнего руководителя, отвечают: «он не с нами, организовал новую фракцию». Как в этих условиях с ними работать? А ведь надо. Народ пошел за ними».

Да, в предпогромные месяцы наступил полный паралич власти в столице, во всех ее «славных» одиннадцати районах. Партийные функционеры всех рангов, и чем выше, тем больше, не могли не считаться с этой реальной политической силой, имеющей свой транспорт, помещения, воинские вооруженные формирования (как бы они ни назывались). О расколе в НФАз рассказала корреспонденту агентства СИА В. Радзявичусу та же словоохотливая

Лейла Юнусова:

Вопрос: Мы получили Вашу информацию о том, что в НФАз назревает раскол. Каково положение сейчас?

Ответ: Оно еще более обострилось. 30 декабря на митинге на площади Ленина в Баку правое крыло народного Фронта во главе с председателем правления А. Алиевым призвало всех азербайджанцев сплотиться с живущими в Иране соплеменниками и отменить границу. Три дня в Нахичеванской АССР, территория которой граничит с Ираном, продолжались беспорядки—разрушения и поджоги на пограничных заставах. Как ни странно, эта акция была поддержана властями.

Вопрос: Почему Вы считаете, что правое крыло НФ пользуется поддержкой руководства республики?

Ответ: Еще прошлой осенью оно называло НФ экстремистами, преступниками, а сейчас прекратило нападки, поскольку идеи правого крыла ему близки. Руководство республики закрывало глаза на стремление правого крыла продолжать конфронтацию с Арменией. За примерами далеко ходить не надо: в Баку пытались сжечь армянскую церковь, милиция никак не реагировала на этот акт вандализма. Может быть, подобные действия преследуют цель уничтожить НФ?⁵⁵

Предсказания Юнусовой не сбылись: подобными позорными акциями ее «фирма» набирала очки у одурманенной и оболваненной толпы. Ряды погромщиков и насильников множились. Число молодчиков со значком «халг чапасы» и прочей атрибутикой этой организации росло, как грибы после дождя. Казалось, они заполнили весь город, из которого словно ветром сдуло обыкновенных людей. По улицам ходило мрачной ордой стадо—другого слова для его характеристики не подберешь.

Попадались и женщины—они были особенно агрессивны. Их злые глаза заставляли сжиматься даже бывалое сердце, а семечки, шелухой от которых они демонстративно плевались в рядом идущих или стоящих людей как на улицах, так и в транспорте, достигали не только одежды, оседали «занозами» в голове: кто такие? На что, на какое «мокрое» или «сухое» дело они сбежались в этот несчастный город? И главное—все они, мужчины и женщины, подростки и девицы, с красными повязками на головах, шеях или без них—однозначно, на едином дыхании утверждали свою непререкаемую принадлежность к народному фронту. От этого не уйти! Вламывались в квартиры погромщики с этими двумя словами. Добывая жертву пры-

тьями, ломом, ножами, толпа как заклинание выкрикивала: «Халг чапасы».

В канун кровавой вакханалии 12 января решением правления народного фронта был организован Совет национальной обороны. Эта националистическая структура, созданная с благословения руководства республики, буд-то бы для отправки в Нагорный Карабах, в район «боевых действий», осела в Баку. Наступала пора организованной расправы с мирным, безоружным и беззащитным армянским населением города, последний, заключительный акт кровавой трагедии.

Генерал-майор юстиции В. Г. Прогорова: Используя вывеску НФАз, «штаб» стал готовить свои «вооруженные силы»—так называемых боевиков, которые были сведены в отряды численностью 20—30 человек, жестко управлялись, имели инструкторский состав и нацеливались на действия в строго обозначенных районах, установленных зонах влияния. Последующие события показали, что вооруженные формирования были созданы в морском пароходстве, на Каспнефтегазфлоте, в таксопарках, с привлечением транспорта медицинских учреждений и маршрутных такси.

Заблаговременно отработывались системы связи и выискивались средства усиления вооруженных группировок в тех районах, где наличных сил могло не хватить для достижения конечных целей. Уже в первых числах января 1990 года велась разведка режима и повседневной деятельности войск, системы караульной и внутренней служб. Зафиксированы неоднократные попытки знакомств представителей НФАз, боевиков с военнослужащими с целью приобретения у них оружия, например, в артиллерийской и ракетной частях, караулах, на складах вооружения, а также множественные контакты на дорогах Баку-Перикишкюль, Гюздек и др. Солдатам при этом предлагалась сумма от 500 рублей (в начале января) до 5 и даже 25 тысяч рублей—по мере нарастания напря-

женности. С такими предложениями обращались и к приписникам, прибывающим в Баку для усиления воинского гарнизона накануне и в ходе введения чрезвычайного положения.

По сути маскировка лидерами НФАз их подлинных целей и задач была сброшена после событий, происшедших в Баку 13 января. Теперь их основные усилия стали откровенно направляться на то, чтобы нейтрализовать действия МВД республики, проверять свои возможности организации массового террора, раздробления и торможения концентрированных действий правоохранительных органов многочисленными акциями насилия в различных районах города. Следует отметить, что своего экстремисты добились. Части МВД республики оказались неспособными предотвратить случаи вандализма и разбоя, поскольку была парализована морально-психологическая готовность милиции и руководства республики оказать достойный отпор насилию.

Отчетливо сознавая, что воины армии, руководствуясь гуманными соображениями, не останутся безучастными к противоправным действиям экстремистов, лидеры НФАз, начиная с 16 января организовали блокирование воинских частей, военных училищ и городов, Краснознаменной Каспийской военной флотилии (ККФ), мест компактного проживания офицеров и прапорщиков, подъездных путей к аэродромам.

Спустя два дня народный фронт Азербайджана фактически ввел в Баку противозаконное чрезвычайное положение. Боевое ядро НФАз осуществляло на свой манер контроль за транспортной пропускной системой, телефонной, в том числе, междугородной связью, работой (срывало ее) государственных учреждений. С подачи лидеров «фронта» на митингах объявлялось о создании «освободительной армии»

во главе с Э. Мамедовым. Сам же «командующий» хвастливо заявлял, что решением НФАз ему было присвоено звание «полковник»⁵⁶.

М. Абдуллаев, В. Кононенко: В Азербайджане лидеры НФАз открыто взяли курс на упрочение своего положения как переходной власти. Причем сила ставилась во главу угла. Еще 13 января на 80-тысячном митинге в Баку Э. Мамедов объявил о решимости вооруженным путем решить карабахский вопрос и если госаппарат не будет участвовать в этом, то комитет обороны объявит независимость Азербайджана и обратится за помощью к Ирану и Турции. А другой лидер НФАз Н. Панахов заявил, что «если появятся карательные войска, мы разоружим их и возьмем оружие в свои руки...»

Лидеры НФАз, прежде всего Назим Рахимов, посещали генконсульство Ирана в Баку, получали моральную поддержку для вооруженной борьбы с властями и денежные средства. Так, 12 января они просили у генконсула Ирана содействия «национально-освободительному движению азербайджанцев», что им в принципе и было обещано.

Государственная граница в районе Нахичевани длительное время была открытой. Ежедневно ее пересекали десятки тысяч людей со стороны Азербайджана и Ирана, осуществлялась контрабанда оружия.

Подобных фактов множество, и они однозначно свидетельствуют о том, что на 20 января лидеры НФАз запланировали провозглашение «своей власти» путем проведения под осадой возбужденных толп сессии Верховного Совета Азербайджана. Какой им виделась эта власть—ясно из приведенных выше высказываний лидеров НФАз⁵⁷.

Власть была необходима. Ради нее на карту поставили

все. Ведь еще раньше, в начале августа лидеры НФАз считывали взятые ее на предстоящих выборах в Верховный Совет Азербайджана. В октябре сессия Верховного Совета республики под давлением и при участии НФАз приняла Закон о суверенитете. Но этого молодчикам от политики было мало.

А. Мурсалиев: По городу и республике ползли упорные слухи: «в субботу, 13 января, будут брать ЦК». Но в субботу начались армянские погромы⁵⁸.

Вопрос о власти муссируется и сейчас, спустя месяцы. Народный фронт, одна из 54 общественных организаций в соседней республике, наиболее влиятельная в избирательном блоке «Демократический Азербайджан», посменно проводит голодовку, добиваясь уступок у местной номенклатуры. Кстати, ее желание правиться народнофронтовцам не убывает. В ответ на другую голодовку, уже в Москве, с требованием освободить так называемых «узников совести», политических заключенных Э. Мамедова и Р. Газиева, Президент Азербайджана обещал добиться либо освобождения арестованных, либо пересмотра республиканского законодательства с тем, чтобы те, кто даже пусть косвенно повинен в крови невинных людей, могли баллотироваться в будущий парламент. К слову сказать, эта сомнительная акция не увеличила популярности и авторитета лидеру коммунистов республики, ее Президенту среди народнофронтовцев.

Свидетельство тому—история с закрытием-открытием газеты «Азадлыг»—печатного органа народного фронта Азербайджана. Если после ее первого закрытия в январе 1990 года она была открыта по приказу военного коменданта Баку с учетом пожеланий трудящихся и интеллигенции, а также, как сказано в документе, благодаря наметившейся тенденции по стабилизации обстановки в городе, то в последней декаде июля высшее военное начальство города вновь ее закрыло за «нападки на Президента Азербайджана».

Пресса свидетельствует: В московском следственном изоляторе КГБ в Лефортове находится 14 человек, арестованных после январских событий в Баку. Им предъявлено обвинение в разжигании межнациональной розни и организации массовых беспорядков. Среди них попу-

лярные в республике лидеры НФА Этибар Мамедов и Рахим Газиев. В самом Азербайджане по аналогичным обвинениям арестовано около 250 человек. Их число растет: на прошлой неделе в городе Сабирабаде арестован лидер местного отделения НФА Курбан Мамедов⁵⁹.

Смехотворно-лицемерны «откровения» Этибара Мамедова на пресс-конференции в постпредстве Азербайджана в Москве за несколько часов до ареста о том, что он обратился к тогдашнему министру внутренних дел А. Мамедову с требованием привлечь их отряды для наведения порядка в Баку⁶⁰. В это время, как свидетельствуют очевидцы, все, абсолютно все акции вандалов на территории брошенного на закланье города проводились именем народного фронта. Даже вывоз на специальных грузовиках и автобусах трупов изнасилованных, поруганных, сожженных и разрубленных на куски армян. От их имени, и только от них действовали те, кто врвался в квартиры, грабил, сжигал, убивал...

У Э. Мамедова и его соратников были дела поважнее. Шли, как сейчас выяснилось, личные переговоры не только с потерявшими власть местными партийными лидерами, с посланниками центра—Е. Примаковым и А. Гиренко, но и с генерал-майором В. Соколовым. В последнем случае Мамедов действовал как «командующий» и отклонил предложение генерала о разблокировании военных городков, гражданского аэропорта, работа которого находилась полностью в их ведении.

Генерал-майор В. Г. Провоторов:

В этот же период был полностью блокирован фарватер для выхода кораблей ККФ судами Каспнефтегазпрома, действия которых управлялись с теплохода «Оруджев», где базировалось руководящее ядро НФАз, его «штаб». Последний, используя судовую радиостанцию, четко реагировал на все изменения в обстановке и отдавал соответствующие распоряжения⁶¹.

Сейчас можно лишь удивляться тому, как быстро эти люди, не косвенно, а прямо виновные в вандализме в Баку, прошли путь до «узников совести». Как член правления

НФА Юсиф Самед-оглы, забыв свои же слова: «... мы не смогли вовремя отмежеваться от тех групп, что были настроены экстремистски. Не смогли... ради мнимого единства, с мыслями о том, что «не так поймут...» Сейчас мы ждем завершения следствия, чтобы открыто заявить о наших ошибках»⁶², — теперь ратует об их освобождении. Он уже не ждет окончания судебного разбирательства и, естественно, не интересуется всей, предшествующей ему работой.

Его сейчас тревожит другое, а именно, что «демократы» в лучшем случае могут рассчитывать на 60—80 из 360 мест в будущем парламенте⁶³. И совершенно не волнует тот факт, что демократия и кровопролитие несовместимы, и активный участник геноцида, т. е. тот, кто призывал убивать другой народ или своими действиями содействовал этой акции, не может олицетворять никакую власть: ни консервативную, ни радикальную, ни демократическую.

Ярким мазком в коллективный портрет народнофронтовцев, своеобразно высвечивающим их идеологическую платформу, идейно-нравственное кредо, думается, можно считать откровения одного из идеологов этой организации, сотрудника института литературы АН Азербайджана Гамида Хериши в беседе с литовскими журналистами А. Ажубалисом и А. Зданавичюсом:

Мы не рассматриваем даже возможности выхода из СССР, так как для нас это был бы выход из тюркского единства. А вот возможный выход прибалтийских республик был бы нам выгоден: на три европейских христианских народа будет меньше. Это усилит мусульманское влияние в Советском Союзе...

Мусульманам не выгоден развал СССР и, тем самым, распад тюркского единства. Азербайджан, Киргизия, Казахстан, Башкирия, Поволжье, Татария, Якутия, Туркмения, Крым, Северный Кавказ—это все тюркские земли. И мы не намерены никому их уступать...

...Тюркские народы живут значительно хуже, чем вы, в Прибалтике. У вас рай по сравнению с нами. Пройдите километр по узбекской земле и успеете прочувствовать трагедию, ощутить, какой гнев в народе зреет. 25-миллионный народ дошел

до предела. А казахский?

...Когда я говорю с казахами, киргизами, я иногда плачу, хотя я—человек не сентиментальный, жестокий человек. Я люблю правде в глаза смотреть. Этому нас наша религия учит, наш тюркский характер—надо быть мужчиной в любом случае. Я был в Ферганской долине, Ашхабаде, Казани, Ташкенте, у меня нет сил описать увиденное там. Они сотворили ад из наших земель. Предприятия плохие, условия вредные. А посмотрите на заводы в Иваново: чистота, порядок, путевки профсоюзные на отдых, женщины в халатиках. На нашей шее сидят, на узбекском хлопке работают. Но однажды мы возьмем их за горло: «Что, хорошую жизнь себе устроили? А посмотрите, как наши женщины работают в 40-градусную жару, когда даже собака ползет в тень, а люди—под палящим солнцем!»

...Да, в нашей борьбе есть элементы джихада (араб.—война за веру, предписанная кораном.—Ред.): всем миром собираться, поклясться, что будем стоять до конца, что если мы проиграем, то лучше нам и не жить на свете. Но это русским кажется, что азербайджанцы вот-вот объявят джихад. Нет пока надобности в таком мощном оружии, когда все от мала до велика, и женщины тоже, идут на бой, а погибнув, по нашей вере, попадают в рай. Можно пользоваться более мирными, демократическими мерами воздействия. Это, например, блокада дорог, железнодорожных, прежде всего, экономическое эмбарго. Обратите внимание на то, как наша борьба напоминает борьбу арабского народа с Израилем: скажем, нефтяное эмбарго у них и у нас (мы его объявили и Грузии, и Армении, и России). А если мы определим проблему и глобализируем ее как конфликт христианства и мусульманства, что будет тогда? Это армяне ищут помощи извне: направили письма в ООН,

Папе римскому, американскому конгрессу. А мы, согласно нашей религии, надемся только на себя. Хотя знаем, что за нами стоит весь исламский мир, Иран, Турция.

...Вообще, Запад склоняется к своему закату. А возрождение идет с Востока. В некоторых арабских государствах создан рай на земле. В Иране, например, уровень жизни значительно выше европейского. Я был в этой стране и видел, какая у народа ответственность перед родиной и искренняя религиозность. Если развитие мировой истории пойдет так и дальше, думаю, лет через двадцать картина очень изменится. Сейчас подняли истерику вокруг Армении. Но обратите внимание, ее поражение совпало с поражением всех христианских сил вообще⁶⁴.

Комментарии к этому доморощенному «теоретическому» раскладу, нам кажется, совершенно излишни. Каждый народ выбирает сам себе и героев, а в наших условиях и тех, кто ими будет руководить. Поражает то, как взрослые, самостоятельные люди с претензией на уважение к себе и авторитет с невероятной легкостью, в угоду конъюнктуре меняют собственное мнение. И в данном случае писатель не одинок. Когда Р. Зейналову, тогдашнему секретарю ЦК Компартии Азербайджана, московский корреспондент задал вопрос: «Как вы считаете, не опережают ли вас в работе с населением представители народного фронта Азербайджана?», он однозначно и вполне определенно ответил: «Я бы не назвал это опережением (речь идет о погромном и послепогромном времени. — И. М., А. О.). Скорее всего—это продолжение их подстрекательской деятельности. Мы стремимся нейтрализовать эту деятельность» (подчеркнуто нами.—И. М., А. О.)⁶⁵.

Заметьте, это сказал многолетний, многоопытный партаппаратчик, прошедший в стенах ЦК Компартии Азербайджана (в старом и новом зданиях) длинный, в каком-то смысле уникальный путь от инструктора до секретаря ЦК, не просто пересидевший своих предшественников, но и сумевший каждому из них быть необходимым. Надо сказать, что он обладает недюжинными способностями в организации ремонта, создании как душевного, так и материаль-

ного комфорта на службе у непосредственного начальства (не забыв, естественно, и о себе), начиная с мебели, кончая секретаршами и литературными «официантами», готовыми в любой момент выдать на-гора продукцию любого жанра и вида на любую заданную тему. И о последних он умеет заботиться. Испытывая, видимо, некоторый душевный дискомфорт от всего случившегося, в январе, чуть растерявшись, Р. Зейналов позволил себе подобные откровения с представителем московской журналистской братии, со многими из которых им поддерживались традиционно, если не дружеские, то парадно-застольные отношения. О сказанном он, вероятно, очень жалеет. Но вылетевшее слово, думается, абсолютно не мешает нынешнему, как рассказывают, ректору Бакинской высшей партийной школы, присоединить свой, всегда гибкий голос к призыву освободить «узников совести». Кто в этой предвыборной суматохе вспомнит, что всего несколько месяцев назад они были им же названы подстрекателями? Да и надо ли такую промашку помнить—на фоне высокотемпературного, изощренного лицемерия?

Итак, на Манежной площади, в Москве 15 июля 1990 года во время митинга-манifestации, организованной демократическими силами столицы, к удивлению многих, заметным монолитом выступили демонстранты из соседней республики. Их лозунги на русском, английском, азербайджанском языках в равной степени восхваляли Б. Н. Ельцина и Россию, призывали к свержению «вашей и нашей», а также требовали освобождения своих сыновей-узников Лефортово. Демонстрировались и голодающие по этому поводу у гостиницы «Россия». Естественно, даже на этом довольно пестром митинге азербайджанским «демократам» не удалось завоевать особого внимания собравшихся, отданного выступлениям бывшего генерал-майора КГБ О. Калугина, лидера «Демократического союза» В. Новодворской, отца Глеба (народного депутата СССР Г. Якунина), руководителя Театра на Таганке Ю. Любимова, лидерам «Демократической платформы»...

Да и что они там могли сказать? Выразить в очередной раз «горячую», «единодушную» признательность М. С. Горбачеву и даже Е. К. Лигачеву за заботу о территориальной целостности Азербайджана? Или поделиться уникальным традиционным опытом организации циклических армянских погромов в столице своей республики? Увеличенные автопортреты вдохновителей подобных акций в январе 1990 года в их руках весьма к тому располагали.

Но, собственно, чему удивляться? Ведь уже были автопортреты, сопровождаемые требованием дать свободу «героям» Сумгаита.

Кстати, для непосвященных: последняя «утка» крупного деятеля от науки из Баку А. Мансурова состоит в том, что жестокую бойню в Сумгаите организовали... Гдлян и Каракозов на «узбекские деньги», где орудовали подкупленные ими 60 уголовных элементов из Степанакерта, Еревана, блестяще владеющие оружием насилия и говорившие на азербайджанском языке⁶⁶.

Путая цифры, время событий, фальсифицируя факты, шарлатан от науки также попытался внушить читателям мысль о том, что Т. Гдлян, дескать, стал компрометировать Лигачева в ответ на его твердую позицию по проблеме НКАО. Вывод в книге однозначно агрессивен: «Конечная же политическая цель этих национал-экстремистов—подвести страну к пропасти обострения межнациональных отношений, а говоря прямо—развязать гражданскую войну в СССР». Этому выводу, как справедливо заметил Н. Иванов, выступивший в защиту Т. Гдлына⁶⁷ достаточно, чтобы привлечь автора к уголовной ответственности за клевету, оскорбление, обвинение в совершении тяжких преступлений, разжигание межнациональной розни. Но было бы тщетным ждать такой акции от прокурора Азербайджана, постоянно и надежно опекаемого Генеральным прокурором СССР теперь уже бывшим, переведенного на ответственную должность в Москву в возглавляемое им ведомство.

Нас интересует другое: сомкнув свои ряды в единой ненависти к армянским «оборотням», московскому «лобби», Гдлыну (в этом случае, по остроумному замечанию Н. Иванова, его фамилия опускается, как неподходящая, не вписываемая в розыгрыш армянской карты), ко всем армянам—от мала до велика, что эффектно демонстрировалось в течение семи январских дней в Баку, отдельные представители азербайджанского народа по-разному относятся к руководству партии и страны. Одни, как уже было написано, участвуют в антикоммунистических митингах в Москве, не забывая при этом своих корыстных целей, другие, как автор «научного» труда, не жалеют слов и страниц для многократных восхвалений «мудрой» политики нынешнего руководства страны. Но и назойливо повторяемое в этом опусе слово «интернационализм» не в состоянии скрыть воинствующего национал-экстремизма псевдоученого.

Е. Боннэр:

Почему страна не видела по ЦТ фильм о Сумгаите? Почему мы не знаем, были ли осуждены участники погромов в Сумгаите, Баку и в других местах? Кто и где их судил? Почему телезрителям не были показаны суды? Почему были арестованы после землетрясения члены комитета «Карабах»?—единственные люди в республике, которым доверял народ? Почему, когда были почти миллионные антиармянские митинги в Баку из-за того, что армяне якобы вырубают священную рощу в Топхане, стране и Азербайджану не показали это место? Все бы увидели, что никакой рощи нет (и не было никогда)⁶⁸.

А. Кибрик:

Совершенно недопустимо объяснять внутриазербайджанские события нагорно-карабахским кризисом. С точки зрения сумгаитского или бакинского погромщика, эти два ряда событий, разумеется, связаны непосредственно: за гражданские требования армян Карабаха должны ответить их соплеменники, находящиеся здесь, под рукой. Но можем ли признать такую логику оправданной мы? С точки зрения любого нормального человека, не одержимого средневековой идеей «коллективной ответственности», эта логика совершенно чудовищна. Особенно если учесть, что многие бакинские армяне давно обрусели, чувствовали себя частью надэтнической бакинской общности и не принимали близко к сердцу карабахский вопрос. Итак, говоря о погромах 1988—1990 гг. никак невозможно апеллировать к их карабахским истокам. А ведь, казалось бы, режет глаза несомненный факт: массовые и неоднократно повторяемые погромы и убийства мирных граждан происходили в Азербайджане (подчеркнуто нами,—И. М., А. О.), а в Армении ни-

чего подобного и близко не было!»⁶⁹.

Ю. Рост:

Страна по-маленьку вырабатывает защитительные эвфемизмы. Вместо слова «геноцид» кто-то употребит «проявление межнациональной розни», вместо расистов—«хулиганствующие молодчики», вместо организованного властями воинствующего национализма—«силы, которым выгодна дестабилизация общества», вместо партийных руководителей с именами спровоцировавших массовое убийство—таинственный «партаппарат»...⁷⁰

Издвеле замечено, что одно и то же явление, предмет воспринимаются разными людьми по-разному, причем иногда в полярной противоположности. Почти трехлетний марафон вокруг событий в НКАО не составляет исключения. Но любые субъективность, умозаключения и выводы на грани фантастики должны разбиваться и разбиваются о факты. Когда в соседней республике кричат о первых советских беженцах из Армении азербайджанцах, неплохо было бы обратиться к тому неопровержимому факту, что в первые девять месяцев карабахского движения—с февраля по ноябрь 1988 года шел, в основном, поток беженцев-армян из Азербайджана. И только после ноября у азербайджанцев в Армении появился повод выехать в соседнюю республику, но, повторяем, массовых погромов и массовых убийств здесь не было. Демократическое движение в Армении не ответило «сумгаитом» на «сумгаит». Этот факт, что представляется весьма симптоматичным, был признан всеми участниками⁷¹ международной конференции «Общество и история Закавказья», проведенной Центром восточных и африканских исследований при Лондонском университете летом 1990 года. На фоне такого признания, естественно, малоэффективными были пропагандистские потуги членов азербайджанской делегации (об одной представительнице, члене правления НФАЗ Лейле Юнусовой мы выше рассказали), особенно академика А. Дашдамирова, продемонстрировать, во-первых, демократический (на крови?) характер изменений, происходящих в соседней республике, а, во-вторых, гуманистическую (через погромы и убийства?) линию поведения азербайджанского народа.

Конечно, история знает примеры, когда выгода, говоря словами Л. Карпинского, иногда щеголяет в костюме

истины. И насилие над людьми—вторично, оно вытекает из насилия над историей. Бакинские армяне, как и все, кто жил в Азербайджане, стали заложниками исторического беспамятства, закамуфлированного в яркую обертку «ленинской дружбы народов». Но правда необходима.

Когда всматриваешься в ужасные фотосвидетельства погромов, насилия, вакханалии, избитых до полусмерти, в основном, пожилых людей, детей и женщин, слушаешь их сбивчивые монологи, вчитываешься в документальные материалы, акты судмедэкспертиз, то слова исчезают. Кто? Зачем? Но даже при предположениях параноиков о причастности... Гдьяна и всего мирового армянства, внутренней и внешней диаспоры к этим варварским акциям, нельзя ни на минуту забыть, что все это происходило в Баку, причем, повторимся, не в первый раз, и проделывали подобное представители самого «миролюбивого», «гуманистического» народа. Альтернативы здесь нет и не может быть! И национально-освободительным движением, «всплеском» национального самосознания азербайджанского народа никак не назовешь погромы 1988—90 года в соседней республике. Но как бы там ни было, а теоретическое обеспечение и обоснование этой беспримерно чудовищной акции уже состоялось. Даже с выходом сих лукавых мудрствований в зарубежные научные сферы.

Однако, обычная реакция обыкновенных людей на эти преступления однозначна.

Вот мнение тех, кто в кровавой бойне бакинских армян оказался не только невольным свидетелем происшедшего, но и спасителем несчастных узников «интернационализма».

Пресса свидетельствует:

Из газеты «Красноводский маяк»: Паром «Советская Грузия» подходит к красноводской гавани. Более полусуток делятся эти необычные рейсы. С трапа сходят уставшие, измученные люди. Добровольцы, молодые красноводские ребята, под руки спускают немощных стариков.

Начальник ГОВД Красноводска, майор Ю. Кармазин: То, что происходит в Баку, уму непостижимо. Прошло уже четверо суток с 15 января, когда прибыл первый паром с беженцами, а картина почти не изменилась. Правда, люди приезжают се-

годня в лучшем состоянии. В первые дни было страшно смотреть на разутых, истерзанных побоями людей. По некоторым фактам у нас заведены уголовные дела. Два человека—мужчина и женщина лет 85—90 скончались от ран и побоев на судне во время переправы.

Секретарь Краснодарского горкома партии Н. Муравьева: Мы уже приняли свыше 10 тысяч беженцев. Почти всех отправили на самолетах в Ереван. Ужасная картина!

Тяжелейшая, невозможная в цивилизованном мире ситуация стала ответственным экзаменом для всего медицинского корпуса Армении. Аэропорты «Звартноц» и «Эребуни» превратились в штабы оперативных действий, средоточение машин «скорой помощи», круглосуточных дежурных постов врачей. В режиме «чрезвычайного положения» работали не только врачи.

Пресса свидетельствует: В аэропортах, как в марте-ноябре 1988 года, действует центр приема беженцев с соседней республики. Более четырех тысяч прибыло, намечается прибытие свыше 25 тысяч соотечественников. Для их приема, оказания первой необходимой помощи в аэропорту работают медпункт, служба «Поиск», следственная группа Прокуратуры Армянской ССР.

▲ Открыт фонд помощи беженцам из Азербайджана №700810 Ергоруправления Жилсоцбанка СССР.

▲ Открыт фонд милосердия общества «Гтутюн» №700854 Жилсоцбанка Спандарянского района.

▲ При ЦК ЛКСМ Армении организована служба «Поиск» для тех, кто разыскивает своих родных и близких, бежавших из Баку, других городов и сел Азербайджана.

▲ В прокуратуре республики в связи с массовыми преступлениями, совершенными в отношении армян, проживающих в Баку и других населенных пунктах Азер-

байджанской ССР и потоком беженцев образована следственная группа по расследованию преступных посягательств на жизнь, здоровье, достоинство, имущество и свободу граждан, проживающих на территории Азербайджанской ССР. Такие же следственные группы созданы во всех районных и городских прокуратурах республики, а также в аэропортах «Звартноц» и «Эребуни», на ереванской железнодорожной станции и в больницах. С 14 февраля работает следственно-оперативная группа КГБ СССР, которая совместно с прокуратурой СССР проводит расследование уголовного дела по имевшему место в январе 1990 года в Баку массовым беспорядкам.

▲ В институте Армгипрозем организована регистрация беженцев и экстренная помощь им. Спортзал института переоборудован в комнату отдыха на более чем 100 мест, в которой помещались наиболее нуждающиеся в помощи—матери с детьми, старики, больные и получившие увечья. В медпункте организованы осмотр и оказание помощи людям, в столовой бесплатное питание. В институте созданы добровольные отряды и группы помощи беженцам.

▲ Создан оперативный штаб республиканского Совета, возглавляемый первым заместителем председателя Совета министров республики В. М. Мовсисяном⁷². При Совете действуют также группы по анализу и прогнозированию общественно-политической ситуации. Состоялось очередное заседание республиканского Совета по чрезвычайным ситуациям.

▲ Верховный патриарх, Католикос всех армян Вазген Первый дополнительно выделил один миллион 720 тысяч рублей в фонды по оказанию помощи беженцам и пострадавшим во время землетрясения.

В том числе на специальный счет по-

мощи беженцам—500 тысяч рублей.

▲ В Ереване состоялся общегородской митинг. Давно уже не было такого волнения на Театральной площади⁷³. Собравшиеся здесь около 300 тысяч ереванцев, представителей трудящихся различных районов республики, выразили глубокое возмущение новыми актами насилия, открытыми вооруженными действиями против армянского населения в Азербайджане⁷⁴.

В Ереване боль армян из Баку стала осязаемой в ночь с 14 на 15 января. Прибыл первый самолет. Это было страшное зрелище—в таком мнении сходятся все, кто по долгу службы, при стечении обстоятельств или в результате тревоги за родных и близких оказался в аэропорту. В течение суток прибыло 18 самолетов.

Пресса свидетельствует: Аэропорт «Звартноц». Сюда приземляются самолеты с беженцами. Из Ростова, Грозного, аэропорта «Внуково». Основной поток идет из Красноводска. Самолетами ТУ-154 с 15 по 17 января совершено 20 рейсов. Помогли пилоты Туркменского управления гражданской авиации, узбекские авиаторы. Первое сообщение в Армянское управление гражданской авиации поступило из Туркменского УГА 15 января и сразу в ущерб другим рейсам был организован воздушный мост Ереван-Красноводск. Самолеты продолжали прибывать.

Надо было видеть людей, спускающихся с трапа, их измученные лица, синяки под и над глазами, перевязи стариков, многие из которых не могли самостоятельно передвигаться.

Работники Государственного комитета Армении по приему и устройству возвращающихся армян, других компетентных служб встречали людей и не нуждающихся в срочной медицинской помощи (а таких было меньшинство!) распределяли в пансионаты, общежития, другие помещения, приспособленные для временного проживания, находящиеся в Араратской долине, городах Севане, Камо, Дилижане, Раздане и других.

Люди в белых халатах, уже прошедшие жесткую про-

верку на профессионализм в экстремальных условиях оказания помощи пострадавшим от землетрясения, казалось, разучившиеся удивляться и пасовать перед любыми трудностями, на какой-то миг терялись при виде несчастных, избитых стариков, женщин, детей.

— Это чувство можно сравнить с ударом обуха по голове. Казалось, на минуту теряешь сознание и находишься в кошмарном сне,—и сейчас, спустя более чем полгода после происшедшего, возбужденно вспоминает те жуткие январские дни заместитель начальника управления здравоохранения Ергорсовета Самвел Меликович Арутюнян.— Мы совершенно потеряли ощущение времени. Как в калейдоскопе, садились на летное поле самолеты. И мы все ждали—вдруг следующий рейс будет не таким жестоким, как предыдущий. Не потому что боялись работы. Уже были сформированы комплексные врачебные бригады, состоящие из хирургов, терапевтов, педиатров, организованы круглосуточные дежурства в управлении, аэропортах, стационарах, действовали группы быстрого реагирования травматологов. Проводились консультации квалифицированных специалистов. Были подготовлены и освобождены койки в больницах скорой помощи—детских №№ 2, 3, клинических—№№1, 8, «Эребуни», медсанчасти № 1... Словом, мы исполняли свой профессиональный долг. Смею заверить, что среди врачей не может быть неженков, но пассажиры этих январских рейсов были ирреальны; не укладывались ни в какие рамки наших представлений о последнем десятилетии XX века. Как врач и человек никогда не смогу понять и простить этих варваров, поднявших руку на пожилых людей. Многим они приблизили смерть, причем в самом ужасном ее варианте. Зачем? Кому они могли помешать или навредить? Нужны были их квартиры? Что, наконец, мешало отправить этих стариков к нам не избитых, не покалеченных? Можно ли воевать с ними?

Из справки управления здравоохранения Ергорсовета: В городские и республиканские учреждения поступило более 400 больных. Из них 16 января—73 человека, 17 января—111, 18 января—143, 19 января—178... В больницу скорой помощи до 20 января помещен 51, в «Эребуни»—58, медсанчасть № 1—44 больных. И опять поступления: 23 января—184 человека, 26 января—207, 2 февраля—228, 4 фев-

раля—231.

Из сообщения Арменпресс: По положению на 24 января в клиниках Еревана находится на лечении 219 депортированных из Баку детей.

Вот такая, необычная для мирного, невоенного времени статистика!

Заведующая отделом лечпрофпомощи горздравуправления Инесса Мнацакановна Авдалян знакомит нас с приказами тех дней, подписанными начальником А. М. Минаяном.

Приказ от 16 января 1990 г. Директору АТП Саакяну А.: откомандировать водителей в распоряжение главного врача больницы скорой медицинской помощи для организации круглосуточных дежурств... Во всех больницах города Еревана организовать круглосуточный легковой автотранспорт...

Приказ от 29 января 1990 г. В связи с экстремальной ситуацией, сложившейся в Ереване, приказываю...

1. Главным врачам клинических больниц «Эребуни», №8, медсанчасти №1, детских клинических больниц № 3, 4, городского психоневрологического диспансера Хачикяну Л. А., Саакяну Н. В., Хачатрян Р. М., Назаряну О. А., Айрапетяну Р. А., Дарбиняну Н. А. организовать круглосуточные дежурства в аэропорту «Звартноц», а также в поликлиниках №12, 14, детской №3. Главврачам всех взрослых детских территориальных поликлиник поручалась организация профосмотра беженцев.

— Растерянность была недолгой. Не до эмоций в такой ситуации. Мозг работал в том направлении, чтобы быстрее помочь людям. Обозначился и диагностический «круг»: множественные переломы, ушибы, раны лица, ребер, шейки бедра, конечностей, симптом очков, когда от ударов по голове вокруг глаз образуются сплошные кровоподтеки, сотрясения головного мозга, огнестрельные ранения. Это то, что лежало на поверхности. Но необходимо было не только оказание первой помощи, но и глубокое серьезное медицинское обследование людей. Короткие вопросы-ответы, затем отправка по больницам. Но даже в этом

почти не иссякающем в течение двух недель живом конвейере вдруг столкнешься с тем, что могло вывести из себя на какое-то время даже бывалых людей.— Я не считаю себя новичком в медицине,— продолжала Инесса Мнацакановна — да и в жизни пришлось немало испытать. Но, поверьте, до сих пор не могу забыть двух детей Шураевых. Кристине—два месяца, Сереже—один год и семь месяцев. У обоих в легких начался воспалительный процесс. Еще бы, ведь в январскую непогоду (слава Богу, что не было сильных морозов!) им, изгнанным вместе с матерью из дома, пришлось перенести все тяготы пути: Баку—паром—Красноводск—Ереван.

И опять те же вопросы: Кому они мешали? Почему жизнь детей, особо хрупкая у своих истоков и нуждающаяся в защите, подверглась таким неслыханным испытаниям? Эх, Аники-воины, «мужественные» и «храбрые» в войне со стариками, женщинами, детьми. Беспроигрышной войне!

Ереванская городская клиническая больница «Эребуни» в те дни напоминала фронтальной госпиталь. Да и через два с половиной месяца, когда мы туда пришли, вопрос о беженцах был таким же горячим и болезненным. Старшая медсестра больницы Гоар Хореновна Хачатрян перелистывает истории болезни и рассказывает, рассказывает... О каждом в отдельности и всех вместе:

— Они все были травмированы не только физически. Каждый потерял веру в людей, во что-то хорошее, справедливое. Многие утратили дар восприятия, понимания обыкновенных человеческих слов. Нам помогали опытные психиатры. Не всех, к несчастью, удалось спасти. Были ситуации, при которых врачи бессильны. Но если возникала хоть малейшая возможность, как еле заметная полоска света в конце туннеля, врачи медленно, но верно продвигались к ней. В этих целях использовались все средства.

Врач Рипсима Саркисовна Хачатрян до сих пор не может спокойно говорить на эту тему. Она также помнит всех поступивших в ее эндокринологическое отделение бывших бакинцев:

— Врачи не только сутками не отходили от кроватей больных, но и собрали для них около трех тысяч своих денег. Приносили вещи, фрукты, словом, кто что может. И надо однозначно сказать—мы действовали не только как врачи. Приходилось быть и сиделками, и нянями, и «целителями» душ. Сколько ночных исповедей я выслушала! Ведь при всей одинаковости их бедственного положения,

у каждого было свое восхождение на Голгофу.

Горячим металлическим ломом, образовавшим почти сквозную гнойную рану в паховой области, истязали Григория Арменаковича Кочарова. Хотя в больницу после так называемой «дороги жизни» через паром он поступил на шестой день после побоев—19 января в 9 часов утра, преступная «обработка» этого 65-летнего мужчины была налицо. И множественные ушибы, и раны, и, говоря бесстрастным языком медицинского документа, «неестественная поза правой ноги, (раны на стопе), согнутой в голеностопном суставе, вывернутой наружу в тазобедренной части». Слбвом, постарались «доблестные» молодцы, старательно «поработали» над человеком. Умирал он тяжело и долго, лежа на спине, ни с кем не разговаривая, не принимая пищи. Потом, как почти всегда в таких случаях, началась двусторонняя плевропневмония и на шестнадцатые сутки—3 февраля, на рассвете наступила смерть. Или избавление от мук, потому что вылечить этого не очень старого мужчину было невозможно. В Баку он жил на проспекте Ленина, где в доме № 146 занимал квартиру 38. Интересно, как живет в ней там новым обитателям?

Медленнее умирала в больнице Нина Арменаковна Каспарова. Умирала в сознании. Отошла от долгого молчания. Отогрелась в обстановке постоянного внимания и доброжелательности. Успела рассказать и о своей жизни, и о ее финале в Баку. Восемь лет назад ей ампутировали ногу по поводу гангрены, с тех пор в своей квартире № 9 дома № 23 по улице Рухуллы Ахундова жила, передвигаясь по комнате и, естественно, на улице с помощью коляски. Ее не только ограбили и били по чему и как попало, но и выбросили с коляски. Поиздевавшись вдосталь, затем посадили 70-летнюю женщину на разбитую, без одного колеса коляску, привязали ее и... спустили с горы. Так и летела она вниз, по улице Фабрициуса, к морю. И голова, и тело ее бились то о мостовую, то о коляску.

Гангрена ампутированной ноги, а также стопы, некогда здоровой; множественные ушибы мягких тканей, сотрясение мозга, признаки некроза...— вот с чем поступила в больницу Нина Арменаковна. В Красноводске ей наложили гипс, в Ереване лечили.

— 8 марта,—вспоминает Рипсима Саркисовна,—я ее поздравила, кормила дважды с ложки, причесала. Старалась шутить, хотя понимала, что дни несчастной женщины сочтены. Я к ней привыкла за те почти два месяца, что она у нас лежала. Очень интересным была человеком,

много знала, чувствовалось, что раньше любила читать. Боже, столько тоски было в ее глазах! 13 марта она скончалась.

Мы внимательно слушали врача, сопереживали, разделяли ее волнение и грусть. Но одновременно не могли уйти от исторических параллелей.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном совете. 1919 год. На улице Р. Ахундова (бывшей 4-ой Канитапинской, потом 4-й Свердловской), где жила Н. Каспарова, до резни 1918 года жило 825 армянских семей из 3462 человек. 1052 человека бежали, осталось 2410 жителей. Из них—190 были убиты, 163—исчезли без вести, 133—взяты в плен, 45 умерли. Интересно, что в том самом доме № 23, где жила спустя десятилетия Н. Каспарова, было убито только в одной семье из восьми человек—шестеро. Итак, после турецко-мусаватской расправы пострадали 45,72 проц. армян, жителей этой улицы, или 65,68 проц. тех, кто остался в городе.

Так было 72 года назад. Сейчас, как мы уже писали, даже с помощью депутатских запросов, нельзя сделать аналогичный подсчет не только по одной, отдельно взятой улице, но и по всему городу. Где они захоронены и сколько их—наших безвестно пропавших соотечественников, убитых, сожженных, сброшенных с балконов, тела которых спешно увозились на грузовиках в неизвестном направлении? (И даже в этом проявлялась четко продуманная организация, цельная система расправы с бакинскими армянами).

Люди исчезали бесследно. Как Лена Бадалян из дома № 39 по проспекту Ленина, о которой известно, что над ней надругались, затем убили и сбросили в специально подогнанный грузовик, в котором уже штабелями громоздились другие трупы. И он неспешно отъехал. Куда?

Впрочем, это риторические вопросы дилетантов-неумышленнейшей. И нам после долгих месяцев трудного, но основательного «вхождения» в тему, бесед с очевидцами, наконец, личного опыта, они ни к чему. Посему вернемся в больницу «Эребуни».

Девяностолетнюю Варвару Джумшудовну Лазареву

привезли в больницу в состоянии, которое не оставляет никаких надежд. Она вообще не могла разговаривать. Её имя кто-то неумело вывел на бумажке, приколотой к домашнему халату. Врачи делали все возможное и невозможное, чтобы вернуть ей жизнь. И она заговорила. Правда, медленно. Путая слова, не всегда находя их. О таких старушках говорят «божий одуванчик». И сил особых не надо, чтобы ее сбить с ног, но они били изощренно, чтобы подольше мучилась. Били по голове—сотрясение мозга, по лицу—остались синяки, по почкам—в поясничной области справа образовалась гнойная рана. Врачам при этом нельзя было ни на минуту забывать о традиционных для такого возраста ишемической болезни сердца, кардио—и атеросклерозах:

— Который час? Где я?—Это были первые слова. Снова провал.

— Всё болит. Душа болит.

И опять дни молчания.

Спустя месяцы врачи знали о ней много больше. Вся долгая жизнь человека и финал ее уместились в эти отрывочные, сказанные в разное время Варварой Джумшудовой фразы:

— Не видеть бы никогда Баку, не знать, что такой город есть. Умереть раньше, и не видеть такого... Я родилась в Баку. Училась здесь в гимназии. 60 лет проработала в этом городе... Господи, какие звери. Ворвались... Били, чем попало. Все унесли из дома. Опять били, их было много. Восемь? Десять? Не помню. Дальше ничего не помню...

Волею providения сложилось так, что Варвара Джумшудовна и Арцвик Казаровна Галустова оказались и на пароме вместе, и в одной больнице, куда поступили одновременно 16 января, в 4 часа дня, и жили в Баку на одной улице Кецховели, только одна в доме № 162, квартира 12, другая—в доме № 55, квартира 3.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном совете, 1919 год. На улице Кецховели (бывшей Верхне-Приютской) до резни 1918 года жили 823 армянские семьи из 3876 человек. 802 человека бежало, осталось 3074 жителя. Из них 136 убиты, 105—исчезли, 87—взяты в плен, 80—умерли. Пострадало 10,53 проц. армян-жителей этой улицы, или 13,27 проц. тех, кто остался в городе.

В квартире Арцвик Казаровны все проходило по тому же сценарию. Множественные ушибы, оттопанные пальцы рук и ног, раны на ногах, на лице кровоподтеки, вокруг глаз симптом очков. Страшные «очки» вместо яростно разбитых «надели» бандиты на заплывшие от ударов глаза 73-летней женщины.

Как ни старалась, долго не могла вспомнить своего бакинского адреса Мадлена Тумасовна Аванесова. Ее ударили ломом по голове и беспрепятственно начали грабеж. Буквально с того света вытащили Люсю Аршаковну Мкртычеву, через два месяца выписанную из больницы. Избитая в своей квартире по улице Фабрициуса, 34, она еще перенесла жуткую пытку присутствием при избивании своей сестры Аракси. Тщетны были просьбы: после каждого удара становились сильнее. Старшая сестра умерла в больнице в первый же день, не приходя в сознание.

Разные люди, разные судьбы, но в больницу их привели не классические для такого возраста болезни, а одна общая беда. Их били физически, уничтожали морально—растаскивая и безжалостно сжигая нажитое добро, памятные вещи. Кто однажды не нашел на привычном месте в своем доме хотя бы носовой платок или тряпочку, которой смахивают пыль с мебели, а потом долго искал, мучительно вспоминая, куда запропастилась потерянная вещь, тот, подумав, может представить, что значит, когда враз теряешь все, что имеешь. Дом, где знаешь каждую щербину на боку старой, но любимой кастрюли, где с закрытыми глазами можешь, протянув руку, взять с полки под настроение любую книгу, а выдвинув ящик письменного стола, достать из потайного угла письма, которые безотказно лечат при особо плохом настроении.

Разве можно, даже выздоровев, спокойно, без ночных кошмаров и мании преследования существовать, когда в момент теряешь всё? И не во время войны, пожара, землетрясения, наводнения, когда все равны и едины перед стихией или общим врагом. А с помощью здоровых, слишком здоровых молодых (и не только!) людей, которые, издеваясь, говорят о том, что еще наживешь другие вещи... Среди бела дня, а глазах у стражей правопорядка и соседей. Последние, кстати, тоже были разными: одни спасали, рискуя жизнью, другие поспешно указывали двери обреченных квартир, чтобы ненароком не навлечь беды на свою, третьи—также поспешно уносили из квартир не востребуемые после первых погромов вещи, не гнушаясь даже

банками с соленьями и вареньем. Тут была необходима особая сноровка. Бандиты, как правило, после первого раза, приходили еще и еще. У мародеров свои законы, в выигрыше оказывался тот, кто с наибольшим эффектом смог использовать небольшой интервал между набегами.

Сух и лаконичен медицинский язык истории болезни. **Евпраксия Аршаковна Диванян**, 64 года, жила по улице Инглаб, дом 70, квартира 37. Тяжелейшая форма сахарного диабета, множественные ушибы. **Левон Мирзоевич Мартиросов**, 62 года, выписан 5 апреля. **Софик Сергеевна Ванян**, 80 лет, жила по улице Менделеева, 8, выписана через месяц после поступления—19 февраля. На шесть дней раньше нее выписана **Шушаник Микаеловна Григорьян-Далгарян**, 80 лет с I-ой Свердловской, 12. Ушибы, атеросклероз сосудов головного мозга. Понижен слух, нарушена память. Самостоятельно ходить после побоев не могла, лежала. Потом стала садиться на кровати с посторонней помощью.

Ушибы тела, головы, выбиты зубы, сотрясение мозга—таковы результаты «гуманной» обработки **Гранта Вартановича Петросова** в своей квартире 5, по улице Анашкина, 5/27. Старались, надо сказать, сильно—жертве всего 54 года. Острый инфаркт—как результат перенесенного, случился уже в больнице. К слову, везде прослеживалось особо жестокое отношение к мужчинам. Чем моложе, тем больше калечили. С особой жестокостью и изощренностью. В конце концов добивали. Но не сразу, заставив испить до дна всю жуткую чашу издевательств, унижений, а затем медленного умирания.

История повторяется. Баку—18. Первым словом кровожадных банд, вбегавших во двор, было: «Есть здесь мужчины-армяне?» Первых и главных жертв они вообще искали среди мужского пола... Ловили и больше никак нельзя было их найти: ни в тюрьме, ни среди пленных. Куда они исчезали, в каких условиях жили, как убивали этих несчастных—все это оставалось совершенно неизвестным»⁷⁵.

Так и хочется воскликнуть запоздало: «Люди, будьте бдительны!» Но мы не знали историю. Иначе не позволили бы с собой сотворить такое, что уже проделывали с нашими недалекими предками. Не жили бы в городе, где камни заасфальтированных мостовых покрыты их кровью. Не

благоустроивали бы на последние деньги места захоронения своих родителей, умерших, к счастью, (какое кощунство!) в собственной постели до января 1990 года. А ведь многие из них помнили, как пришлось бежать и прятаться, прятаться и бежать, терять братьев, сестер, своих родителей. Но, увы, их рассказы не запомнились в сутолоке будней, тем более были неслышимы в праздники. И мы, словно одноклеточные, упивались «дружбы единой надежным оплотом». И пели, стараясь перекричать друг друга в школе, эти слова достойного нас и эпохи гимна.

Топором хотели убить **Владимира Оганесовича Инкадяна**, 64 лет, жителя квартиры 7, дома 225 по улице Первомайской. Но подоспевшие к погрому работники милиции увезли его в отделение, а оттуда на паром. Перенесший пять лет назад инфаркт миокарда, страдающий сахарным диабетом, он был милостиво оставлен жить наедине со своими серьезными болезнями—диабетической гепатопатией и гангреной, постинфарктным кардиосклерозом, ампутацией пальцев левой стопы, катастрофически обостренными побоями, погромом и изгнанием из собственного дома. Сахарным диабетом около тридцати лет болела **Мариам Исаевна Думанян**, также избитая и выгнанная из квартиры №1, по улице Горького, 57. Ее доставили в больницу в тяжелейшем состоянии. Больной хроническим сахарным диабетом поймет, что значит три дня дрожить без инсулина: это тоже разновидность изощренной пытки.

Тяжелое испытание подобной пыткой прошла **Евгения Шамировна Баркова**. Эта 68-летняя женщина болеет сахарным диабетом 27 лет, в Москве перенесла ампутацию ноги в результате гангрены, сопутствующей этой болезни. И ей пришлось пережить четыре ужасных дня в отделении милиции без инсулина. До этого—побили и выгнали из квартиры № 33, по улице Маяковского, 29. Не пощадил и **Раю Оганесовну Аветисян**. К своим шестидесяти годам она успела семь лет назад перенести инсульт, была больна сахарным диабетом и атеросклерозом головного мозга и сердца. Все это ее не спасло от погромщиков. Она жила в зоне их наиболее активных действий, у подножья бывшего Арменикенда—на I-ой Свердловской, 184. Ее били изощренно, безжалостно.

Немногим меньше месяца пробыл в больнице **Сергей Артемович Израелян**. Не только лечение и уход сыграли роль в быстром выздоровлении после жестокого избиения, перелома многих ребер, множественных ушибов, особенно

в области грудной клетки, но и фактор возраста. Бывшему бакинцу, жителю квартиры 74 дома 74 по улице Советской Армии было 37 лет. Выписаны из «Эребуни» Е. Малаханова, Е. Овагимян, В. Петросов, Ж. Хачатурова, Н. Григорьян, Л. Мартиросов, В. Ходжаниян. Не хочется, чтобы прочитавший эти перечисленные через запятые фамилии подумал, что их выздоровление шло легко и быстро. За каждым—побои, унижение человеческого достоинства, погром и изгнание из квартир. Причем не мифические расказы об обрезанных носах и ушах (что-то не видно на улицах Баку ни единого такого!), а жестокая реальность, зафиксированная медиками.

В городской клинической больнице скорой помощи обстановка складывалась не менее напряженно. Прямая связь с аэропортом «Звартноц», постоянные рейсы машин, прием больных... Главврач Р. Оргусян отдавал распоряжения по-фронтовому. Больных помещали на шестом этаже, в отделении грудной хирургии. Все они были с множественными ушибами, травмами, переломами. Здоровых участков тела у людей не было, но особое внимание погромщики уделяли голове. Семья Аванесовых была доставлена в больницу в полном составе: глава—Самвел Самсонович, водитель маршрутного такси, жена, их семнадцатилетние сыновья-близнецы Арсен и Аркадий. Рассказывает Самвел Самсонович:

— Мы искали обмен, и потому задержались. Уже два года дети не ходили в школу. Когда собрались выехать, нельзя было подойти к билетным кассам, особенно с моей типично армянской внешностью. Моя медлительность преступна, и обернулась для меня и семьи...

Не смог этот крепкий с виду, хотя и избитый, человек продолжить дальше. Понадобилось несколько минут, чтобы он начал снова говорить:

— Двери сломали быстро. Ворвались, вооруженные ножами и ломом. Детей отвели в одну сторону, меня с женой—в другую. Бандиты разделились. Одни избивали нас, другие выносили из квартиры вещи. Арсену попали в висок—он потерял сознание. Когда очнулся, обнаружил в кармане анашу. Нас выбросили на улицу в тапочках, домашней одежде. Мы инстинктивно старались быть ближе к милиционерам, но они гнали нас от себя со словами: «Правильно народный фронт поступает с вами». Нам удалось спастись чудом. Вначале бежали в здание ПТУ, из которого нас вывезли военные на своей машине на паром. Вы

видите, у меня повреждены руки, обморожены ступни ног. Целую ночь на пароме мы провели на ногах, хотя там было полно пустых кают. Пытки и унижения продолжались и на этой плавучей территории соседней республики. Только в Красноводске закончился кошмар. Кто за него ответит?

Трудный разговор получился с Савад Исаевной Аванесовой. И только ее почтенный возраст—72 года позволяет нам передать его. Ее муж погиб на фронте, и жила она с больным, прикованным к постели сыном—Николаем Айказовичем Аветисяном. Была на пенсии, но продолжала работать охранником ВОХРа в продуктовом магазине. Те, кто, взломав дверь их квартиры, вломился в нее, не ограничились погромом. Уносить из этого дома было нечего, старую мебель разбили и...

— Мне стыдно говорить об этом,—рассказывает, задыхаясь, Савад Исаевна,—больного сына избили, бросили в туалет и заперли там. Мне засунули кляп в рот и начали насилловать... Я сопротивлялась, кричала, они мне сломали обе руки... Зверей из народного фронта мне не забыть никогда.

Не менее трагичен рассказ избитых Розы Мартиросовой и Аси Даниэлян (одной—88, другой—76 лет). У обеих мужья погибли во время войны, трудовой стаж в «интернациональном» городе насчитывает более четырех десятилетий. Муж последней—Герой Советского Союза—Оганес Даниэлян, погиб в 1942 году у поселка Дорохово Московской области, на могилу которого вдова ездила не раз. Там ей оказывали почести, здесь, в беспамятном городе, позволили остаться без крыши над головой.

Те, о ком мы рассказали, лишь небольшая часть доставленных в больницы Еревана беженцев. И только в две больницы, хотя они поступали непосредственно из аэропортов в I-ую и 8-ую клинические больницы, в медсанчасть №1, детские больницы города. Беседы с бывшими беженцами на больничных койках были тяжелы, а подчас и попросту невозможны. Потому мы ограничимся сказанным. Нам осталось упомянуть тех, кто, несмотря на невероятные усилия медиков Еревана, скончался на родной земле. При всей трагичности этой констатации у них, ушедших в мир иной здесь, есть завидное преимущество перед теми, кто насильственно рассчитался с жизнью там, у соседей. Они преданы земле по христианским обычаям, и к месту их захоронения родственники имеют возможность положить цветы.

Вот этот скорбный список:

1. Арутюнян Григорий, 65 лет, 15 января поступил в боль-

- ницу скорой помощи, 19-го скончался от правостороннего пареза.
2. Арутюнян Петрос, 78 лет, 16 января поступил в медсанчасть №1, 17-го скончался от множественных ушибов, цирроза печени, печеночной комы.
 3. Айрапетова Заритах, 86 лет, 25 января поступила в больницу скорой помощи, 29-го скончалась от острого нарушения мозгового кровообращения.
 4. Аракелова Сирануш, 75 лет.
 5. Багирян Э. А., 72 года.
 6. Бадалян Софья, 90 лет, 16 января поступила в больницу скорой помощи, 29-го скончалась от множественных ушибов грудной клетки.
 7. Барсегов П. Ч., 78 лет
 8. Багирян Лазарь Айрапетович, 72 года, 16 января поступил в Варденисскую райбольницу с хроническим бронхитом, эмфиземой, острым отеком легких, в агональном состоянии, скончался через 15 минут после поступления в 21 час 45 мин.
 9. Габриелян Анна, 74 года, 16 января поступила в больницу скорой помощи, 31-го скончалась от последствий сотрясения головного мозга, множественных ушибов.
 10. Григорян Роберт, 60 лет, 14 февраля поступил в медсанчасть №1 с ушибами, переломами, обморожением ступней, 5-го марта скончался.
 11. Додохян Варвара, 80 лет, 17 января поступила в медсанчасть №1 с ушибами, пневмонией, 26-го февраля скончалась.
 12. Казарбекова Варвара, 88 лет.
 13. Караогланов Сергей, 67 лет, 22 января поступил в клинику №13 с ишемической болезнью, острым инфарктом миокарда, умер 5-го февраля.
 14. Каспарова Нина, 70 лет, 16 января поступила в больницу «Эребуни» с переломом правой стопы, интоксикацией, ушибами, переломами, умерла 13-го марта.
 15. Кочаров Григорий, 65 лет.
 16. Люлюмян Амбарцум, 80 лет.
 17. Маркосян Арусяк, 78 лет, 15 января поступила в больницу скорой помощи с множественными переломами, отеком легкого, 17-го умерла.

18. Мусаэлян Ашот, 72 года, 17 января поступил в больницу скорой помощи с ушибами, переломами, нарушением мозгового кровообращения, 2-го февраля скончался.
19. Мнацаканова Сатеник, 83 года, 21 января поступила в медсанчасть № 1 с атеросклерозом, умерла 6-го февраля.
20. Маркосян Татьяна, 86 лет, поступила 12 февраля в клинику № 2 из института протезирования с инсультом, 14-го скончалась.
21. Манукова Сирануш, 78 лет.
22. Меликов Мовсес, 78 лет, 17 января поступил с переломами, ушибами в медсанчасть №1, 20-го февраля умер.
23. Мкртчян Аракся, 65 лет, 16 января поступила с ушибами мягких тканей, сахарным диабетом в больницу «Эребуни», 15-го марта скончалась.
24. Макарова Соня Балабековна, 70 лет, 7 февраля с инсультом, инфарктом поступила в клинику № 2, 14-го марта скончалась.
25. Осипян Анна, 52 года, 27 января поступила в медсанчасть № 1 с ушибами, раком, 27-го марта скончалась.
26. Погосова Анна, 85 лет.
27. Паремюзян Арсен, 75 лет.
28. Петросян Мкртыч, 78 лет, 24 января поступил в клинику № 4 с двусторонней пневмонией, отеком легких, в этот же день скончался.
29. Саркисян Сатеник, 82 года, 18 января поступила в больницу «Эребуни» с ушибами, переломами, ишемической болезнью, 20-го скончалась.
30. Саркисова Анна, 80 лет, поступила 18 января в больницу «Эребуни» с ушибами, переломами, 22-го скончалась.
31. Сармакалян Лусик, 85 лет, 19 января поступила в медсанчасть № 1, скончалась 5-го февраля.
32. Саакян Маргарита, 81 год.
33. Шушанов Анатолий, 53 года, 19 января поступил в больницу «Эребуни» с множественными ушибами, переломом большой берцовой кости, скончался 29-го января.

Этот список составлен на основании данных, полученных в Министерстве здравоохранения республики, управ-

лении здравоохранения Ергорсовета, собственного поиска. Не на всех удалось собрать полные данные, уточнить адреса больниц и заключение о смерти. Важен сам факт — человека не стало. И в какой-бы больнице это ни происходило, везде самоотверженно, используя мельчайшую возможность, боролись за жизнь каждого. А диагнозы повторялись. С небольшими отклонениями в зависимости от степени жестокости воителей.

В списке, за редким исключением, люди преклонного возраста. Но это не уменьшает, а увеличивает вину вандалов. Известно, что в нашем регионе старость традиционно почитаема. Какие же матери родили и воспитали этих нелюдей, с азартом добывающих немощных людей? И что их самих в будущем ждёт с такими детьми? Не всплеском родительских эмоций продиктованы наши вопросы. Они адресованы тем читателям-аналитикам, которые при ознакомлении с возрастом покойных могут подумать ненароком, что эти люди и так стояли у порога смерти. Но кто дал право превратить последние дни, часы и минуты их жизни в ад?

Бакинские врачи тоже «старались». Старались как можно больше понравиться воинственному народному фронту. Отбросив профессиональную честь и клятву Гиппократова, они мстили за Нагорный Карабах своими методами этим совсем беззащитным людям, избитым и раненым их «благородными», «гуманными» соотечественниками. Мстили, заботясь о том, чтобы пациенты подольше не умирали. Это было вполне в силах людей, накладывающих швы на рваные раны, делающих уколы, раздающих таблетки. Ведь можно что-то перепутать, что-то не дать вообще, или, наоборот, убить удвоенной дозой. Предоставленные сами себе, освобожденные от каких-либо инспектирующих комиссий, бдительного ока министерства здравоохранения врачи и медсестры во всю развернули свою преступную деятельность по отношению к больным армянам. Многоопытный министр здравоохранения (за спиной годы работы в комсомольско-партийном аппарате) Талят Касумов в своем шикарном кабинете с селектором последнего поколения — не ведал, что творится в подведомственных ему лечебных заведениях? Или он тоже считал, что бакинские армяне заслужили исключительно такую участь. Чтобы смерть была для них долгожданным избавлением. И можно после всего случившегося спокойно жить, вальяжно сидеть в своем или другом аналогичном служебном кресле? Ез-

дить на отдых, с семьей в капиталистические и иные страны?

... 20 января 1990 года был миг, когда журналист «Комсомольской правды» Леонид Никитинский думал, что их с фотокорреспондентом «Советской культуры» Костей Корнешовым разорвут на части в кабинете главного врача «Скорой помощи» Дж. А. Гусейнова. Толпа, по словам коллеги из Москвы, окружила их плотным оружием кольцом — таков был накал ненависти. Его диктофон записал злобный голос чуть не убившей их женщины: «Вам, русским агрессорам, п-плюем!!!... Я говорю, что п-плюю на тебя, на всех русских! Убирайтесь!!»

Можно понять естественные слова благодарности Л. Никитинского к главному врачу бакинской больницы, сумевшему что-то крикнуть толпе по-азербайджански и утихомирить ее. Без преувеличения — своим вмешательством именно он, а не провидение, спас двух журналистов из Москвы от неминуемой расплаты. (За что? — И. М., А. О.). Но что помешало человеку творческому, думающему образно и способному к аналитическим обобщениям увидеть и осознать до конца бедственное положение армян, попавших в эти страшные дни пика вандализма и насилия в руки азербайджанского медперсонала местной больницы. Остается только предположить, что несчастным, безвинным людям было намного хуже, чем на пароме с азербайджанской командой мореплавателей и чуть лучше, чем в тюрьме. А, впрочем, лучше ли? Когда с твоей гноящейся раны отдирают со всей силой бинт, то и средневековые пытки могут показаться укусом комара.

За фразой репортажа «Имеются жертвы... (Чрезвычайные обстоятельства): «Армяне испуганным хором благодарили персонал за заботу, клялись пронести эту благодарность через всю жизнь...!» чувствуется ирония журналиста и нечто такое, что он не доверил даже бумаге. Но ситуация требовала не тонкой иронии и изящного словоплетения, а чувства глубокого восприятия своим сердцем чужой боли. На больничной койке надо было видеть не абстрактных незнакомых армянских старух, стороживших зажиточные квартиры (этот полюбившийся журналисту образ в репортаже возникает несколько раз), а попытаться представить на их ужасном месте своих близких и родных, вот так избитых в собственном разгромленном доме. Но на это журналиста с высокопрофессиональным пером не хватило: оно осталось холодным и беспристрастным. А

ведь не надо особо напрягаться, чтобы представить себе положение и конец этих несчастных людей после того, как, расставшись с тесноватым крахмальным халатом, под собственную ответственность главврача, гость из Москвы благополучно покинул данное «богоугодное» заведение.

Свидетельства очевидцев: «... С 15 января 1990 года я лежала в бакинской больнице им. Семашко с ожогами и травмами. Больница находилась под охраной солдат, чтобы раненых армян не добились погромщики. Но в ночь на 20 января положение изменилось. Солдаты ушли с больничных этажей, и осталась только внешняя охрана на улице. Нас, раненых армян, в палате № 6, куда всех согнали, было 19 человек на 5 коек... Многие раненые лежали на полу с переломами... Начиная с 20 января 1990 г. нас регулярно били врачи, медперсонал, посетители, раненые азербайджанцы и их родственники и даже студенты-медики... нам не давали воды, пищи. Мы пытались забаррикадироваться в больничной палате, когда приходили нас бить...»⁷⁶

Соответствующей была и «жатва» такого отношения людей, не ведающих, что такое профессиональная честь и совесть. Нам этих цифр и фамилий никто не назовет. Сведения наши обрывочны и опираются на свидетельства очевидцев.

В больнице 23 января умер 45-летний Володя Саркисян. 21, 23 января скончались старики—мужчина и женщина. 17 января от ран умерли Михаил Саруханян и Галуст Налбандян. О судьбе последнего, доставленного в больницу после погрома в квартире вместе с женой Еленой Михайловной, его сын Сергей узнал спустя месяц.

Из официального ответа начальника управления уголовного розыска МВД Азербайджана И. Усубова.

Ваше заявление, адресованное в МВД СССР о безвестном исчезновении родителей нами рассмотрено... Ваша мать Налбандян Елена Михайловна уехала в г. Москву, а отец Налбандян Галуст Сергеевич умер и похоронен на общегородском кладбище (Волчьих ворот).

И ни слова о том, как, при каких обстоятельствах оборвалась жизнь человека. Какое стыдливое умолчание!

Семья Налбандян жила в квартире 57, дома 103 по улице Ази Асланова. 63-летний отец, инвалид 1-ой группы был прикован к постели. Сыну—Сергею пришлось раньше покинуть город. Его непосредственный начальник—предусмотрительная З. Салахова, (кстати, родная сестра на-

родного художника СССР Т. Салахова), прошедшая хорошую и долгую школу в партаппарате, отправленная из него руководить обществом книголюбов в республике, заранее—до погромов ультимативно заявила: «работать мы вместе не будем» и предложила по-хорошему написать заявление об уходе. 28-летний специалист ей не подошел, как она выразилась, по национальному признаку. Родители остались. Парализованного отца нельзя было вывозить. Уже с лета 1989 года начались угрозы. Начальник ЖЭУ-47 прямо спрашивал: почему до сих пор не убрались? Особенно много разговоров было при получении талонов. Когда их выдачу задерживали, то при попытке выяснить причину, раздавалось грозное: «Много будешь говорить, натравлю на вашу квартиру еразов». И женщине приходилось молча уходить из конторы.

Толпа ворвалась 14 января в 6 часов вечера: взломали дверь, оборвали телефонный провод, начали бить цепями, палками, прутьями. Галусту Сергеевичу выбили зубы, повалили на пол, били ногами, палками. 56-летнюю Елену Михайловну потащили вниз, сорвали с нее одежду и сбросили в яму у мусорного ящика. Поднялись в дом, добивали мужа бутылкой. Затем наступила в насилии пауза, занялись мародерством. Стали выносить вещи. В 12 часов ночи вновь пришли. Мужа били и выбросили со 2 этажа. Поволокли и жену по лестнице, стали снова их бить палками. Потом опрокинули на них мусорные ящики и хотели сжечь. Оставили затею. 15 января вновь вытащили их и по лестничной клетке поволокли вниз. Затем приехала «Скорая помощь». Когда увозили Елену Михайловну, она кричала, Галуст Сергеевич не шевелился. В крови была вся лестница—и ступени, и площадка.

Прошло еще три месяца, но сын так и не получил свидетельства о смерти своего отца, несмотря на неоднократные обращения в различные инстанции соседней республики. Отчаявшись, он пришел с заявлением в Мясникий районный совет народных депутатов г. Еревана. Но чем могли ему там помочь? Разве посочувствовать. В тщательно спланированной акции погромов и убийств у врачей была своя миссия: не лечить, но быть «аккуратными» в отношении выдачи свидетельства о смерти. Опыт Сумгаита научил не оставлять следов. Ведь каждому ясно: фото только двух документов-свидетельств о смерти отца и сына Арамянов с диагнозом «кровоизлияние под оболочки и желудочки головного мозга, перелом костей черепа» впе-

чатляет больше, чем два тома самой высокопрофессиональной публицистики на эту тему. Мы, к сожалению, такими документами не располагали. Смерть в эти дни у армян в Баку, если верить немногим выданным свидетельствам, в основном, наступала от сердечной недостаточности, кровоизлияния, инсультов. Именно так — «кровоизлияние» написано в свидетельстве о смерти зверски убитого 10 декабря 1989 года Сулеймана Бадаляна в своем подъезде дома 118 по Ленинградскому проспекту, где он жил с семьей в квартире № 79. Кого покрывали медики? Своих агрессивных соотечественников? Вандалов?

О больнице Семашко в эти дни вспоминает В. Пашаян, у которого состоялась встреча с представителями народного фронта 13 января на подступах к городу, при въезде на автомашине:

— Здесь я узнал, что такое милосердие по-азербайджански. В приемной нас, двух избитых, окровавленных, пожилых людей окружили и стали выражать негодование и сожаление по поводу того, что нас не добились, оставили в живых. Медсестра так рванула мою повязку, что из раны забила кровь. Тут одна санитарка, по-моему, татарка, посоветовала убежать отсюда, а то убьют или выбросят в окно. Спустившись незаметно на I этаж, я увидел, как толпа с улюлюканьем, палками и прутьями выволакивала из больницы двух стариков, видимо, мужа и жену — раздетых, перепуганных, окровавленных. Мне удалось незаметно исчезнуть.

Музыкальный руководитель детсада № 100 Насиминского района, специалист с высшим консерваторским образованием Ирина Агиян с двумя маленькими детьми стала объектом бандитского нападения в своей квартире 24, по улице Корганова до официального начала погромов — 9 января в 8 часов вечера. Непосвященным сообщаем — это центр города. Ей рассекли тупым деревянным предметом голову, и когда сильно хлынула кровь, то, прервав маршдерство, представители народного фронта, как они себя величали, удалились, пообещав: «это еще не все, мы вернемся». Соседи вызвали «скорую», детей укрыли у себя. Так Ирина оказалась в больнице Семашко. Ей наложили швы, сделали повязку, но и тут ворвались молодчики, и с именем народного фронта на устах потребовали, пригрозив расправой, всем армянам немедленно убираться из больницы. 10—13 января они угрожали. 14 января с 11 часов утра начали сбрасывать тяжелобольных с окон.

— Одного мужчину 38—40 лет по имени Александр Киракосян, — вспоминает Ирина, — его бакинский адрес приблизительно: Низами, 153, на моих глазах выбросили из окна. Я его потом встретила почти голого, всего в крови, еле разговаривающего от того, что у него распухли лицо, губы, язык в РОВД имени 26 бакинских комиссаров. Он с нами вместе 15 января в 5 часов дня уехал на пароме в Красноводск. Мы ему помогали.

До парома у Ирины был путь неблизкий. Убежав из больницы, она обратилась за помощью в комендатуру. С военными поехала к себе домой забрать хотя бы для детей и себя необходимые вещи и документы. Но квартира была полностью разграблена. Книги сожжены или порваны. И она в больничном халате с полураздетыми детьми, попала в РОВД, оттуда на паром.

Словом, в бакинских больницах армянам можно было спастись, лишь вовремя убежав оттуда. Медперсонал соседней республики вполне соответствовал требованиям, духу и букве народного фронта Азербайджана. Речь шла не о лечении, а о том, чтобы не быть убитыми «милосердием» и высоким «профессионализмом» азербайджанских медиков.

В разгар событий в Академии наук Армении состоялось расширенное заседание президиума. На нем было принято обращение к союзной Академии наук, ее филиалам, Академиям наук союзных республик, зарубежным филиалам. Ученые Армении призывали ученых мира «поднять голос протеста против варварского истребления армянского населения в Азербайджанской ССР. После безнаказанного геноцида в Сумгаите новая волна зверств достигла своего апогея 14 января 1990 года в массовых убийствах армян в Баку».

Но этот голос, как и все остальные, в Баку не услышали. Народный фронт не мог не знать, что его именем совершается насилие, убивают и грабят людей. Наконец, если даже члены этой организации, прекрасно вооруженные, как показали дальнейшие события, отрицают свою причастность к погромам, то никто из них пока не отказался от эвакуации или депортации, попросту насильственного изгнания бакинских армян.

Обман, насилие, и опять грабежи, издевательство — все это успешно проделывалось и в квартирах, особенно в тех, где было что взять, а также по дороге в «Шафаг», внутри него и на ближайших и дальних подступах к парому.

А кто блокировал аэропорт, работа которого была полностью парализована? Кто наращивал боевые силы в городе, создавая группы, мобильно перебрасываемые с различных концов города? По чьему мудрому «гуманному» приказу 19 января, для заграждения фарватеров около 50 судов «Каспморнефтефлота» окольцевали Бакинскую бухту? Кто вел автоматно-пулеметный огонь с судов «Водолей-4», «Нефтегаз-30», «Сухона»?

Кто они? Мирные, образованные демократы, владеющие, как выяснилось из лозунгов «голодающих» в Москве, тремя европейскими языками? Что им стоит поиздеваться над армянином-парнем, обязательно раздеть его, и потом, ограбив, избить? Или на забаву себе и другим заставить девочку-армянку чистить отхожее место после себя? Не надо особых доказательств: каждый, кто был в Баку в эти дни, видел, что погромщики в монолитном единстве выступали с теми, кто сейчас в иных случаях небезуспешно маскируется под «узников совести». В больницах «чудеса» также творились именем народного фронта.

Последние акции этой организации, вступившей в предвыборный марафон, имеют цель показать свою полную непричастность к кровавым семи дням. Ее эмиссары усиленно рекламируют себя защитниками демократических ценностей. В этом случае мы позволим себе присоединиться к вопросам московского лингвиста Андрея Кибрика, заданным со страниц журнала «Страна и мир»:

1. Если НФАз—демократическая организация и притом настолько сильная, что к 19 января чуть ли не захватила власть в Баку, почему она 13 января и в последующие дни допустила массовые погромы? Неужели она так усилилась именно за последние шесть дней?

2. Нет ли подозрительного единства целей в действиях погромщиков и НФА (даже если это не одно и то же)? Одни армян убивают, а другие «эвакуируют», или, лучше сказать, депортируют. Не лучше ли было бы такой могущественной организации, которая может контролировать весь Баку, обратить усилия на защиту своих сограждан без их депортации?

3. Почему НФА в течение двух лет

громогласно не отмежевался от «сумгаита»?

4. Почему нынешние беженцы из Баку в один голос называют именно НФА как организатора погромов и утверждают, что они были спокойны за свою жизнь, только когда в Баку существовало особое положение?

5. Почему демократический НФА стал захватывать власть столь недемократическими средствами?

Трудно не согласиться и с выводом ученого о том, что «эти вопросы ставят под сомнение существование хоть сколько-нибудь значительной демократической компоненты в НФАз, его непричастность к геноциду и независимость от коррумпированных структур существующей власти».

Беженцы из Баку не могут заковать свои эмоции в столь научный вывод. Они выражаются проще. И их можно понять. Потому что «демократическая» машина, пущенная народнофронтами с вполне «гуманистических» высот, проехала грузовым тяжеловесом по их судьбам, безжалостно вырвала из привычной среды обитания, лишила крыши над головой и даже права на ностальгию, пустила под откос всю прожитую жизнь. Они были без особых раздумий и угрызений совести отданы на растерзание толпе. За это кто-нибудь когда-нибудь ответит? Тут уместно вспомнить слова народного депутата СССР А. Воробьева, которыми мы и завершим эту главу: «Только давайте без дураков: не надо обвинять безымянных армян, что будто бы они сами себя резали, или первыми начали, или сами бросались из окон, сами заблокировали железную дорогу (как это утверждал один гражданин на предпоследнем Съезде народных депутатов)... То, что происходит в Армении—не «внутреннее дело СССР», а всемирная беда. Мир людской должен, наконец, заявить, что он больше геноцид не допустит и не позволит»⁷⁷.

«ЗА ЧТО НАС ОТДАЛИ ТОЛПЕ?»

В «Голубой Севан» мы ехали апрельским, не по-весеннему хмурым днем. Дождь лил сплошной стеной, и, казалось, «хляби небесные разверзлись», чтобы эмоционально усилить, хотя этого вовсе и не требовалось, впечатление от всего услышанного и увиденного.

Погода, словно, не могла и не хотела остаться равнодушной ко всему случившемуся с теми, кто в одночасье потерял дом, работу и был безнравственно вырван из привычной среды обитания.

Уже полны были беженцами близлежащие пансионат «Аревик» и мотель «Севан», когда к вечеру 29 января у «Голубого Севана» остановился автобус с бывшими беженцами. 61 человек гостеприимно встретила и без лишней суеты разместила в специально подготовленные комнаты сестра-хозяйка Тамара Ивановна Андронян. Русская женщина, мать троих сыновей-армян, которую в молодости привела на нашу землю первая и единственная любовь, досконально изучившая язык и обычаи народа, среди которого живет уже десятилетия, она не могла и спустя несколько месяцев отделаться от простейшего вопроса: за что? Кому в Баку мешала двухлетняя Яна (к тому же с еврейской фамилией) с непростительным для городских новопришельцев криминалом-армянкой мамой и восьмидесятилетия Айкануш Айрапетова из некогда уютного, чистенького дворика дома № 16 по улице Рылеева? Или ее соседи из этого же дома — семья Сарибекых с детьми-школьниками — Артуром и Дилной?

В квартиру № 85 дома № 36 по Зыхскому шоссе, где жили Яна, ее четырехлетний брат Сергей, их мать Лиля Джангириян и бабушка Люся Григорьевна стучали и звонили с требованием поскорее убираться на протяжении двух лет. Собственно, под эту дикую канонаду родилась и росла Яна. Обращения в местную милицию не помогали. Пустым оказался и совет установить в квартире сигнализацию. Погромщики ворвались и били. Били жестоко. Скинули на ногу старой женщины с газовой плиты кипящий чайник. Выгнали из дома, не разрешив взять даже детских одеял, чтобы завернуть в них малышей. Чудом попали Джангирияны на московский поезд, с которого их в Орле сняли из-за тяжелого состояния Люси Григорьевны. Уже в больнице удалось приостановить гангрену ноги, с которой вместе с чулком снялась кожа. Так 66-летняя пенсионёрка, всю жизнь проработавшая уборщицей в разных учреждениях Баку, стала инвалидом, которой теперь не только никогда нигде не навести чистоты, но и обслужить себя трудно.

Есть поверье: те, у кого родились правнуки, попадают прямо в рай. Не знаем, выдадут ли в будущем сей мандат Арусак Багириян ее правнуки — Лада и Марат, но по дороге

к нему она на «гостеприимной» азербайджанской земле уже испытала все муки ада. Ее муж, Евгений Гайер, плотник республиканского художественного фонда находился на работе, когда толпа ворвалась в их квартиру 22, по улице Инглаб, 92. Хозяйку посадили в центр комнаты и на ее глазах стали растаскивать вещи. Искали деньги, нашли документы, которые порвали с особым остервенением, разбили посуду. Погромщики так увлеклись, что забыли на время о несчастной женщине. Она впопыхах надела на себя два домашних халата, взяла в прихожей сумку и неслышно выскользнула из собственной квартиры. Но далеко уйти ей не удалось.

На улице, у дома, ее остановили. Вытряхнули содержимое кошелька: 35 рублей, а также спрятанные в особом «тайнике» семь рублей мелочью для любимой игры в лото. Та же участь постигла сумку. Ее опустошили вмиг: конфеты, мыло разделили между собой. Тут же, на улице, поделили и чай со смехом и словами: «пусть наши дети пьют, не армянам же оставлять». Муж понял, что его жены уже нет дома, когда, придя с работы увидел полностью разграбленную квартиру. Ни денег, ни одежды. Запомнились только собственные трусы, повешенные на раскрытую настежь дверцу шкафа. Уже позднее он нашел жену и узнал от нее о часах, проведенных в отделении милиции поселка Монтиня и на пароме. Вместо всех порванных и отнятых у нее документов она располагала лишь одним, удостоверяющим личность. Красноводецкий горисполком подтверждал, что «Багириян А. И. была доставлена в качестве беженца из Баку 16 января 1990 года».

И в Республиканском центре по назначению и выплате пенсий и пособий, казалось бы, сугубо мирной, гуманистической организации, где работала Эльмира Степанян, и дома, в дальнем поселке «Гюнешли» (по иронии — «Солнечный»), в котором начали заблаговременно организовано-тотально расправляться с армянами, она чувствовала огромную силу выталкивания. Спасалась, пока была возможность, у родственников. С помощью знакомых азербайджанцев удалось выехать из города 18 января.

Путь из Баку, где родилась, оказался длиннее и мучительнее у Розы Барсеговой. До 18 января, когда ее доставили на паром, хлебнула чашу горя до краев. Ее, как и многих других, уволили с работы 1 декабря 1989 года, хотя она считалась опытным бухгалтером ПАТО Баксанкомтранса. 14 декабря похоронила мужа. 13 января ве-

чером в дверь позвонил сосед с пятого блока. Сказал:

— Открой, не бойся, есть обмен с Грузией.

Открыла. Ворвалось человек 10—15 с топорами, прутьями, ножами. Стали выносить уже упакованные вещи, переворачивать все. Несмотря на бессмысленность вопроса, спросила:

— Что делаете?

И соседу:

— Я от тебя не ожидала этого.

На крик вышли соседи. Кто-то пытался вступиться.

Их осадили:

— Молчите, а то детей недосчитаетесь. Жить надоело, что армян защищаете?

В районном отделении народного фронта их, примерно 30—40 армян, держали заложниками до утра. Мужчин отделили. Как выяснилось, чтобы бить.

Сына, избитого до неузнаваемости, с изуродованным лицом встретила на пароме. Ахнув, спросила:

— Что с тобой?

— Мама, не спрашивай, я живой, я с тобой. И хорошо.

До сих пор сильные боли мучают Михаила. Он не любит вспоминать происшедшее. У него растут сыновья Арам и Месроп. Жизнь продолжается.

В квартире 9, по улице Каверочкина, 16, к Анжеле Мусаэлян, работающей до конца ноября прошлого года уборщицей в Азгипронефтехиме, стучались каждую ночь до тех пор, пока насильно не вселили туда женщину. На вопрос, где же ей жить, цинично отвечали: «езжай в свою Армению».

Соседка с несколькими женщинами ворвались в квартиру № 10 по улице Инглаб, 117, к Марии Андриасовой, которая жила с дочерью Лаурой Агаянц и внучкой Лолитой. Избили хозяйку квартиры, вынесли все вещи. Приехали, когда все уже закончилось, вызванные по телефону «стражи» порядка. Их резюме было коротко и однозначно:

— Правильно сделали. Убирайтесь отсюда. Нечего здесь сидеть.

И участковый «проводил» семью на паром. Так не стало дома, из которого на глазах вынесли все. Не забыли даже соленья и бельевые прищепки.

Бадаляны потеряли не только трехкомнатную квартиру, все накопленное двумя поколениями добро, но и главу семьи. Его вызвали к телефону в соседнюю квартиру и в блоке стукнули по голове ломом. Жена и трое взрослых

детей разместились в пансионате, хорошо понимая временность своего жилья.

Из собственного дома по 4-ой Слободской пришлось бежать Зое Агабекян. К ней еще в декабре 1988 года приходил сосед Вагиф с требованием покинуть квартиру:

— Ты еще здесь живешь? Ничего, скоро тебя отсюда выкинут.

Так и случилось. Они ворвались вечером. Один встал у двери, другие начали выкидывать из шкафа вещи и набивать ими сумки. Она воспользовалась их «занятостью» и, схватив плащ, выскользнула за дверь. 10 дней скрывалась у знакомых в подвале по улице Дружбы молодежи. Но ее увидели соседи, и каждый день приходили с напоминанием:

— У вас прячется девушка. Армянка?

Достали билет на Тбилиси. Но у трапа самолета ее ждало еще одно испытание. Молодая работница Азербайджанского аэрофлота, вчитавшись в фамилию, гневно воскликнула:

— Армянка?

И порвала билет.

Спас пилот-грузин, взяв ее к себе в кабину.

Там она и переждала тотальную проверку авиалайнера представителями народного фронта. Вернулась в салон при полном наборе высоты в безнациональном небе на пути, слава Богу, в столицу Грузии.

Михаилу Минасяну, инвалиду войны, 47 лет носящему в своем теле такую ее зарубину, как фашистские осколки, не представлялось, что придется на склоне лет пережить подобное в городе, куда родители привезли трехлетним ребенком, где трудовой стаж только двух поколений семьи составляет свыше ста лет. Из них 45 лет у отца—почетного нефтяника, 30 лет—у матери-швеи. В его квартиру 69 по улице Рустамова, 54, что находится в поселке «Восьмой километр», ворвались 14 января в 3 часа дня. Разломали двери и окна квартиры, грозили убить и начали грабеж. То же самое проделали и с квартирой дочери:

— Я имею высшее образование. В мирное время работал от ученика заготовщика до инженера типографии,— рассказывает Михаил Карапетович. Их было человек 30, и в этой группе находились работники милиции, которые не дали мне одеться, вначале загнали в угол комнаты, а затем вывели из квартиры, посадили в машину и увезли в УВД Бакгорисполкома по улице Гоголя. Тем самым работники этого «правоохранительного» учреждения дали

возможность бандитам беспрепятственно грабить мою квартиру. 15 января после шести часов вечера, нас всех, собранных в управление с окрестных улиц армян погнали как скотину на паром. Это было освобождением, но все нажитое нашим совместным трудом испарилось так, будто и ничего не было. Словно, не жили, не работали.

В пансионате нашли пристанище разные люди: учительница Карина Минасян с улицы С. Осепяна, 37а, пенсионерка Тереза Абрамова, покинувшая квартиру по улице Свердлова, 162, машинистка Ирина Григорян, с мужем Александром и детьми Элен и Эдуардом, ранее проживавшая в доме 10 по улице Чапаева и другие. У каждого своя история, своя боль. И четкое понимание зыбкости и временности существования здесь, в пансионате. В поисках выхода из положения учительница безуспешно пытается стать официанткой, диспетчер таксомоторного парка «перечувывается» на ткачиху. Бездомные люди мечтают хотя бы в отдаленной перспективе иметь собственную, а не «казенную» крышу над головой. Но над всеми планами, неудачами назойливо, с неизменным постоянством витает вопрос: «за что?»

Свидетельствует пресса. Беженцы в Москве:

▲ **МАРИНА ОГАНЯН**, 33 года: Группа азербайджанцев, сказавшаяся, что они члены народного фронта, выволокли во двор моего 70-летнего отца, избили его, повалили на землю. Один из бандитов стал танцевать на отце. Когда погромщики ушли, нам удалось вызвать «Скорую помощь». Привезли отца в больницу, врачи охарактеризовали случившееся, как бытовую травму. Отец сказал мне: «беги». С помощью друзей удалось достать билет на самолет и вылететь в Москву.

● **ТАМАРА АРУТЧЕВА**, 48 лет:—Была инженером, сейчас беженка. Все, что имела, на мне. Ни денег, ни жилья. Мама—русская, отец—армянин, он умер. Работала на заводе им. Калинина. (Предприятие считалось на протяжении десятилетий флагманом интернационализма в Насиминском районе. Передовой коллектив прославляли в докладах партийных лидеров районного,

городского, республиканского масштаба, обязательным было представительство рабочих в депутатском корпусе местных, а также Верховных Советов республики и страны. Завод всегда находился в центре внимания первых секретарей ЦК Компартии Азербайджана. Не обошел его стороной и А. Х. Везиров, речь которого на заводском собрании партийно-хозяйственного актива транслировалась по республиканскому телевидению в канун армянских погромов. Многие беженцы в беседах с нами, естественно, заранее не сговариваясь о том, считали сигналом к их началу его слова, сопровождаемые соответствующими манипуляциями рук: «одними только пальцами мы не сможем ничего сделать, они сломаются, но если сжать все пальцы в кулак, тогда мы все решим и прежде всего,— вопрос Карабаха»—И. М., А. О.) Члены народного фронта, работавшие со мной, неоднократно угрожали мне. Требовали написать заявление об уходе. Куда? Я родилась в Баку, там мои корни, куда мне было ехать из родного дома?

(Здесь требуется еще один авторский комментарий, дополнение к газетному тексту. Необходимо вспомнить о женщине с аналогичной судьбой. ЕЛЕНУ МУРАДОВУ, монтажницу прославленного завода, избили прямо на предприятии. Когда пожаловалась директору, он развел руками, определеннее высказалась начальник отдела кадров Садыхова: «Зачем до сих пор сидишь в Баку и на работу ходишь? Уходи!, Уезжай!» Представители народного фронта предупредили: «увидим армянского ребенка в школе—придавим». Так одновременно «указали на дверь» и старшим, и младшим. В течение нескольких часов было разграблено все имущество, и женщина с детьми выгнана из квартиры 32, по Московскому проспекту, 73а. «Добряки» из народного фронта дали 10 минут на сборы. Не тронули,—И. М., А. О.)

— После каждой угрозы, надеялась, что все уляжется. Не улеглось. Неизвестные люди заявили ко мне домой, потребовали срочно покинуть квартиру⁷⁸.

▲ 16 января среди группы беженцев из Баку оказался 83-летний старик. Вот так из-за проводимого в соседней республике геноцида на девятидесятилетнем рубеже стал бездомным беженцем НИКОЛАЙ ДАВИДЯН, человек, который жил в Баку с 1924 года и который внес вклад в обучение партийных кадров вышеназванного города, республики и всего Закавказья. Член КПСС с 1929 года, с 1948 года работал в Бакинской высшей партшколе — вначале заведующим заочного отделения, а позднее — проректором. Он рассказал:

— Услышав о первых зверствах, я сразу же позвонил в ЦК КП Азербайджана и сообщил об этом. «Не стоит беспокоиться. Если вновь случится подобное, позвоните» — был ответ. 14 января озверевшая толпа, состоящая из 18—20-летних подростков, вооруженная топорами, ножами и прутьями, взломав дверь, ворвалась в квартиру. Избив меня и сестру, нас выволокли на улицу, не разрешив взять с собой ничего. На улице ждала другая толпа, которая с издевательствами и улюлюканьем отправляла нас в РОВД имени 26 бакинских комиссаров⁷⁹.

▲ Второй «сумгаит» или новый «баку»? РЕНАТА БАЛАЯН: Разъяренная толпа ворвалась в квартиру. С наполненными кровью глазами человекоподобные чудовища, держа в руках ножи и другое холодное оружие, готовые в любую минуту растерзать оказывающих сопротивление, задавали только один вопрос: «Армяне есть?» И не дожидаясь ответа, будучи уверенными, что перед ними армяне, волокли на улицу. Так поступили и с нами, не разрешив взять с собой самого необходимого.

● ИЗАБЕЛЛА ГРИГОРЯН: Называю-

щие себя представителями народного фронта боевики взламывали двери квартир, врываются, зверски избивали пожилых. На наших глазах, выкручивая руки, увели 40-летнюю миловидную женщину и ее 19-летнюю дочь, говоря, что «эти нам еще пригодятся».

● ВИОЛЕТТА ИСРАЕЛЯН: Ничего не могу рассказывать, не могу еще раз пережить весь этот ужас.

● ДИАНА БУДАГЯН: Взломав дверь, ворвались в нашу квартиру, избивая и угрожая нам еще большей расправой, выгнали из дома. «Подождите, очистим Баку от гяуров, доберемся до Карабаха и еще до Еревана очередь дойдет» — говорили они. Уже на улице мы видели, как из окон и с балконов дома на противоположной стороне улицы выбрасывали людей с зажженным факелом на спине⁸⁰.

● В аэропорту семью МОВСЕСОВЫХ и еще шесть армянских семей посадили в самолет, отправлявшийся в Одессу. По ходатайству облсовпрофа, взявшего под опеку беженцев из Азербайджана, их разместили в санаторно-профилактическом объединении рыбного промысла «Антарктика». Каждой семье отвели блок из нескольких комнат, обеспечили питанием, взяли под медицинское наблюдение. Расходы по их содержанию принял на себя облсовпроф, используя отчисления на социальное страхование. 66-летняя М. Мовсесова теперь спокойна за жизнь правнука Аркадия (ему от роду две недели, но уже беженец) и 15 внуков.

— Сын Роберт со мной. В Баку я родилась, здесь же родились десять моих детей. Вместе с мужем, ветераном войны, проработали всю жизнь, создали семейный очаг. Теперь он разгромлен. Роберт — шофер, работал в бакинской автоколонне 2706. Его избили, выгнали с работы, даже не выдали трудовую книжку. Пропала его жена — ушла за хлебом и не вернулась.

Маленькие дети—дочь и сын—зовут мать по ночам²¹.

Таковыми свидетельствами в те январские дни была полна наша местная пресса, реже появлялись они в центральной. А после ввода войск в Баку, все разом, словно сговорившись, забыли о предшествовавших этому событию кровавых семи днях. Только Армения продолжала жить болью своих соотечественников.

Из «Голубого Севана» мы возвращались к вечеру. Погода не улучшилась, как раз обратное—дождь превратился в снег. Необычный для апреля, он беспорядочно, суетливо ложился на лобовое стекло автомашины. А наши мысли были в том бесснежном бакинском январе, когда с армянами при попустительстве власти и всех отвечающих за общественный порядок в городе, жестоко расправлялись. Когда интеллигенция спряталась, дрожа в своих домах, за семью запорами. Сейчас при общем молчании о тех днях, раздаются весьма громкие голоса о спасителях армян-азербайджанцах. Ими действительно, стали сослуживцы, соседи, знакомые. Без их мужественных поступков было бы больше жертв, попранного человеческого достоинства, дольше дорога из кровавого города. Но при относительном согласии с этим дружным хором следует также помнить, по крайней мере, о двух обстоятельствах. **ПЕРВОЕ.** В конце XX века, в городе, именуемом себя столицей цивилизованной республики, нельзя было ни при каких обстоятельствах допустить такого положения, при котором резали людей, изгоняли из жилищ, издевались над ними. Тогда бы попросту не пришлось никого спасать. В Баку на улицах в эти дни злобно, агрессивно спрашивали корреспондента «Известий» С. Мостовщикова (о чем он поведал в одном из репортажей на страницах своей газеты): «зачем вы приехали писать о погромах и фотографировать трупы в республике, которая вынуждена защищать себя и бороться за свою независимость»

В этом вопросе—самообвинение. Даже не требуется никаких аттестующих комментариев к твердой убежденности большей части столичных жителей в том, что самый лучший эффективный способ борьбы за независимость—убийство невинных людей. **ВТОРОЕ.** Соседи, знакомые, сослуживцы тоже были разными, о чем мы уже писали. Одни спасали, другие—спешили унести из не полностью разграбленного дома все, что осталось после нашествия толпы. Одни, рискуя жизнью, вывозили несчастных в аэропорт

или к парому, другие предпочитали ничего не видеть, не отвечать на стук в дверь или телефонный звонок. Зато впоследствии у них словно открылось «второе» дыхание. Состязаясь друг с другом, они не жалели слов в обвинении армянских «экстремистов», ранее работавших с ними или бывших соседей, во всех грехах. Пальму первенства в этом недостойном деле стабильно по сей день удерживают журналисты. Они не только начисто забыли обо всех своих бывших коллегах, но и облили их, сколь хватило мастерства, грязью... Письменно и устно. Не называя имен, пустили в армянских беженцев из Баку полные яда и гнева стрелы, исполненные высоким публицистическим штилем.

... Третий и четвертый этажи гостиницы «Ани», где разместились бывшие бакинцы, никак не стыкуются с интуристовской парадностью ее холла, ресторана, других помещений. Здесь не услышишь иностранной речи, зато при выходе из лифта сразу же окажешься в плену знакомых эмоций. И опять в который раз, но уже над гостиничным бытом возникает вопрос: «за что?» За что эти люди, в недалеком прошлом владельцы двух-трехкомнатных квартир, инженеры, врачи, педагоги, лишившись всего, потеряв здоровье, близких, оказались среди шумного гостиничного недолговременья? За что их отдали толпе, вдохновляемой позицией невмешательства, молчаливых одобрения, и в редких случаях—осуждения? За что?

5-ый Баиловский переулок, 4, квартира 34—таков был адрес Михайловых Риты и Олега. 13 января по телефону позвонила соседка и сказала: прячь детей, толпа идет к вашему дому. Рита—швея-мотористка фабрики спорттоваров находилась в послеродовом декретном отпуске. Пришлось спящую дочку чуть больше годика лихорадочно завернуть в одеяло. Как была, в халате, спустилась к соседям-азербайджанцам. Уже в парадной присоединился муж. От соседей перешли к родственникам. Ей рассказывали, что вещи выносили в течение двух дней, таскали даже банки с вареньем, маслом, соленьями.

Путь на паром и пребывание на нем—эти акции после всего перенесенного были словно специально рассчитаны на полное уничтожение даже остатков человеческого достоинства.

Свидетельствует пресса: Продолжается эвакуация из Баку лиц армянской национальности. На паромы, рассчитанные на 250 человек, грузят по 1700. Они совер-

шают от трех до пяти рейсов в день. Отправлено уже более пяти тысяч человек⁸².

Рита, естественно, эту информацию не читала, но опередила число морских пассажиров почти точно:

— Там было, наверное, около двух тысяч избитых людей. Еще с нами ехали больные из сумасшедшего дома, других больниц, пожилые люди. Не могу забыть одну девушку, она сидела как мертвая, не реагируя ни на кого и ни на что, глядела, не отрываясь, все время в воду. Ее мать, когда уже подплывали к Красноводску, рассказала, что она целовала бандитам ноги, умоляла их не трогать девочку. Тогда мать заперли в ванной комнате, а над дочерью поиздевались.

Марина Мамян родилась в Баку, работала медсестрой поликлиники № 18, жила в просторной (70 кв. метров) двухкомнатной квартире дома № 197 по улице Камо, на пересечении с проспектом Ленина. И сейчас, спустя почти год, в глазах страх. Ей с трехлетним сыном негде было спрятаться, и так получилось, что знакомые при наличии агрессивных соседей, посчитали безопасным возить ее с малышом какое-то время по городу. К такому решению можно придти разве что в состоянии глубокого стресса, отчаяния и безысходности. Видимо, те, кто предоставил ей в качестве временного, на несколько часов укрытия крышу на большой скорости несущегося по пустынным улицам автомобиля, считали, что это наиболее оптимальный вариант. Их, действительно, ни разу не остановили. Орда была занята архиважным делом. Сбивчив, конкретен и страшен рассказ Марины:

— Без десяти шесть вечера, я хорошо запомнила это, потому, что взглянула на часы, со второго этажа дома на углу Басина и проспекта Ленина, где аптека, сбросили женщину. Она была жива и кричала. На балконе второго этажа дома на пересечении улиц Камо и Солнцева насильовали старую женщину. Ее растрепанные седые волосы закрывали окровавленное лицо. В садике перед домом № 203 по улице Камо в кострах жгли сброшенную с раскрытых окон и балконов старую мебель, матрасы, одеяла, подушки. Из кооперативного дома на углу улиц Кецховели и проспекта Ленина, против русской церкви, сбросили мужчину и женщину.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном совете. 1919 год.

На улице Камо (бывшей Нижне-Приютской) до резни 1918 года жило 528 армянских семей из 2352 человек. 468 человек бежало, осталось 1884 жителей. Из них 108 убито, 53 исчезло, 46 взято в плен, 24 умерло. Пострадало почти 10% армян, жителей этой улицы, или 12,26% тех, кто остался в городе.

Наибольшую цифру жертв дала улица Басина (бывшая Балаханская), где количество убитых, пропавших и пленных доходит до 792 человек, среди которых пленные составляют наибольшую цифру—388 человек, или 48,98%, убитых 210 человек, или 24,50%.

В половине третьего ночи, уже со своего балкона Марина видела стоящий на улице Камо самосвал, в котором лежало три обугленных трупа—два детских и один женский. Через час эта машина оказалась на проспекте Ленина. Отчетливее стало видно, что у женщины правая рука откинута в сторону, лицо сожжено, грудь открыта. Примерно в половине шестого утра самосвал уехал.

Квартиру Марины, считалось, охранял знакомый. Он сумел как-то поладить с погромщиками, но требовал от тех, кто возил несколько часов ее по городу, отправить женщину любым способом из Баку. Нервничал сам, но успокаивал как мог Марину: «оставь мне ключи, спокойно езжай. Все будет в порядке». Он даже пожелал ей счастливой дороги, когда она вручила ему перед отлетом в Махачкалу (туда достали билет) ключи от двух квартир—своей и родственников по улице Кецховели, 205. Но уже при первом же телефонном разговоре из другого города Ибрагим Бадирханов громко смеялся в трубку. Отчетливо произнес:

— Советская власть кончилась в Азербайджане. Теперь—наше время.

— Запишите,—просит Марина,—его фамилию, имя и адрес. Улица Инглаб, 91^б. Он обманул нас и украл все вещи из двух квартир.

Свидетельствует пресса:

◆ В те страшные дни в Баку громили квартиры... Вдоль улиц горели костры, в них корчились объятые огнем вещи, тре-

щала мебель, туда же бросали людей, которых выволакивали из квартир.

Все находящиеся в доме Погосбековых слышали крики, топот нескольких сотен ног. Потом ломали двери, лезли на второй этаж через балкон. Комнаты вмиг заполнила толпа. Четырнадцатилетняя Лана плакала, и, бросаясь, то к одному, то к другому, умоляла не убивать, обещала обязательно уехать, как только вернутся из Еревана родные. Девочка видела лежащего на полу дедушку и то, как его уже мертвого, выбросили через окно в горящий на улице костер, двух убитых бабушкиных сестер и окровавленную спину тети Елены, которую тоже вытолкнули в окно. Девочка метнулась к двери, и чудом пробившись через толпу, выскочила из дома. Потом она долго сидела у соседей в шкафу, прислушивалась к шуму и крикам за стеной. Не будучи уверенной ни в жизни, ни в смерти, ни в реальности того, что случилось у нее на глазах...

...—Ты к той, которую из окна выбросили?—обратилась ко мне нянечка в госпитале.

—К ней,—ответила я.

—А за что же ее так, видно, что-то сделала?

—Ничего не сделала. За то, что армянка.

—Значит, правда, что только за это? Ой, звери, ой, звери. А куда милиция смотрит?!

И, наверное, надо остановиться и объяснить подробно и долго, что произошло все это всего лишь в 200 метрах от одного из бакинских РОВД, и милиция, все-таки прибывшая на вызов, только смотрела на все происходящее, не желая предотвратить преступления...

...Елена Погосбекова уже может сидеть. Бледная, как стена, свесив с кровати тонкие, будто чужие ноги. Это ее с четырь-

мя ножевыми ранениями выбросили из окна второго этажа. И, конечно, узнав, что жива, непременно добились бы. Но сосед перенес ее в квартиру другого человека и долго сдерживал и увещевал пытавшихся прорваться туда бандитов.—Только не называйте их имена,—просила Елена Погосбекова.—Я обязана жизнью этим людям, а они остались в Баку.

Нет, на этом страшном повороте судьбы она не клянет весь азербайджанский народ, не желает ему кары и зла, а вспоминает о тех, кто помог выжить ей и Ланочке, недоумевая, как могло случиться такое, как можно жить с руками в крови и нечеловеческой злобой в сердце.

16 января на пароме вывозили Александра Арушанова, ранее работавшего начальником отдела снабжения «Гидромеханизации». Он жил в доме №1 по улице Ю. Мамедалиева, которую многие бакинцы помнят как улицу Ворошилова, а старые жители—как Полицейскую.

Не знаем, был ли он знаком с Гретой Осиповой, жительницей дома №15 на той же улице. Но данное обстоятельство не так уж и важно. Оба они 1 декабря видели на тихой, престижной, центральной улице города, запершись в пока еще своих квартирах, дикую толпу, осаждавшую управление «Азериттифака».

Распоясавшиеся вандалы жаждали крови. В данном случае объектом их всеобщего внимания был заместитель директора, армянин П. Юрханов. Стоит ли говорить о том, что ни этот еще молодой человек, назначенный на такую ответственную должность, естественно, не за красивые глаза, умеющий профессионально работать и хорошо знающий свое дело, ни его отец—Р. Юрханов, депутат многих созывов городского и районных Советов, десятилетиями занимавшийся благоустройством одного из промышленных районов Баку в ранге председателя райисполкома—ничего плохого не сделали азербайджанскому народу. Но и его отдали толпе, под диктовку которой было в срочном порядке написано заявление об уходе. Надо отдать должное и его сослуживцам. Многие из них, до того часто заходившие к нему в кабинет по делу, за советом, давно перестали с ним даже здороваться. Кровь не пролилась. Но кто считает моральные потери? И почему могилы таких лю-

дей, как Р. Юрханов, А. Карамян, А. Айриян, Н. Сааков, А. Даниелян, Г. Шахраманян и многих других, отдавших городу, республике, народу десятилетия своего труда на постах министров, начальников главков и комитетов, секретарей горкома, директоров научно-исследовательских институтов должны быть заброшены, стерты с лица земли? Не говоря уже о могиле Б. Кнунянца. В чем они виноваты перед толпой? Что родились армянами? А кто-нибудь из этой изгоняющей из Баку армян массы принес хоть какую-нибудь пользу своему народу? Разве что опозорил его перед всем цивилизованным миром.

Но вернемся к живым. Грета Осипова, инвалид II группы, давно страдающая диабетом и плохим слухом, была скромной труженицей, мастером-модельером. У нее, как принято говорить, был широкий круг клиентуры. Она считалась хорошей, первоклассной портнихой, и заказать у нее платье, пошить костюм многие почитали за честь. Месяцы тянулся вопрос с обменом квартиры. Капризничали азербайджанцы из Еревана—требовали большую приплату, не нравился первый этаж, недостаточно светлой казалась комната. Что и говорить, у них была полная возможность для такого маневрирования: в Ереване люди выходили на площадь для мирного волеизъявления, а не вламывались с ножами, прутьями в квартиры азербайджанцев, живущих там.

То, что не особенно нравилось «беженцам» из Еревана, вполне подошло бакинскому профессору, не раз вещавшему с телевизионного экрана о прекрасных, гуманистических традициях азербайджанской литературы—Вагифу Арзуманову. Доктор филологических наук, ведущий научный работник Академии наук Азербайджана, он проломил замурованную дверь в стене и занял еще не освобожденную квартиру. У него за стеной уже было две комнаты общей площадью 40 кв. м., к которым он вполне «гуманными» методами присоединил третью—восемнадцатиметровую.

—Уходите, уходите,—торопил он погромщиков и стоявшую в растерянности Грету. Ей приставили к горлу ножицы, чтобы не мешала грабежу, и она, дрожа и плача, видела, как растаскивают накопленное ею за годы почти кааторжного труда за машинкой добро. Отрезы, коробки с катушечными нитками, журналы мод. Собственно, последние вместе с выкройками взял сосед Рустам со второго этажа, сын той женщины, которая в свое время служила домработницей у академика Топчибашева и после его смерти

унесла многое из его дома. Что ж, вполне закономерное, генное продолжение—от матери к сыну.

Когда Грета попробовала объясниться с профессором, он прервал ее грубо-нетерпеливо:

—Идите, идите, пока живы. Я еле спас вас от толпы. (так что как видите, и он оказался «спасителем»,—И. М., А. О.). А квартира моя. Председатель исполкома райсовета—мой друг. У меня законные основания на нее. И потом—что хочу, то и делаю.

Можно, конечно, поздравить и азербайджанскую Академию наук с таким профессором, проповедником «вечного», «прекрасного», отнявшим среди бела дня у инвалида квартиру, и председателя исполкома района имени 26 бакинских комиссаров с другом-захватчиком.

У Греты Осиповой пока нет квартиры, и ночует она, где придется: то у одной сестры в гостинице, то у другой—в пансионате, то у ереванских родственников, сумевших разместить в своей двухкомнатной квартире девять беженцев. Нет ниток, нет журналов, нет выкроек, но уже есть старая швейная машинка, и первые клиенты поняли, что в Ереване появилась высококвалифицированная портниха.

Гранта Арустамова хорошо и давно знали в системе Каспийского пароходства. Спокойный, улыбчивый человек со светскими манерами, он 40 лет работал в Бакинском морском порту, в последнее время старшим диспетчером. И жил он в доме Каспара, по улице Солнцева, 61 (угол Бакиханова). Соседи говорили:

—Будьте спокойны, мы вас в обиду не дадим.

Вас—это Гранта Аристакесовича и его супругу Ираиду Мартиросовну, внука Вадима, который часто бывал в этом доме. Злоключения этой семьи начались в канун погромов—12 января. В 5 часов вечера в дверь позвонили, потом стали стучать. Главы семьи не было дома. Ответил внук. Составился такой диалог:

—Рантик здесь живет?

—Да. Но его сейчас нет. Он в больнице.

—Ты кто ему?

—Внук.

—Слушай и запомни, что мы тебе скажем: до утра освободите квартиру. Не то живыми никого не оставим.

Можно ли было двум пожилым людям пренебречь таким ультиматумом? Собрали две ручные сумки самых необходимых вещей и выехали на машине мужа дочери (он русский) к нему домой. Там сидеть тоже было опасно, все

знали, что в этой квартире живет армянка.

На паром их с двумя дочерьми везли ночью. Машину оставили. Один раз обратились с грозным вопросом к водителю-зятю:

—Ты что их везешь? Родственник?

Пришлось схитрить:

—Нет. Это мои соседи. Пусть едут, скорее избавимся от них.

В 4 часа утра приплыл паром, стали его загружать (!) покалеченными, избитыми людьми. В половине шестого отплыли. Заслуженному работнику Морского флота СССР, старейшему диспетчеру порта в виде исключения (его вся команда паромов знала в лицо) была предоставлена на четверых двухместная каюта. Читатель уже знаком с условиями депортации армян из Баку и поймет, что ехали Арустамовы, можно сказать, по-царски. Но они этого в горе не заметили. Ибо уже знали о зверском убийстве своего зятя, мужа той дочери, что ехала с ними—Левона Мурадова. В канун погромов он приехал, чтобы попытаться из своей квартиры, что в доме на пересечении улиц Первомайской и Розы Люксембург, против чаеразвесочной фабрики вывезти мебель. Не успел, его засекли. Спасаясь от погромщиков, он прыгнул с третьего этажа. Необыкновенно здоровый, спортсмен атлетического сложения, Левон еще после прыжка встал на ноги и побежал. Его толпа без труда нагнала и добила железными прутьями, затоптала ногами. Где его похоронили? Кто предал земле?

Нет мести и агрессивности в добрейших глазах Гранта Аристакесовича. Не посылает он проклятий, не собирается взять в руки лом. Боль и удивление в этих глазах. И еще страх за здоровье и состояние Ираиды Мартиросовны. Там же, в гостинице «Ани» с ними живет их старшая дочь Стелла Манукова со своими дочерьми—Еленой и Натальей. Педагог английского языка школы №23, она лишилась и работы, и дома на радость народного поэта Азербайджана Бахтияра Вагабзаде, который сетовал с телевизионного экрана по поводу того, что азербайджанских детей учат армяне.

Аналогичная участь постигла и Генриха Геворкяна, бывшего преподавателя русского языка и литературы школы №246, что в 7-м микрорайоне. Его кабинет, куда приводили для обмена опытом учителей из других школ Кировского района, разгромили еще в мае 1988 года, уничтожив польскую аппаратуру и другие наглядные пособия. Из окна своей квартиры 31, на третьем этаже дома №13 по ули-

це Самеда Вургуна, что в центре города, он видел, как в декабре молодчики били ногами в лицо 70-летнюю женщину. Капитан милиции из городского управления внутренних дел Рафик Мамедов в ответ на его обращение по поводу этого и других случаев насилия грубо обозвал его кляузником, сплетником. В квартире Геворкяна осталось все нажитое им за десятилетия учительского труда имущество: от книг до носовых платков.

В гостинице «Ани» живет с сыном подполковник в отставке Эдуард Амирян. Много лет он работал в учебном центре по подготовке иностранных кадров при генштабе в Баку. Выехал из города еще в декабре 1989 года, а 12 января снова приехал туда за четырнадцатилетним сыном и братом, и попал, что называется, в самое пекло. В военной форме, с нетипичной для армянина внешностью, он имел относительную свободу передвижения. Но его ждали неприятные сюрпризы буквально на каждом шагу. Квартира брата Вячеслава в доме №51, по улице Хулуфлу уже стала объектом внимания толпы. Дав продолжительные хозяйские звонки в дверь, бандиты тут же ее сломали с помощью своего традиционного оружия: топоров, ломов, ножей. Требовали ордер на квартиру. Брат сказал, что все документы в обменном бюро. Его спросили:

—Армянин?

—Нет, русский.

Ударили, сказали:—Убирайся, чтоб тебя здесь не было.

Как был полуодетый, не дали даже надеть носков, убежал. За ним гнались, кричали:—Держите, он армянин. У него бомба.

Эдуард в этих условиях сумел через воинскую железнодорожную кассу достать билеты в Москву жене и сыну, а сам остался в воинском зале ждать поезд на Симферополь. Представители народного фронта и на вокзале по-хозяйски контролировали положение. Но, к счастью, к подполковнику не подходили. Затем появился знакомый милиционер в гражданской форме и сказал:

—Вам надо срочно уезжать.

—Я тоже этого хочу, жду поезда.

Перед посадкой снова проверяли паспорта. Удалось благополучно пройти и это последнее испытание. В вагоне ехало четыре человека. Но на территории Дагестана на каждой станции садились в поезд полуодетые, избитые армяне. Кто через Кубу, кто другой дорогой, они добрались

до Дербента, чтобы сесть в поезд, увозящий их с бывшей родины.

Маленьким осколком армянства Баку в Ереване, частицей родины у насильственно лишенных ее людей стал пятачок на улице Налбандяна перед Государственным комитетом по приему и устройству возвращающихся армян. Так торжественно и длинно он именуется разве что в официальных бумагах, коротко его называют комитетом беженцев. Сюда, со всех уголков Армении стекаются на негласную переключку несчастные, лишенные крова люди. Кто ищет работу, кто спешит записаться в жилищный кооператив, кто—за материальной помощью. Есть еще одна печальная обязанность у комитета—ритуальная. Умереть беженцу, проживающему в гостинице, не так сложно, но быть похороненным из своего временного пристанища—невозможно. И тогда из комитета родственники умершего получают письма-просьбы, отношения в различные инстанции о разрешении поставить где-либо гроб с телом для прощания. Надо ли говорить, насколько усугубляется в этих условиях и без того тяжелое положение бездомных людей, но характерно: в каждом подобном случае присутствует и определенное облегчение по поводу того, что усопший предается земле в Армении, а не в соседней республике, где нет никакой гарантии осквернения, а в лучшем случае стирания с земной поверхности оставленных могил.

8 октября в «Шереметьево-2» рейсом 513 приземлился самолет с цинковым гробом, в котором находилось тело 38-летнего гражданина СССР Сурена Багдасарова. Смерть наступила в Ираке 28 сентября при загадочных обстоятельствах за несколько часов до отлета на родину от ударов тупым предметом по голове, ребрам, разорвавшим легкие. Советский специалист был профессионально избит до смерти. Но еще живой, работая в Ираке, он успел стать беженцем, потому что жил до заграничной командировки в Баку. Не беремся описывать горе матери, ожидающей со дня на день сына и получившей вместо него, красивого, доброго, всегда улыбающегося ... гроб. Но при всем трагизме ситуации жизнь заставила решать прозаический, жесткий вопрос: откуда хоронить?

Бездомными стали в результате официально провозглашенного азербайджанского «интернационализма и гуманизма» мать и сестра убитого. Из гостиницы нельзя выносить, из студенческого общежития тоже. И тогда по ходатайству комитета гроб был установлен в пансионате «Анаит», в котором также нашли приют бывшие бакинцы.

Похороны состоялись и собрали не только родственников, но и знакомых, как близких, так и дальних.

Понятно, что такая организация, как комитет, не может вызывать к себе однозначного отношения. Его возможности даже при большом желании работников весьма ограничены. Тем не менее на улице Налбандяна собираются люди. Там спорят, обижаются и обижают друг друга, выясняют свои права и перспективы, теряют и вновь находят надежду. Уходят и опять идут. Потому что работают здесь, в основном, компетентные люди, многие из которых еще недавно называли себя бакинцами.

Один из них Альберт Амбарцумов, прошедший в Баку путь от инструктора горкома комсомола до заведующего отделом райкома партии. Сейчас, когда считается хорошим тоном бросать камни во всех комсомольских и партийных работников, причислять их к вдруг ставшему совсем непрестижным отряду «партократии», не хочется вопреки истине шагать в ногу со всеми. Правда должна остаться правдой. И она в данном конкретном случае состоит в том, что на любой служебной ступеньке А. Амбарцумова отличали сопричастность с людскими проблемами, умение находить со всеми общий язык, точность оценок и действий, работоспособность и хорошее знание того довольно широкого круга проблем и дел, которыми приходилось заниматься в тяжелом, пестроразношерстном районе нефтяников и промышленной мафии, цеховиков, машиностроителей, а также владельцев подсобных хозяйств, приусадебных участков, обширных плантаций гвоздик.

И еще Альберта Сергеевича характеризуют постоянное недовольство собой, некая самоирония. Это не прошло, а усугубилось здесь. И тем не менее он настолько профессионально разбирается в проблемах беженцев, хотя, увы, почти не в состоянии их решить, что оказал нам помощь в поиске людей, сборе материала, рассказал о судьбах тех, кто еще недавно играл существенную роль в экономике Баку, учил, лечил, обслуживал горожан.

Работу и дом в одночасье потеряли Эмма Мхитарян, ранее жившая в квартире 58 дома 146а по проспекту Ленина, Тамара Погосян (5-ая Черногородская 11/15, кв. 42), Сурен Абрамян (Ахмедлы, Студенческая 41, квартира 45), Арам Аромян (Ахвердиева, 13, квартира 55), Раиса Даниэлян (Шарифзаде 40, квартира 3), Армен Мкртычев (проспект Ленина, 142, кв. 24), Седа Заграбян (Кецхове-ли, 270, кв. 32), Андраник Газарян (14-я Перевальная

11/15, кв. 2), Новелла Хачатурова (Ленинградский проспект, 53, кв. 11), Лентрош Баграмян (проспект Ленина 95, кв. 45), Жасмен Хачикян (Ленинградский проспект, 89, кв. 10), Аракся Саакова (4-й микрорайон, улица Суворова, 33, кв. 31), Рая Рудый (ул. Авакяна 57, кв. 19), Юрий Туниев (1-й микрорайон, Тбилисский проспект 52, кв. 9), Маргарита Мкртычева (Ахмедлы, ул. Сараевская, 15, кв. 83), Ирина Джамгарян и Юрий Гаспарян (проспект Хатаи, 5, кв. 21), Соня Хачатурян (Ботаническая, 12, кв. 7), Сергей Арутюнов (Солнцева, 24, кв. 83), Лилия Арустамова (проспект Ленина, 7, кв. 2), Римма и Армен Ханумяны (8-й километр, ул. Узбекистана, 13, кв. 2). Это не простое, через запятую, перечисление людей. У каждого за спиной — побои, издевательства, изгнание из собственного дома, грабёж среди бела дня.

Кеманчиста Бориса Керопяна, заслуженного артиста соседней республики, надо полагать, еще помнят не только прежние коллеги, начиная со знаменитого Габилы Алиева, но и многочисленные почитатели восточной музыки. Он умел своим виртуозным мастерством проникнуть в самую черствую душу, но не смог спасти от погрома свой дом, избежать унижений и попраiania собственного достоинства. С нами говорить о подробностях отказался. Обещал со временем сам написать об изощренном лицемерии тех, с кем рядом десятилетиями делил хлеб, соль, кого учил мастерству, кому доставлял удовольствие своим искусством. Что ж, это право остается за ним.

Григорий Бархударов оказался, напротив, словоохотлив. Дверь в его пятикомнатную квартиру 48 дома 23 в 8-м микрорайоне начали ломать 13 января в 10 часов утра. Через балкон он перелез к соседям. Те прямо указали ему на дверь. Сказали, что не собираются прятать армянина. Он просил на коленях позвонить, хотя бы позвонить по телефону. Не разрешили. Он выбежал из соседской квартиры и побежал по лестнице вверх. На седьмом этаже другой сосед-мальчишка ударил его ломом по ноге. Дети также участвовали в «великой» битве. И все-таки нашлась добрая душа — спрятала у себя соседка с верхнего этажа. Квартиру громили в несколько заходов. Уносили чемоданы, ковры, люстры. Через два дня пришли другие. Снова что-то носили. Для бандитов копил свое добро искусный мастер-деревообработчик, прекрасный багетчик, услугами которого пользовались несколько художественных кооперативов. А его, инвалида Отечественной войны, выводили из

подъезда собственного дома, тайком, переодетого в женское платье (чтобы не узнали и не убили), вначале в отделение милиции, затем — в аэропорт, где с большими трудностями посадили в самолет, улетающий в Москву.

Сержант милиции, работник отделения вневедомственной охраны при Кировском РОВД Сергей Мирзоян прятался на крыше, в голубятне, построенной еще в детстве для птиц, олицетворяющих мир на земле. К нему, вернувшемуся с дежурства, ворвались в квартиру дома на пересечении улиц Щорса и Гоголя ночью. Забрали все вещи. Ударили мать вначале по голове, потом в спину. Ушли, чтобы вернуться. Тогда они и спрятались на крыше. Позднее обратились к военным и в райком партии имени 26 бакинских комиссаров. Так удалось покинуть город.

Чудом осталась жива художница Тамара Сатян, человек в соседней республике довольно известный не только своим искусством, но главным образом подвижническим трудом по воспитанию подрастающего поколения, приобщению их к миру прекрасного. В 1985 году в Москве, в кинотеатре «Зарядье» была организована выставка работ ее учеников. Весьма обстоятельно представлялась и руководительница детской художественной студии при школе №56 Шаумяновского (ныне Хатаинского) района Баку. Перечислялись ее регалии: участница Великой Отечественной войны, награжденная орденами и медалями, почетным знаком Советского Красного Креста, Отличник просвещения СССР, ветеран труда. Ясно, что все эти награды, звания и другие поощрения явились результатом 36-летнего труда по художественно-эстетическому воспитанию детей, большинство которых были азербайджанцами.

Характерно, что, посвятив творчеству и преподавательскому труду Сатян статью в республиканской газете «Бакинский рабочий» в марте 1988 года, народный художник Азербайджана В. Нариманбеков не жалел красок, эпитетов. Читатель мог узнать, что Тамара Мосесовна относилась к детям с огромной любовью, воспитывала в них чувство прекрасного, занятия в школе служили целью крепить дружбу и братство советского народа. Правда, при этом автор статьи сетовал по следующему поводу: «15 лет назад на коллегии министерства просвещения республики рассматривался опыт студии изобразительного искусства школы №56. Его тогда рекомендовали к широкому распространению. Мало чего стоят эти рекомендации, если и поныне эта школьная студия существует в единственном числе».

Видимо, с целью широкого распространения положительного опыта издательство «Маариф» решило в 1980 году выпустить брошюру Т. Сатян «Из опыта работы в школе по изобразительному искусству». На странице 26 в ней есть такая сентенция: «Дружба народов СССР находит свое проявление и в дружбе юных представителей нашей республики с их сверстниками, живущими в разных концах нашей страны». Знала, могла ли предположить автор этих строк, что всего через 10 лет на собственном жизненном примере она поймет, что такого понятия в республике просто не существует. И ни В. Нариманбеков, ни М. Наджафов, известный искусствовед, не смогут ничем помочь собрату по искусству. Квартира 23 дома 79 по Ленинградскому проспекту будет разгромлена при активном участии работников милиции на глазах художницы, а ее просьбы сохранить что-то из рабочей мастерской—эскизы, готовые полотна, краски, кисти были встречены смехом. Аналогичная участь постигла работы художницы в армянской церкви в Баку. Лишь сохранились маленькие фотокопии некоторых из них.

—Не могу говорить. Не могу ничего вспоминать,—с трудом произносит Тамара Мосесовна. Спазмы перехватили ее горло.—Мне сейчас нужна мастерская, я хочу на холсте и бумаге красками выразить то, что довелось мне увидеть своими глазами. Запечатлеть тех, с кем рядом находилась на пароме.

Остается только пожелать сил и здоровья Т. Сатян и ее землякам для того, чтобы здесь, в Армении, они сумели начать новую полнокровную, творческую жизнь. Чего, увы, не пожелаешь зубному врачу Герману Оганову, убитому в Баку.

—За меня не бойся. Ничего со мной не случится,—не раз по телефону успокаивал он свою сестру Жанну Харатян, преподавательницу музыкальной школы №20 в Ереване.

На чем основывалась вера ее брата? На том, что жена и мать его двоих детей—Севиль Микаилова—азербайджанка? Или на лицемерии, уникальном умении ласково улыбаться даже врагу тех, с кем бок о бок он жил и работал? А, может быть, на том, что его пациентами были многие боссы районного масштаба? Эту тайну он унес с собой. Но убивали его вначале морально, потом физически, видимо, долго. Тело нашли не сразу и не там, где видели его в последний раз, а в Ени Сураханах, со следами нескольких

ножевых ранений, в чужом пальто, избитым, лицом в луже.

В ночь с 13 на 14 января его дом в поселке Разина (улица Культуры, 17) окружила толпа в 200—300 человек. Жене и детям удалось садами убежать и спрятаться в семье русского работника КГБ. С охотничьим ружьем он полез на крышу гаража и стал отстреливаться. Вначале помогало, а потом стало мешать вывешенное во дворе для сушки белье. «Храбрецы» из толпы, умеющие издеваться и насиловать безоружных, в основном, женщин и пожилых, в испуге отступили с криками:

—Армяне засаду устроили, у них в доме склад оружия.

Вскоре прибыл наряд милиции. Хорошо знающие Германа работники правоохранительных органов стали уговаривать его спуститься с крыши, обещая безопасность. Он спустился. Ему сказали:

—Едем с нами. Мы тебя должны спасти от толпы. Так его увезли в Сабунчи, в Ленинское отделение РОВД. Он еще успел послать жене записку с просьбой выкупа (у милиции?). Свидетели рассказывают, что 18 января его отправили в аэропорт. Посадили в самолет. До взлета вошли люди и увели его из салона, повезли в поселок Разина. 27-го Оганова нашли мертвым. Такова трагическая хроника последних дней человека, который на вопрос знакомых, почему он не уезжает из Баку, неизменно отвечал: «Я буду последним армянином, покидающим поселок Разина».

Не думали на склоне лет, когда и на неделю врачи не рекомендуют менять привычное место, климат, да, собственно, уже никуда не тянет из дома, кажется, все видел и знаешь, не думали о трагических переменах в своей устоявшейся жизни 75-летний Владимир Айриян и его жена Элеонора. Он рассказывает:

—День 16 января 1990 года навсегда останется в памяти как самый черный: меня, избитого, униженного, ограбленного выдворили из города, в котором я родился, прожил всю жизнь; из республики, которой отдал 60 лет сознательного труда.

Толпа ворвалась, сломав обитую железом дверь моей квартиры. Их было человек 50. Стали избивать меня, мою жену и сестру. Били дубинками, кулаками, пинали ногами. Выгнали нас, троих пожилых людей, на лестничную площадку, и один из бандитов ударил ногой в спину жену так, что она покатила по лестнице до следующего этажа, ударилась головой об стену. Прямо на глазах начался грабеж

нашего имущества. Нам не разрешили взять даже лекарства, которые необходимы мне, больному диабетом.

Кое-как с сестрой подняли жену, спустились на улицу. Шел снег. Слякоть, грязь—а мы все в домашней одежде и тапочках. С большим трудом удалось остановить машину, чтобы добраться до порта...

Несколько часов до посадки на паром «Грузия» пришлось провести, стоя на цементном полу в нетопленном помещении, дрожа от холода. Наконец, нас загнали на паром. Противно вспоминать и эту минуту, ибо вместо того, чтобы открыть каюты и впустить в них голодных, замерзших и измученных людей, помощник капитана стал продавать места— по 25 рублей каждое, и открывал дверь только при наличии четырех желающих и могущих заплатить. Те, кто нас выпроваживал из города, получали удовольствие от издевательств над нами. Просишь одеться, в ответ смех: «так не нравится, голым пойдешь». Сколько издевательств и смеха, к примеру, было, когда забирали две пары моих золотых именных часов, подаренных мне в честь 50-ти и 60-тилетия «Азнефти».

Эта исповедь участника войны, ветерана партии, человека, который не хотел и не мог поверить, что «сумгаит» возможен в «Баку». Не верил, что его отдадут на растерзание толпе в «интернациональном» городе, столице республики, где за свой труд получал медали и почетные грамоты, где от рядового нефтяника дошел до заместителя начальника «Азнефти», а затем стал персональным пенсионером республиканского значения.

—Со всей ответственностью очевидца событий,—продолжал В. Айриян,—хочу сказать, что нельзя представить погромы и зверские убийства делом рук кучки экстремистов: вся эта акция была тщательно подготовлена и запланирована сверху, причем вина ложится как на партийных лидеров, так и на руководство НФА. Выступление Везирова накануне событий было слишком откровенным, чтобы так не думать. Так кто же, наконец, ответит за организованные убийства, погромы, грабежи? Кто возместит нам с женой убытки, кто понесет наказание за невыносимое моральное унижение, которое пришлось испытать на старости лет?

Подобные риторические вопросы, как и сакраментальный—«за что», слышат, видимо, только спрашивающие, а не те, с кого надо со всей строгостью, в соответствии с законом спросить за содеянное.

Не 60, а 40 лет своего труда отдал республике, развитию нефтяной промышленности и машиностроения Шмавон Адамянц. Из них свыше 20 лет возглавлял машиностроительные заводы. Избирался в различные выборные органы. Но кто вспомнил об этом в кровавые дни погромов? Спасать производственные планы уже не требовалось, выдавать на-гора продукцию—тоже. Опыт, профессионализм... К чему они озверелой толпе? Перед ними в квартире 44, дома 24 по ул. Ханлара были беззащитные старики—муж и жена, их дочь. Они сполна проявили свои бойцовские качества. Взломали входную дверь, и разъяренная толпа, человек 50, с обрезками, арматурными прутьями, кусками железа, пистолетами, ножами в руках, ворвались в квартиру и стали крушить все вокруг, бить несчастных по лицу, голове, грабить вещи.

—Среди этих бандитов,—рассказывает Ш. Адамянц,—было несколько офицеров милиции—азербайджанцев, которые молча наблюдали за происходящим. Потом меня с дочерью босиком, в домашней одежде выволокли по лестнице с III этажа вниз на улицу, где стояла огромная толпа соратников погромщиков, их единомышленников и несколько десятков автомашин. Нас потащили к одной из них и сказали, что повезут убивать, но не сразу. Тут я заметил большой автобус, заполненный работниками милиции. Вырвался, подбежал к нему с дочерью. Их, наблюдателей за происходящим из окон, сидело за закрытой дверью человек 50. Дверь они мне не открыли, никакой помощи не оказали. Стало ясно, что бандиты действуют сообща с нами. Меня сбили с ног, втолкнули с дочерью в какую-то автомашину и повезли на кладбище. Там высадили, чтобы убить. Я просил на коленях не трогать дочь. Они потребовали 10 тысяч выкупа. Пообещав им денег, я попросил повезти нас к знакомым в поселок Разина. Когда я выходил два-три раза за деньгами (достал всего три тысячи!), дочь они оставляли в машине и угрожали ей. Получив деньги, они все равно хотели нас убить. Мы остались живы, потому что обещали наутро оформить доверенность одному из бандитов на нашу квартиру. И вместе с дочерью вошли в одну из парадных, побежали через проходной двор на другую улицу. Три ночи мы скрывались у знакомых, в русских семьях, они же нас привезли 16 января к паромной переправе. 18 января я был в прокуратуре Армении, 20 января дал телеграмму Генеральному прокурору А. Сухареву. 22 января вылетел в Москву, где давал подробные

показания в Прокуратуре СССР, МВД СССР, подал письменное заявление в Верховный Совет СССР, Генеральному секретарю ЦК КПСС, ныне Президенту СССР М. Горбачеву. Ну и что?

О неблагоприятной, даже подстрекательской роли А. Сухарева во время резни, а точнее геноцида армян в Азербайджане в 1988—1990 гг., его откровенно антиармянских, даже нескрываемых настроениях хорошо известно. У людей в ответ на самые душераздирающие заявления о потерях близких, имущества, квартир, обыкновенные отписки и еще сомнительная перспектива получить нищенскую, никак не адекватную потерянному компенсацию лишь в том случае, если они будут где-то постоянно прописаны. Но где и когда?

А пока снова над ними висит дамоклов меч ближайшей, весьма конкретной перспективы быть выкинутыми из гостиниц, общежитий, пансионатов и даже из... тюрьмы, бывшей тюрьмы, которую они приспособили своим трудом и умением под жилье.

А пока снова в их руках «липовые» бумаги-ответы, ничего на самом деле не гарантирующие, никак не проясняющие и тем более не улучшающие бедственного положения. Снова, как и в самом начале событий, когда «гуманное», «мудрое», принимающее исключительно «взвешенные» решения руководство соседней республики во главе с прекрасно обученной политической и иному лицемерию тройкой—Везириным, Муталибовым, Кафаровой (до резни!) охотно рассылало адресатам-бакинцам в разные города страны письма-«гарантии» о сохранности жизни и имущества, тоже «липовые».

С подобным посланием одну из нас познакомил на январской заснеженной московской улице—в Армянском переулке, перед входом в постпредство Армен Сафаров, в прошлом работник горкома комсомола, Насиминского райкома партии, секретарь парторганизации завода им. 26 бакинских комиссаров на территории этого района Баку, а затем профсоюзный работник в системе Азербайджанской железной дороги. В полной растерянности этот всегда собранный человек, хорошо знающий и свое дело, и то, что хочет, держал письмо, подписанное Кафаровой в начале января с приглашением приехать в Баку для решения своих квартирных и имущественных проблем.

—Она что, звала меня на погром и убийство? Чтобы одним убитым или избитым армянином было больше?

В этих вопросах содержался еще один, не высказанный вопрос. Интересно, подмахивая бумагу, прочитала ли высокопоставленная должностная дама фамилию? А если прочитала, то не могла не вспомнить, что на бойню приглашала бывшего соратника, с кем десятилетия назад начинала вместе работать в комсомоле.

—Они нас отдали толпе. Без жалости и угрызений совести,— сказал присутствующий при разговоре Эдик Асриянц, интеллигентнейший и образованнейший инженер, автор многих публикаций на страницах городских и республиканских газет о развитии нефтяной промышленности и машиностроения в Азербайджане, обладатель в прошлом интересного, уникального архива, для уничтожения которого погромщикам понадобилось несколько минут. И он, обобранный, побитый ими, был выгнан из дома. Интересно, вспоминают ли своего товарища детских игр мальчишки, а теперь солидные мужи пятидесяти и выше лет с улицы бывшей Красноармейской (теперь Самеда Вургуна)? Или те азербайджанцы, которые учились в 160-й школе в начале пятидесятых годов?

Но вернемся от риторически-романтических вопросов к прозе жизни. В частности, к «липовым», с провокационным душком бумагам, подписанным «отцами» города высшей и средней руки. Одна из них, подписанная в декабре 1989 года первым заместителем председателя исполкома Бакгорсовета А. Азизовым гласит: «Сообщаем, что в городе Баку обстановка нормальная (за две недели до начала погромов армян,—И. М., А. О.). Вы можете обменять свою квартиру».

Это письмо получил в ответ на послание Н. Рыжкову (многие армяне после телевизионных показов страдающего лица главы советского правительства во время пребывания в зоне землетрясения поверили в этого человека) инвалид II группы, член партии с 1942 года Б. С. Восканян, имеющий не только 22 правительственные награды, но и трехкомнатную квартиру в Баку по улице Нахичеванского 52, а также гараж.

Другое письмо адресовано Евгений Саркисовой, свыше 40 лет проработавшей машиностроителем на заводе им. лейт. Шмидта, об интернациональных, революционных традициях которого не уставали трубить бакинские журналисты и писатели. В бывших мастерских Хатисова, прародителей завода, традиционно работало десятилетиями много армян. Высококласные специалисты, мастера

своего дела, они также десятилетиями обучали азербайджанскую молодежь, прибывавшую на завод из ближних и дальних сел, в том числе и Армении. Наверное, в благодарность за это бывшие ученики выставили мощные кордоны у заводских ворот и не пустили на работу тех, кто их недавно обучал ремеслу. На заводе образовались сплоченные антиармянским фанатизмом боевые дружины народнофронтовцев.

—Полющи проси у своего Вазгена, он вас оставил здесь заложниками,—схамил Е. Саркисовой участковый милиционер Асиф Хаятов, когда она еще в октябре 1989 года погробовала пожаловаться на действия новых соседей, в частности, Зарифы Атакишиевой. Та регулярно участвовала в антиармянских погромах, во время одного из которых, неудачно выпрыгнув из окна, сломала ногу. Однако, нога в гипсе не мешала ей продолжать свое черное дело. На квартиру Е. Саркисовой новая соседка положила особый глаз:

—Эту квартиру мне обещали. Я весь дом сожгу, но квартиру никому не отдам.

Так, еще находясь в своей квартире 3, по улице Кязимзаде, 2, по сути никуда из нее не выходя, женщина уже фактически осталась без крова.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном Совете. 1919 год.

На улице Кязимзаде (бывшей 4-й Завокзальной) до резни 1918 года жили 394 армянские семьи из 1430 человек. 443 человека бежало, осталось 987 жителей. На всех девяти Завокзальных улицах убиты 276 человек, исчезли 262, взяты в плен 164. 587 человек умерли, из них на IV-й Завокзальной—97 человек. Только в доме 22 по 4-й Завокзальной из 10 живущих там армян было убито 8 человек. Завокзальный (в наши дни Наримановский) район и в резню 1918 г., и в 1990 году был одной из самых криминогенных зон. На всех Завокзальных улицах в 1918 году пострадало 20,69% жителей, 29,26% тех, кто остался в городе.

Надо ли говорить о небезопасности пребывания в таком жилище. И она, заперев его, выехала для того, чтобы

жаловаться на беззаконие в центральные органы. И вот ответ на официальном бланке управления внутренних дел исполкома Бакгорсовета за подписью начальника отдела Я. Исмаилова: «Ваше заявление, адресованное в МВД СССР, рассмотрено. Сообщаем, что в настоящее время в указанной квартире действительно проживает семья АТАКИШИЕВА Ф. Э., который, при опросе пояснил, что квартиру он занял с Вашего согласия, за что Вам дал деньги в сумме 2 тыс. рублей. Опросом соседей факты о краже и ограблении Вашего имущества не нашли своего подтверждения. Как утверждают соседи, Вы все свое имущество увезли на грузовых автомашинах. Предлагаем для дальнейшего решения своего вопроса в установленном законом порядке приехать в город Баку» (подчеркнуто нами.—И. М., А. О.).

И в конце послания дата—4 января 1990 года. Знал один из руководителей правоохранительной службы города, кого и когда вызывать в свой прославленный «интернациональный» Баку.

А что касается лжи, под которой должностное лицо с удовольствием расписалось, то она тоже не нова. Думается, при выдаче жалкой компенсации, предусмотренной постановлением Совета Министров СССР (если она когда-либо состоится), представители соседней республики пойдут именно этим путем опроса, и окажется, что бакинцы ничего не теряли, квартиры и имущество все поголовно распродали, в соответствии с чем им и выплачивать нечего.

Так может случиться, ибо в Азербайджане в этом направлении накоплен богатейший опыт. По лжи, лицемерию, умению пыль (и не только!) пустить в глаза, одарить (кого надо!), накормить, напоить выученики алиевской школы, а в их руках и после его отъезда из республики остались все ключевые посты, оставили далеко позади себя любого, избравшего подобную стезю.

Справедливости ради стоит сказать, что в соответствии с таким «климатом» и функции следственных групп Прокуратуры СССР и МВД СССР были весьма ограничены местными условиями, а главное традициями повального гостеприимства в отношении ревизоров из центра. В лучшем случае—они были беспристрастными регистраторами бесчинств, без каких-либо последствий для их орга-

низаторов. Подтверждение тому—два документа, по одному случаю. Первый подписал руководитель следственной группы Прокуратуры СССР, майор юстиции В. А. Сапин:

«В производстве следственной группы Прокуратуры Союза ССР имеется уголовное дело, возбужденное по факту массовых беспорядков на территории Баку 5 декабря 1988 года под №17930, по которому в данное время проводится предварительное следствие. Бесчинствующая толпа лиц азербайджанской национальности на углу улиц Нефтепереработчиков и Нахичеванского остановили автомашину под управлением гр. Погосова Э. П. и, удостоверившись в том, что последний армянин, избили его, забрали все документы, после чего сожгли автомашину, которая в данное время восстановлению не подлежит, а Погосов доставлен в больницу им. Джапаридзе в тяжелейшем состоянии».

Второй подписал следователь следственной группы МВД СССР, старший лейтенант милиции Т. Жазыкенов. Это была уже справка, выданная 52-летнему пострадавшему в том, что он 5 декабря около 7 часов вечера был избит, его машина «Жигули» сожжена, у него похищена джинсовая куртка, в которой находились паспорт, техпаспорт автомашины, водительское удостоверение, из карманов брюк вытащены 1600 рублей. «По данному факту,—сообщается в справке,—следственный отдел МВД Азербайджанской ССР по Низаминскому району возбудил уголовное дело №19610, ведется расследование».

Два уголовных дела, ведется расследование.

Что это? Не более, чем пустые слова—марание бумаги в письменном виде и небольшое сотрясение воздуха—в устном. А ведь небезынтересно знать, что именно безнаказанность бандитских действий отдельных представителей «миролюбивого» в особых размерах азербайджанского народа за 13 месяцев до официально благословленных погромов привела к кровавым семи дням в Баку.

Кто о них сейчас в этом городе, готовящемся отметить годовщину своих кровных жертв, погибших в последней декаде января, помнит? Происходит то, что уже не раз происходило в нашей стране—ненужное, не работающее

на соответствующую идеологию, не помнится. Как сказал классик русской литературы И. Бунин в своем впервые опубликованном в нашей стране дневнике 1918—1919 годов «Окаянные дни»: «Все будет забыто и даже прославлено! И прежде всего литература поможет, которая что угодно исказит...» Эта истина хорошо усвоена крепко сколоченной дашдамировской командой «официантов» от журналистики в соседней республике. Но и они, конечно, во главе со своим архиобразованным шефом, видимо, не зачислят в актив позорную книгу выпавшего из корзины в раннем детстве Арифа Мансурова «Белые пятна истории и перестройка» (Язычы, Баку, 1990), о которой мы уже вспоминали.

Вряд ли моральные устои многих шефов печати в соседней республике допустили бы в редактируемой книге позорные для каждого автора грязные байки о пьяном Брежневце или А. Микояне, отце пятерых сыновей, бездоказательно обвиненном «суперспециалистом» (может, и в этой области?) в физической близости со Сталиным до самой смерти последнего в 1953 году. Какой звериный инстинкт должен был водить рукой журналиста, написавшего подобную гнусность? Причем, о человеке, который относился, как показало время, к азербайджанскому народу лучше, чем к своему. Пусть автор мерзостно-пакостного сочинения поинтересуется у академика П. Азизбековой, сколько раз ее семью, в частности, отца Азизагу от азербайджанца М. Д. Багирова, назначив его на руководящую работу в системе пищевой промышленности не где-нибудь, а в Сочи, в разных ситуациях спасал А. Микоян? И сколько раз дети «злокозненного» С. Шаумяна, вина которого перед некоторыми «светочами» современной азербайджанской науки и культуры состоит в том, что он был истинным интернационалистом, как, кстати, и старший Азизбеков, сколько раз эти дети помогали, в частности, будущему академику в научном и ином плане?

Не хочется сравнивать совершенно полярные по жанру, качеству исполнения журналистские работы, образовательному и человеческому уровню авторов предыдущей и ниже приведенной сентенции. Но мы вынуждены их объединить, ибо ложь, а может быть, незнание (подвели историки?) второго автора опаснее глухого провинциализма, некомпетентности, дремучей агрессивности первого. Вот что сказал Муталибов в беседе с корреспондентом еженедельника: «Ведь была же так называемая микояновская

депортация, когда около 100 тысяч азербайджанцев были выселены из Армении и на новых местах тысячи из них погибли—многие от холеры⁸³. Оставим вопрос о смерти от холеры, которая, известно, имеет основу—грязь, антисанитарию, и, видимо, имея на то основание, жарким летом 1990 года по бакинскому телевидению компетентные люди не один раз в день призвали местных жителей (особенно, конечно, новопришельцев) к чистоте. Остановимся на другом. Какие азербайджанские историки преподнесли своему президенту столь непроверенные, рассчитанные на совсем несведущего читателя и автора интервью уважаемой газеты, факты. Ведь достаточно было обратиться в институт истории партии при ЦК КП Азербайджана, к директору Д. П. Гулиеву,—и все встало бы на свои места. На основании неопровержимых документов, о чем уже однажды пришлось давать разъяснения на научной сессии доктору исторических наук, выяснилось бы, к примеру, что депортация была не микояновской, а багировской. Состоялась она по просьбе азербайджанского правительства о переселении азербайджанцев из среднеазиатских и закавказских республик в связи с освоением Кура-Араксинской низменности, расширением орошения ее необжитых земель⁸⁴. В ответ на эту просьбу правительства соседней республики армянское руководство приняло решение о переселении азербайджанцев (в основном) из малых и неперспективных сел. Не 100 тысяч и не 58,5 тысяч (эта цифра приводится в вышеназванной книге), а всего 11,2 тысячи азербайджанцев из 44 малых неперспективных деревень⁸⁵ выехали в Кура-Араксинскую низменность.

Зато другие примеры, как помогал азербайджанскому народу Микоян и сколько раз в особо драматических ситуациях (включая и проблему Нагорного Карабаха) был на стороне не своего, а этого народа, при желании можно найти в истории сколь душе угодно. Лишь бы эта душа была во время научных изысканий чуть-чуть свободна от злобной агрессивной-воинственной армянофобии.

Подробно, основываясь на фактическом цифровом материале, эти и другие ошибки нынешнего президента соседней республики, одного из зрителей антиармянских погромов в январе 1990 года в Баку, рассмотрел в своей статье «Да будет выслушана и другая сторона»⁸⁶ член-корреспондент АН, народный депутат Республики Армения Г. Авакян.

Нам же эта ссылка понадобилась не в целях защиты

Микояна, а ради доказательства той установившейся в соседней республике тенденции: презирать истину, писать и говорить безапелляционно заведомую ложь. Смехотворны, к примеру, манипуляции с цифрами покинувших Армению азербайджанцев. Прежнее руководство республики, народные депутаты СССР от Азербайджана (в частности, «генерал» в отставке М. Мамедов), а также Муталибов называли ее по возрастающей, доходя чуть ли не до 300 тысяч. В интервью «Союза» фигурирует цифра 165 тысяч в отличие от 205 тысячах беженцев, названных Муталибовым же в речи на заседании Верховного Совета СССР.

К сведению интересующихся: по данным официальной переписи 1979 года в Азербайджане проживало 475486 армян, включая население НКАО. В Армении в это же время насчитывались 160841 азербайджанцев. Даже с учетом традиционной тенденции демографического роста азербайджанского населения в Армении (от переписи 1970 года к переписи 1979 года свыше 12 тысяч), все равно оно не могло удвоиться. Небезынтересно также отметить, что за семидесятые годы (от одной переписи к другой) число армян в Азербайджане уменьшилось на 8 тысяч—при том, что и свадьбы праздновались, и дети рождались. Эта неумолимая, сухая цифра, пусть и небольшой, но все же весьма красноречивый показатель «интернационализма» соседней республики.

... Не эмоции, а неумолимая логика событий, их взаимосвязанность, четкая подготовка к ним, строгий учет каждого адреса беды (не пропущен ни один) подсказывает простой ответ на вынесенный в заголовок вопрос: «за то, что армяне».

Полярными этому, но однотипными объяснениями событий, если о них соизволят вспомнить, что бывает весьма редко, пестрят публикации разных авторов в Азербайджане. Не будем повторяться, мы их приводили. Хотелось бы просто напомнить недобросовестным авторам, что живы очевидцы событий. И хоть они не так агрессивны, как бакинские новопришельцы, но все-таки помнят и оставленные квартиры, и разграбленное на глазах добро под злобный смех и издевательства толпы: «ничего, новое накопите!», и убитых, и пропавших без вести. И еще. Неплохо было бы им следовать совету Ромэна Роллана: «первый закон искусства: если тебе нечего сказать, молчи. Если тебе есть что сказать—скажи и не лги».

Но как сказать правду тем, кто шаг за шагом готовил

капкан бакинским армянам? Кто, зная потенциальные возможности «обездоленных», привередничающих, во всю спекулирующих своими квартирами и земельными участками, приезжих из Армении, распаял их низменные страсти, культивировал агрессивность, снабжая изготовленным на бакинских заводах холодным оружием, железными прутьями? С чьей легкой руки в Баку с конца 1989 года по отношению к армянам стал действовать применявшийся в нацистской гитлеровской Германии закон. Повторилась та же модель. Там евреями считались супруг или супруга еврея (ки), независимо от их настоящей национальности, все их дети и внуки. Словом, одного человека в семье нацистам было достаточно, чтобы «объявить» евреями сразу три ее поколения и сделать их кандидатами на отправку в концлагерь.

В Баку также было достаточно иметь даже азербайджанскую фамилию, но бабушку-армянку, чтобы быть изгнанной с работы и из дома, быть ограбленной. Русские и евреи, грузины и азербайджанцы—они пострадали за свое кровное, или дальнее родство с армянами. В списках на пособие беженцам из Азербайджанца, вывешенных зимой на стендах в московском маленьком дворике Армянского постпредства были целые большие семьи Мамедовых (пять человек), Аскеровых (восемь человек) и другие. Одной из нас пришлось январским днем помогать женщине, как выяснилось потом, полуармянке-полуазербайджанке с тремя маленькими детьми—азербайджанцами, младший из которых—грудной, совершить непростое, в гололед и снег путешествие с улицы Чернышевского, где разместился Госкомтруд СССР и регистрировали беженцев, в Армянский переулок, к постпредству. Она, плача, рассказывала, что даже спокойная, вроде любящая свекровь предупредила сына: «Убери ее, убьют и нас, и детей». Так она, обвешанная детьми, с тяжелой сумкой в пеленках и сосках, оказалась на московской зимней улице.

Капкан ставили умелые, хорошо подготовленные и знающие свое дело люди. И в него, к почти всеобщей радости, попал каждый армянин в Баку. Из тех, кто не успел, не захотел или не смог вовремя уехать.

КАПКАН С ВИДОМ НА МОРЕ

Говорят, большое видится издалека. И плохое, и хорошее. Даже поверхностный взгляд на карту города Баку убеждает в том, что он в январские семь дней превра-

тился в капкан для бакинских армян. И если, когда резали людей, Везиров бежал, а Муталибов, Гасанов и Кафарова отсиживались в подведомственных им, хорошо охраняемых «крепостях», то «демократический» народный фронт гнал случайно оставшихся в живых, полностью им ограбленных почти организованным стадом в морской порт, на паром. Сопровождающие, увы, при этом не были заботливыми пастухами. Они разрешили делать с гонимыми все, что угодно. Правда, при одном условии: до конца не добивать. Смерть на пароме, естественно, допускалась, хотя и тут следовало прятать концы в воду в прямом и переносном смысле—ведь морское транспортное средство все-таки считалось продолжением территории республики.

Организаторским способностям народнофронтовцев могли бы позавидовать самые обученные подразделения гитлеровской военной машины. От их цепкой предусмотрительности в проведении варварской операции не мог ускользнуть практически никто. Они приходили по нескольку раз, стучались в квартиры со смешанными семьями, где толпа, называя имена, скажем, детей-армян, интересовалась у матери-еврейки или русской, куда она их спрятала.

Их очень, к примеру, интересовал известный стоматолог, живущий в центре города, на проспекте Кирова. Они приходили дважды, трижды, настойно спрашивали у соседки-осетинки о том, где находится он сам, в городе ли его русская жена? Когда женщина с перепугу ответила невпопад, а затем и пустила слезу, то «благородные» господа из народного фронта спросили: «что плачешь? Разве ты не мусульманка?» Та согласно-испуганно закивала головой. Уже после ухода «доблестных» молодых людей старая женщина разразилась истерикой. Но у нее было преимущество перед теми, кого гнали из своих домов к морю. Несравнимое преимущество.

Перекреты были все выезды из Баку: железнодорожные, авиа и авто. На машине мог проскочить разве что прекрасно разбирающийся в сельской местности автоводитель. Нам известны случаи, когда, скажем, въехавший в Кубу, остановленный, но не остановившийся, переданный ГАИ на выезде отчаянный человек смог незамеченным проехать по узкой, боковой, неконтролируемой дороге. Но это единичное и совсем нетипичное для семи кровавых дней явление. Остается загадкой, (а, может, это закономерность?) почему власть предержавшие в городе и республике в эти дни могущественные народнофронтовцы не разрешили вые-

хоть ненавистным армянам спокойно, без жертв, моральных потрясений, материальных потерь. Так, как, скажем, их соотечественники выезжали из Еревана.

Прекрасное здание железнодорожного вокзала, шедевр архитектуры 80-х годов прошлого столетия стало, как и в 1918 году, эпицентром кровавых событий. Привокзальная площадь настолько полюбилась вандалам, что они ее хозяйски оккупировали и установили там новый порядок. **Андроник Саркисов**, персональный пенсионер республиканского значения, бывший парторг ЦК КПСС, ветеран партии (60 лет в ее рядах), был остановлен фашиствующими молодчиками непосредственно на платформе железнодорожного вокзала. Его обыскали и тут же сняли жатву — 550 рублей, ручные часы и шапку-ушанку. Видимо, она им показалась небольшой, тогда они стали бить человека, который по возрасту им годился не только в отцы, но и в деды. Даже через месяц на его лице были отчетливо видны следы побоев.

Завхозом в Бакинском театре юного зрителя работал 72-летний **Григорий Авакян**. В конце 1989 года его постигла участь всех еще работающих армян — увольнение. Тогда он с женой **Норой Кабардян** решил поехать в Подмоскowie к дочери, уехавшей туда за год до этого. 14 января они приехали на вокзал с вещами. Московский поезд опаздывал на два часа. В 6 часов вечера, когда подали на платформу состав, их окружила толпа, примерно из 40 человек. Двое из них подошли к супругам и потребовали документы.

— Что было потом, страшно вспомнить, — рассказывает Авакян. — Жену и меня повалили на землю, стали избивать, кто чем мог. При этом страшно, нецензурно ругались. Сожгли наши вещи. Сбереечь удалось лишь удостоверение участника войны. Нас спасли солдаты. Они оттащили бандитов, окружили нас плотным кольцом и доставили в 8-е отделение милиции. Там подполковник милиции развел руками: «Зачем привели? Что я с ними буду делать? Ведите их в «Шафаг», там армян собирают». Так мы оказались в концлагере кинотеатра, а затем и на пароме.

Подобные вопросы не задавали милиционеры при встрече на железнодорожном вокзале 16 января с **Владимиром Мирзояном**. Они очень хорошо знали, что с ним надо делать. Проверив паспорт и удостоверившись, что перед ними армянин, сопроводили его в отделение народного фронта. Один из сотрудников, которого четверо находившихся в отделении народнофронтовцев называли Али, потре-

бовал у Владимира с женой деньги и драгоценности. Отобрал 1900 рублей, вернул 80, посадил в стоящие у входа в здание «жигули» и благородно приказал доставить ограбленных на вокзал, к поезду Баку — Симферополь.

На вокзале на Мирзоянов напала другая группа, отняли оставшиеся деньги и повезли на сборный пункт к парому. Что к этому добавить? Пожалуй, что Владимира Гайковича Мирзояна, главного специалиста стройотряда Бакинского отделения гидропроекта уволили с работы 2 января, что управдом ЖЭКа «Азнефти» Ахмедов заявил о необходимости немедленно покинуть квартиру 36 по улице Гоголя, 111, которая по указанию НФАз. будет занята азербайджанцами. И, наконец, что произошла сия варварская акция 16 января.

Ольгу и Роберта Петровых били на вокзале так же жестоко, как и 80-летнего **Хорена Аветисянца**. Русская женщина, инженер «Азерэлектротерма», **Валентина Асланова** прошла круги ада на железной дороге из-за того, что десятилетия назад вышла замуж за армянина и имела от него двоих детей. Их квартира 46 по ул. М. Б. Касумова 22/23 была разгромлена 14 января. За час до погрома, в половине 8-го вечера, забрав лишь документы, их семья на машине знакомых азербайджанцев выехала за город, где после десяти часов они сели в поезд Баку-Тбилиси. Не успели супруги войти в купе, как там появились двое «стражей правопорядка» в милицейской форме и стали проверять документы и вещи.

— В документах, — рассказывает Валентина Петровна, — лежали все наши сбережения — 10 тысяч рублей. Они их забрали и сказали, что если будем жаловаться, то выдадут нас толпе, которая тут же расправится с нами. Милиция — настоящие мародеры.

Альберт Саакян, портной фабрики индпошива одежды № 2 вместе с матерью **Цагик Арутюнян** и сестрой **Пунджик Газарян** приехали на вокзал 15 января в 12 часов дня с билетами до Армавира. За пять минут до отправления поезда в купе к ним вошли трое парней, предъявили удостоверение членов народного фронта и предложили отдать тысячу рублей за то, что позволят им уехать. Он отдал 100 рублей и сказал, что больше денег нет. Они угрожали ножом, преследуемый выскочил на перрон. В тот же момент почувствовал сильный удар сзади в шею, один из них вытащил из кармана 500 рублей. Проводница скрыла его в подсобном помещении I вагона. В Сумгаите оказалось, что

мать Альберта вытолкнули из поезда и, угрожая ножом, забрали у нее 3 тысячи рублей и облигаций на 2 тысячи рублей. Растаскали вещи. Через 2—3 дня он встретил женщин, их посадили в поезд № 5.

Вот еще одно свидетельство очевидца и жертвы вандализма-инвалида II группы, пенсионера Хачика Мелкумяна, ранее проживавшего в квартире 4, по улице Али Байрамова 11:

— 13 января в половине 9 утра я пошел к одному человеку. К 12 часам дня пришел домой. Собственно, дома уже не было: квартира разграблена, в ней толпятся люди. Один из них-инвалид без ноги, ударил меня палкой по животу, второй повалил на пол и стал меня бить со словами: «Мы тебя предупреждали, уезжай, почему ты еще здесь». Меня били, а потом заставили подписать бумагу, что отныне моя квартира принадлежит только азербайджанцу. Меня бы убили, если бы не соседи. Они спрятали меня и в 10 часов вечера отвели на вокзал. Я чудом спасся. Толпа была занята женщиной, лет 35. Они избивали сопровождающих ее азербайджанцев, отвели несчастную за поезд, схватив за ноги, разорвали ее и сожгли, предварительно облив мазутом. Ее крик стоит в моих ушах.

От полной расправы в аэропорту 12 января в 6 часов вечера Карину Якубову, педагога музыкальной школы №30 Шаумяновского района, спасло лишь то, что избиваемый народнофронтовцами вместе с ней муж—Магасия Мардухаевич Якубов, исхитрился каким-то образом показать им свой паспорт, удостоверяющий его еврейскую национальность. Тогда бить перестали. Зато супруги видели, как, загнав в угол, били пассажиров ереванского рейса. И милиция, воспринимая это, как должное, не вмешивалась в чинимую у всех на виду расправу над ни в чем неповинными людьми.

Аэропорт полностью «оккупировал» народный фронт. Воздушные ворота практически были закрыты для армян. Не имел никакого значения билет—решающей была фамилия в паспорте или в другом, удостоверяющем личность человека документе.

С этого момента—проверки паспорта начались в аэропорту мучения 44-летней Леры Оганян. Она имела честь жить, как мы уже писали, в особо криминогенном бакинском доме 8, по ул. лейт. Шмидта (квартира 118), в том, где жила и живет по сей день Э. Кафарова (Этот дом имеет еще два выхода и два адреса—по ул. Узеира Гаджибекова и Хагани). Ее дети, мать и муж, спасаясь от неоднократ-

ных налетов никем не сдерживаемых бандитов уже покинули город. Она ночью 12 января ждала в аэропорту объявления посадки на свой рейс. Дождалась... Узнав, что она армянка, народнофронтовцы с криком, силой схватили ее за руки и потащили к выходу. Не помогли ни милиционеры, которые находились в зале ожидания, ни военные. В 30-ти метрах от входа стоял автобус «МАЗ», куда затолкали Леру. Там оказалось 17 армян и человек 10—12 представителей НФ.

— Они заявили, — вспоминает Лера — что нас берут заложниками и чтобы мы сдали оружие. Его у нас не оказалось. Тогда у станции метро «Азизбеков» нас высадили. Еле добралась до знакомых, где пряталась несколько дней. Через несколько дней на их автомашине выехала в Дагестан. Оттуда в Ереван.

13 января в 10 часов утра с билетом на рейс Баку—Ереван, долженствующий вылететь в 10 минут первого дня, Вартуи Алексанян со своим 73-летним мужем приехали в аэропорт. Вначале все было спокойно. В 12 часов дня в здание аэропорта как шакалы налетели «боевые» дружины числом примерно в 400—500 человек. Они требовали предъявить паспорта. Армян узнавали по тому, что они не спешили их показывать. Мгновенно отделили их от остального меньшинства (чем не гитлеровские методы?), стали вспарывать вещи. Тут же на площади, перед аэропортовским зданием разожгли костры. Стали в них бросать постель, старую одежду, документы. Деньги, паспорта, сберегательные книжки, драгоценности отбирали.

— Мужа моего бросили на пол, стали топтать, избивать, — рассказывает Вартуи Осиповна, — никто не помог, все стояли и смотрели. Мужу переломали руку, ребра, оттоптали три пальца. Почему никто не снимал на пленку?

Этот вопрос женщины, оставившей с мужем в Баку не только здоровье, но и трехкомнатную квартиру, все нажитое имущество, адресуется, прежде всего, к тем демократически мыслящим радикалам, которые поспешили осенью 1990 года в Баку помогать представителям народного фронта одерживать победу на выборах в Верховный Совет республики. В частности, к депутату Моссовета Валентину Дубинину. К Ельцину обращаться и хотеть в знак протеста вскрывать себе вены из-за подонков, у которых руки в крови, вряд ли стоило. Здесь мы пользуемся информацией, почерпнутой из выступления коменданта Баку В. Бунятова по телевидению в канун выборов в Азербайджане. Очень жаль,

если правда, что Дубинин, как и лаборант московского НИИ, член исполкома Демократической партии России А. Блинные, корреспондент еженедельника «Наш дом» поспешили в Баку на политическое шоу по приглашению тех, кто несколько месяцев назад организовал резню в этом городе, по чьему велению сотни тысяч людей остались бездомными.

Никто не фотографировал пылающие перед зданием аэропорта костры. Но они навсегда запечатлелись в сердце и душах тех, кто раньше десятилетиями приобретал эти сжигаемые со злостью и остервенением на их глазах вещи. Помнят о них Эмилия и Леон Авакяны. Правда, последний по рассказам жены. Оставив свою квартиру 104, по ул. Узенера Гаджибекова, 45, она пыталась 13 января вылететь из города к уехавшему ранее мужу. Все видела своими глазами. Спаслась чудом. Рядом с представителями Аэрофлота стояли члены народного фронта, проверяли паспорта, их интересовали национальность и фамилии. Армян хватали, уводили на площадку строящегося нового здания аэровокзала. Эмилия Владимировна вспоминает:

— Их вещи пылали в огромных кострах. Избиваемые просили о помощи, но никто не осмеливался за них заступиться. Хулиганам не было отпора, при избиении в качестве наблюдателей, не вмешиваясь, присутствовали патрульные солдаты, никто из них не оказывал никакого противодействия.

Суматоха усилилась в аэропорту из-за того, что по настоянию всемогущего народного фронта откладывались на несколько часов рейсы: необходим был тщательный отсев из числа отлетающих армян. На 6 часов был 13 января задержан тбилисский рейс. Русской Эмилии Владимировне с армянской фамилией удалось улететь благодаря малой хитрости. Ее билет был положен под два других с русскими фамилиями, и все вместе подано в самом конце, когда обстановка осложнилась еще и тем, что шла регистрация одновременно двух рейсов.

Путь одной из нас повторила Ирина Навасардова, дамский мастер-парикмахер комбината бытового обслуживания «Бахар». Ей удалось спрятаться у соседней, когда во второй половине 13 января бандиты ворвались в ее квартиру 7, по улице Инглаб, 59. 17 января она была в аэропорту. Через накопитель (слово-то какое!) армян ее посадили в тбилисский самолет. В этот день вещи уже не жгли, костры не разводили. С ручными сумками, налегке армя-

нам можно было через охраняемую солдатами площадку, обнесенную сеткой наподобие той, что ставят на арене цирка во время номера дрессировщика диких зверей, вылететь в любое кроме Еревана (туда самолеты с гражданского аэропорта не летали) направление. Словом, капкан чуть-чуть приоткрыл свои двери, и в них можно было, правда, рискуя остаться с отрезанной головой, успеть проскочить. Как проскочил, если можно применить столь резвое слово к 90-летнему слепому персональному пенсионеру союзного (!) значения Исааку Айрапетову. Его, еле передвигающегося, вместе с парализованной женой (о ней мы писали, она скончалась в ереванской больнице) и 65-летней дочкой избили, выбросили на улицу. Затем машина «скорой помощи» доставила их в аэропорт, оттуда через Астрахань они попали в Ереван. Также удалось вырваться из капкана Сурену Меджумяну. Его били, при нем разгромили квартиру, сказали, чтобы поскорее убирался, в противном случае прибудут или зарежут. Затем через комендатуру в сопровождении военных пенсионер был доставлен в аэропорт. Аналогичным образом спаслись после погрома в своей квартире 26, по улице Али Байрамова, 3, Нуник Аракелян с мужем и сыном. Тут, видимо, сработала профессиональная солидарность—она долго работала спецконтролером в аэропорту.

Не смогла улететь с авиабилетами на 11 января в руках машинист компрессорного цеха завода им. лейт. Шмидта Светлана Сарумова. Вначале отложили рейс на 12-е, а затем объявили, что вылета не будет. Идти из аэропорта было некуда, квартиру 61, по ул. Басина, 58 заняли. В 9 часов вечера налетела толпа, всех армян погнали в грязный «Икарус», повезли в сторону города. По дороге, не зажигая света, раздели, отняли деньги, потом, обзывая и избивая, вытолкнули всех из автобуса в темноту и уехали.

О капкане мы сейчас, спустя месяцы, знаем и можем говорить. Тогда же, в январе, было не до рассуждений, со поставлений, анализа. И тем, кто хотя бы на короткое время ранее покинул Баку, трудно представить реальную картину того, что там происходило. Прямо в пекло ехал на своей машине из Армении 13 января за семьей Владимир Пашаян:

— Был девятый час вечера, когда на подступах к городу меня остановили и потребовали документы. Я ответил, что у меня их нет. «Значит, армянин»—заклучили они и вытащили меня из машины, посадили в свою и по-

везли, как выразились, в штаб народного фронта. Здесь, на мое несчастье, оказался человек, который знал и меня, и мою семью, и адрес нашей квартиры. Вот его и послали со мной с тем, чтобы я взял документы, после чего меня должны были, якобы, сдать в милицию, а потом вывезти из города. В эти минуты я был еще относительно спокоен, не до конца понимал, что происходит. В сопровождении шестерых народнофронтовцев меня повезли домой. Жена открыла на знакомый голос. Вначале потребовали документы со словами: «вам надо немедленно уезжать», а затем принялись за откровенный грабеж квартиры. Из тещиной сумки взяли деньги, сорвали серьги с жены. Меня вывели из дома, сказав жене, что позже придут за ней. Я понял: везут убивать. Привезли на какой-то пустырь, повалили на землю, начали бить, угрожая ножами. Оставили меня, израненного, истекающего кровью, думая, что я мертв. Уже в Ереване врачи насчитали у меня шесть ножевых ранений. Спас меня плащ, точнее металлическая застежка, в которую попадали пару раз ножом. Запомнился разговор, который вели бандиты между собой. Один из них сказал, что ему нужно вернуться и забрать мой телевизор, второй ответил: сегодня в «Запорожец» не поместится, завтра поедешь на «Жигулях», спокойно заберешь».

Они уехали, а я весь в крови и грязи закоулками добрался до своего дома. Стучу, никто не отвечает. Поднялся к соседке, она русская. Вызвала «скорую помощь». Врача пришлось уговаривать, чтобы только наложил повязки, а не отвозил в больницу, там меня бы, наверняка, добили. Всю ночь просидел в подъезде, в темноте и холоде, истекая кровью. Лишь под утро пришел участковый, вслед за ним наряд милиции. Открыли дверь, вошли в квартиру. Моя жена была убита, а теща лежала еле живая, жестоко избитая. Ни документов, ни драгоценностей, ни денег, в квартире — полный разгром. Пораспросили меня, записали показания, жену отвезли в морг, а нас с тещей — в больницу.

О перипетиях В. Пашаяна в больнице мы уже писали. Из этого «богоугодного» заведения, как знают читатели, ему с помощью русского шофера такси удалось бежать. Но мучения на этом не кончились. В собственной разграбленной квартире он провел день и ночь, а на следующий день — вечером, вновь постучали. Не открывать было бессмысленно. Вошли из народного фронта (так они представились) человек 11 и начали рыскать по квартире, заби-

рая все оставшееся, вплоть до пачки сигарет. Не разрешили взять с собой ничего, даже теплой одежды, отвезли в порт, на паром.

— Вот так я оказался, — завершает свой скорбный рассказ В. Пашаян, — здесь, в ереванской железнодорожной больнице, без документов и жилья. Я потерял жену, не знаю, похоронена ли она, и если да, то где? Не знаю, что стало с тещей. Исчезла сестра — 52-летняя Евгения Мелик-Пашаева и мать — 78-летняя Зарвард Пашаян.

Центр города оказался чуть ли не самым беззащитным. Чем можно объяснить такую невероятную ситуацию? Близостью с площадью, которая собирала ежедневно тысячные толпы? Расположением главных раздражителей в виде правительственных зданий? Слабостью, ничемностью, с одной стороны, официальных городских и районных руководителей, с другой стороны, агрессивностью, злобной ненавистью решительно рвущихся к власти народнофронтовцев? Так или иначе ясно одно: и 72 года назад, и сейчас капкан с видом на море был особо жесткий непосредственно у почти закрытого входа-выхода у моря.

С какой улицы начать? Пожалуй, лучше всего с улицы лейт. Шмидта. Перпендикулярная морю, ранее именуемая Каспийской, улица нам интересна тем, что, как мы писали, в одном из примечательных домов с двумя теперь уже бывшими музеями — Шаумяна и Кирова, живет Председатель Президиума Верховного Совета республики Э. Кафарова. Дом уже вспоминали, потому перейдем к конкретным людям. Вельможное соседство не помешало молодчикам полностью разгромить квартиру 96 в этом доме, а ее основную съемщицу Римму Захарян ограбленной выгнать из дома.

Этот дом имеет выход и адрес, как мы писали, по улице Узеира Гаджибекова. Бывшая Биржевая, третья от моря улица, параллельная ему и повторившая очертания и изгибы бухты, она выходит какой-то своей частью на печально знаменитую площадь Ленина. А именно-новыми домами, первые этажи которых заняли аптека, Дом книги, универсам «Баки», Дом быта «Айнуру». О том, что эти объекты оказались в центре волчьего внимания вандалов, читатели узнают при дальнейшем знакомстве с судьбами людей. Оттуда армян, невзирая на стаж и заслуги, изгоняли особо жестоко и, главное, своевременно, даже досрочно. Наш рассказ сейчас о некоторых пострадавших жителях этой улицы. Не всех, естественно, ибо мы располагаем очень

фрагментарными, отрывочными данными. За углом от своего дома № 18 по улице У. Гаджибекова, в квартире 17, по улице Шаумяна старшим бухгалтером «Азгидрометслужбы» работала Арфеня Едигарова. Ее заставили уволиться, не выдав даже расчета. Квартиру разграбили. Как и ее сосед с 25-й квартиры Альберт Саакян с семьей, о котором мы уже рассказали в связи с положением на железнодорожном вокзале, она 15 января выехала поездом из Баку. К ним в купе ворвались 5 человек и потребовали деньги. отобрали у нее паспорт, 1600 рублей, часы, шаль, серебряный пояс, приемник и... высадили в Сумгаите. Через несколько дней вместе с матерью соседа их отправили в Минводы. Оказавшись за пределами республики, они добрались до Еревана.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском армянском национальном совете. 1919 год.

На улице Уз. Гаджибекова (бывшей Биржевой) жили 512 армянских семей из 2259 человек. 721 человек бежал, осталось 1538 жителей. Из них 78 убиты, 35 исчезли, 29 взяты в плен, 22 умерли. Пострадало 7, 25% армян-жителей этой улицы, или 10,66% тех, кто остался в городе.

В 113-й квартире этого большого дома жила пенсионерка Греза Тараянц. Ее ребенком в 1921 году родители привезли из Киева в Баку, приняв роковое для будущих поколений семьи решение обосноваться в этом городе. После окончания в 1942 году медицинского института она 35 лет работала врачом-терапевтом в I городской поликлинике, что находится на соседнем с домом проспектом Кирова. Подполковником медслужбы, врачом-эпидемиологом был ее покойный муж — Исаак Данилов.

Ее сестра Анна Тараянц родилась в Баку в 1923 году. После окончания факультета иностранных языков АПИ им. Ленина осталась преподавать в институте, где на кафедре лексики английского языка проработала 33 года до ухода на пенсию в 1978 году. Восемь лет назад потеряла мужа Бениамина Тер-Саркисова, ветерана войны, доктора технических наук, жила с дочерью, инвалидом II группы Ольгой в квартире 2, по улице 28 апреля, 14.

13 января в 7 часов вечера в ее дверь стали стучать. Она успела позвонить сестре. К кому, как не к родному человеку, обратишься за помощью? Бандиты действовали сплоченно и оперативно. Дверь не поддавалась, выломали рядом стену и через образовавшийся проем открыли дверь

и ворвались в квартиру. Предоставим слово вначале Анне Аршаковне:

— Их было человек 15. Один из них свалил меня, сильно ударил по лицу. Приказал мне встать, снова ударил. Бил железным прутом по животу, бедрам, пояснице, груди, левой руке. К нему присоединились другие. Сломали очки, повалили на кровать, продолжали бить, требуя денег и золота. Пока эти били, другие ломали мебель. Появилась новая группа, в ней были женщины, дети, новое пополнение мужчин. Они все занялись грабежом.

Минут через 15 после начала грабежа в квартиру прибежала сестра Анны Аршаковны. Перед ее взором предстала разграбленная квартира, с разбитой мебелью, перевернутыми столами и стульями, оба телефонных аппарата с разорванными шнурами были разбиты и валялись на полу. Сестра без очков, которые разбитыми валялись также на полу, была избита, вся в крови.

— При виде этой картины во всегда опрятной, идеально ухоженной квартире сестры, при ее виде я стала сильно кричать, — рассказывает Греза Аршаковна. — Меня ударили по лицу и голове, ящиком от буфета по спине и груди, требовали деньги. Представившись членами народного фронта, спросили, где я живу. Я сказала, что приехала из Харькова, испугавшись за дочь с зятем, оставшихся дома.

Ее рассказ продолжила Анна Аршаковна:

— Целые сутки приходили люди, уносили постель, одежду — мою, покойного мужа, дочери, таскали масло, яйца, сгущенное молоко, чай. Затем пришла новая группа людей. Они вывели нас во двор, сказали, чтобы убить. Один из них, представившись членом народного фронта, объявил, что он житель селения Акбулак Красносельского района Намазов и если я хочу с дочерью и сестрой остаться живой, то должна подписать доверенность на свою квартиру ему и дать согласие на обмен с ним в Красносельский район. Конечно, я подписала доверенность. Тогда нас вернули в квартиру. Пришла новая группа. Они нас раздели догола и украли облигации займа на тысячу рублей, серебряные и золотые вещи, сберкнижку на 750 рублей. Исчезли паспорта и все другие документы.

14 января пришел начальник ЖЭУ № 49, главный инженер и представитель народного фронта, которые сказали, что доверенность на квартиру недействительна и 15 января они пришлют нотариуса для официального оформления документа. Оставили нас еще на один сутки. Но 15

января пришла группа из народного фронта и отвела нас в «Шафаг», мотивируя тем, что резня усиливается и необходимо вывезти из города всех армян, иначе они погибнут.

Это печальное повествование завершает Ольга Тер-Саркисова, переводчица, работник СКТВ Академии наук Азербайджанской ССР:

— Я передвигалась после перелома на костылях. Меня толкнули в спину, ударили по голове. С помощью мамы и тети я поднялась, они меня вывели во двор, и мы, побитые и униженные, навсегда покинули наш полностью разграбленный, уничтоженный дом. От нас избавлялись в городе поспешно и агрессивно, со злобой, копившейся, видимо, десятилетиями и передаваемой в виде самого главного наследства из поколения в поколение. Разве можно забыть звериный оскал морд этих человекоподобных?

Вслед за старшей сестрой Тараян мы с Вами, читатель, оказались на одной из центральных улиц Баку, его важной торговой, культурной артерии. Недавно на этой улице восстановили здание немецкой кирхи и открыли в нем зал органной музыки. Собрался на концерты весь партийно-политический «бомонд» с чадами и домочадцами. Их важные лица, устремленные на сцену, несколько раз демонстрировали по телевизору. Им, увлеченным камерной музыкой, естественно, было совсем неинтересно, что через короткое время при их попустительстве и определенной доли трусости, на этой улице будут молчать все музы, заглушенные криками убиваемых, а также выбрасываемых из окон многоэтажных домов людей. Кирху временно закроют. До лучших времен. Вначале полагалось изгнать из города всех армян. Очистить Баку от скверны.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном совете. 1919 год.

На улице 28 Апреля (бывшей Телефонной) до резни 1918 года жили 1208 армянских семей из 4275 человек. 1612 человек бежали, осталось 2663 жителей. Из них 138 убиты, 109 исчезли, 276 взяты в плен, 129 умерли. Пострадало 15,25 проц. армян—жителей этой улицы, или 24,48 проц. тех, кто остался в городе.

13 января еще могла Анжела Саакова, дрожа и плача, наблюдать из окна своей квартиры 83, по улице 28 Апреля, 5, что творится на улице. Она видела, как зверски избивали у продовольственного магазина напротив, на пересечении улиц 28 Апреля и лейтенанта Шмидта, мужчину. Окру-

жив его, топтали и пинали ногами, а потом поволокли в сторону кинотеатра Низами. До нее и брата очередь дошла 14 января, когда толпа ворвалась во двор. Пока громили соседние квартиры, они убежали и спрятались у знакомых. 16 января брат пытался пройти в квартиру, чтобы взять кое-какие вещи, но она была занята. «Новые хозяева» успели уже в дверях предусмотрительно сменить замок.

— Брату 51 год, он инженер-экономист I категории, работал в Бакинском филиале проектного института «Центросоюзпроект»,—говорит Анжела Арсеновна.—Мне 41 год. Я шестикратная чемпионка Азербайджана по шахматам, участница трех спартакиад народов СССР, шахматной олимпиады страны, финала чемпионата СССР среди женщин. Свыше 20 лет защищала спортивную честь соседней республики, отдавала силы и знания развитию шахмат, а теперь оказалась выброшенной на улицу в буквальном смысле этого слова. Мой отец, участник гражданской войны, педагог, воспитывал нас с братом патриотами и интернационалистами. Мог ли он предположить, что его дети станут бездомными беженцами?

Хочется добавить, что Анжела не почивала на былых лаврах, а активно участвовала в воспитании национальной шахматной смены в качестве руководителя шахматного кружка Бакинского городского дворца пионеров. Не сумел или не захотел защитить своего работника многолетний руководитель этого учреждения А. Алиев, произнесший, наверное, целые тома спичей об интернационализме азербайджанского народа на всевозможных совещаниях различного уровня? В штабе народного фронта, куда попала Анжела с братом, их грубо обыскали и, убедившись в отсутствии припрятанных денег и драгоценностей, пропустили через «Шафаг» на паром,

В близком, чрезвычайно опасном в эти дни соседстве с железнодорожным вокзалом жил по улице 28 Апреля, 56 Сергей Аветисов. Первый раз его, ветерана войны, избили еще 26 ноября 1989 года. В 6 часов вечера беспрепятственно ворвались в квартиру, били его палками, камнями, бутылками. Жену ударили железным предметом в правый глаз. На телефонный вызов милиция не явилась. Тогда знакомый привел наряд с Насиминского районного отделения. Стражи правопорядка заставили пожилых людей покинуть квартиру, заколотили поломанную дверь и сказали, что их жилище будет находиться под охраной патруля. Старики вынуждены были ночью остаться

у знакомых. На утро, придя во двор, увидели полностью разграбленную квартиру, а в ней людей, которые заявили, что их вселил сюда народный фронт, и они собираются здесь жить. Ничего не дали обращения в военную комендатуру, к заместителю начальника Насиминского РОВД Авшалумову, в ЖЭУ-49. Оставшись на улице, они подавали телеграммы в Прокуратуру Азербайджана, в ЦК Компартии Везирову. Их на короткое время все-таки вселили в квартиру. Но 13 января все повторилось с новой силой. Избитых, почти голых стариков вывозили на пароме.

С шестимесячным грудным ребенком пришлось бежать, спасаясь от бандитов из своей квартиры 43, по улице 28 апреля, 72 Элле Тумасовой. До 19 января она жила в знакомой русской семье, днем ее «сдали» в отделение милиции района 26 бакинских комиссаров, и в ночь на 20 отправили на паром.

Улица Шаумяна была настоящим раздражителем «демократической» толпы и ее организаторов. Это имя вызвало зоологическую ненависть не только у академиков. Пойманные еще на заре беспорядков в «солнечном» городе мальчишки-учащиеся мореходного училища на том, что сдирали таблички со стен домов, а также переворачивали машины на этой улице, сознались, что согласились участвовать в подобном мероприятии за... десятку, розданную каждому каким-то солидным киши.⁸⁷

За эти невинные забавы никто не ответил. Но улица, где в ведомственном доме КГБ до последних дней второе десятилетие оставалась незанятой трехкомнатная квартира Гейдара Алиева, вскоре лишилась и своего имени, и облика. На ней вовсю шли погромы немногих из оставшихся там армянских квартир. В квартире 42, по улице Шаумяна, 3, коротал свой век в одиночестве пенсионер Алексей Агасибеков, 1919 года рождения. 13 января в 4 часа дня к нему постучали. На вопрос: «кто?»—последовало грубое:

— Открой, иначе сломаем дверь!

Не успел открыть старик дверь, как ворвались человек 15 молодых людей, вооруженных на борьбу с ним, немощным, до зубов топорами и ножами.

Состоялся короткий эмоциональный диалог:

— Что вам нужно?

— Твой труп.

Потом старика легонько толкнули, он упал. Все стали смеяться. В одной рубашке его вышвырнули за дверь на улицу. Дорога была той же—как скотина к морю. Подоб-

ным же образом погромщики отнесли к Гренате Микаэлянц, из дома № 35.

Аналогичный путь, только через кинотеатр «Шафаг» проделал Роман Мкртычян, заготовщик «Азербыхтобувь». Уже дома сидела выгнанная с работы дочь. На Главпочтамте, где она работала телеграфисткой, действовала боевая дружина народного фронта—от их бдительного ока не удалось уйти ни одному армянину, все были заблаговременно уволены. В его квартиру 43, по улице Шаумяна, 17 в начале пришли соседи—братья Намик и Махмуд, с ультиматумом пробить стену и занять помещение. Это было 12 января. И ушли они с угрозой: «смотри, завтра будет поздно». В назидание 13 января со двора прогнали соседку с дочерью, разграбили их имущество, а женщин выволокли во двор и били чем попало. 14 января раздался телефонный звонок. Мужской голос, представившись членом народного фронта, четко сказал:

— Я не шантажирую, но предупреждаю, если не покинете квартиру, завтра будет поздно.

И действительно, 15 января ворвались люди и сказали, что дают 5 минут на то, чтобы все из квартиры убрались. 17 января семья отплыла в Красноводск вместе с другими случайно недобитыми на любезно предоставленном соседней республикой, ее демократическим блоком, транспорте.

Танки и другая боевая техника, идущая на репетицию военного парада, дважды в год нарушала тишину неширокой, обрамленной двумя рядами разросшихся старых деревьев, центральной улице Хагани. Потом жители близлежащих домов в течение нескольких месяцев засыпали под гул выкриков, рукоплесканий толпы, основательно подогретой на площади Ленина агрессивными монологами малограмотного Панахова, успешшего пройти за короткое время путь от садовника одного из видных партийно-государственных деятелей до лидера националистически настроенной, злобно ненавидящей армян массы.

Было и смешное: в одно прекрасное утро почти вся верхушка центрального, городского и районного партаппарата оказалась согнанной на пересечение двух улиц (этой и лейтенанта Шмидта) для контроля над... заменой и покраской водосточных труб у музея-квартиры С. М. Кирова, которую вдруг решил посетить во время своего краткого пребывания в Баку незабвенный Е. К. Лигачев. И стояли с утра пораньше почтенные начальники и смотре-

ли, как красят трубы, меняют решетки подвальных амбразур. Не знаем, остался ли доволен именно этими «потемкинскими» деревянными секретарь ЦК КПСС, но из Баку он уезжал чрезвычайно воодушевленным. Радость буквально струилась с его высокопоставленного лица, комплиментами была переполнена речь на городской партийной конференции. А до резни оставалось совсем мало времени.

На улице Хагани мы возвращаемся в позорные для нее дни. С окон домов летели на мостовую живые люди с зажженными факелами на спине. Внизу насильствовали старух. Мы не знаем их имен. Склоним голову, читатель, перед ними, в большинстве своем безымянными, не похороненными, проникнемся горем их родных, вдвойне тяжелым от того, что не сумели исполнить эти последние ритуальные, принятые во всем мире обычаи традиционного прощания с близкими.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном совете. 1919 год.

На улице Хагани (бывшей Молоканской) до резни 1918 года жили 361 армянская семья из 1575 человек. 626 человек бежало, осталось 949 жителей. Из них 49 убиты, 24 исчезли, 47 взяты в плен, 12 умерли. Пострадало 8,38 проц. армян-жителей этой улицы, или 13,90 проц. тех, кто остался в городе.

Этот четырехэтажный дом №20 дореволюционной постройки строгостью линий и классическими формами придавал неповторимый облик всей улице. Его старожилы любили сидеть на стоящих перед ним в тени деревьев лавочках. Не знаем, как сложилась судьба всех армянских семей, живущих там, кто-то, видимо, успел заблаговременно выехать, приходилось видеть контейнеры, пригнанные плотно к воротам или парадному, в которых грузились вещи еще ранней осенью прошлого года. Но 13 января (одна из нас была тому скорее слушательницей, чем свидетельницей) оттуда в течение нескольких часов неслись дикие крики, и толпа, видимо, напилась там крови досыта.

Рачик Агаджанов из квартиры 61 спасся от бандитов только лишь потому, что воспользовался парадным входом. В чем находился в комнате, в том и побежал балконами и проходными дворами зимним днем к морскому

порту—благо, дорога близкая! Ему удалось попасть на военный корабль, паром был 13 января блокирован народным фронтом, в этот день туда без риска для жизни не мог проникнуть ни один армянин.

В этом же доме четырехкомнатную квартиру 10 занимала семья Арутюновых. Муж—Генрих Аршакович и дочь Алла Генриховна уехали, в городе осталась жена Грета Борисовна. Русская, она еще продолжала работать заведующей бактериологической лабораторией СЭС Апшеронского района, была депутатом райсовета. Во дворе уже ворвались в армянские квартиры, разграбили их и избили Раю Мурадян, Нану Татьян, Эльмиру Торосян. Ее квартира также была взята бандитами «на мушку». Неоднократно они ломались в дверь. Милиция на вызовы приезжала лишь в том случае, если по телефону называлась ее девичья фамилия «Москаленко». Но это был секрет Полишинеля, ибо все документы, включая паспорт, у Греты были давно на армянскую фамилию, которую она взяла при замужестве.

Можно только представить, да и то не до конца, что в своей собственной квартире испытала эта женщина за шесть дней, когда на седьмой—19 января, расправившись со всеми армянами на улице, толпа прочно взялась за нее. Они стучали в дверь и орали:

—Выйди, выйди, не то убьем.

Пришлось дверь открыть. Ворвались. Перевернули всю квартиру под видом обыска. Искали оружие, мужа-армянина и его, как сказали, выроdkов. Соседи вызвали милицию. Участковый беспомощно развел руками:

—Вам надо уйти из дома. Я боюсь за вашу жизнь.

Так в 4 часа дня она оказалась в РОВД им. 26 бакинских комиссаров. При входе на паром, она лицом к лицу столкнулась с правилами морской депортации армян, организованной народным фронтом, чем они сейчас, спустя год, чрезвычайно гордятся. Итак, слово Грете Борисовне:

—Им было очень весело при нашем виде. Они острели: «Мы вас, как 26 бакинских комиссаров, отправляем в Красноводск». Грубо обыскивали каждого и без зазрения совести брали вещи и продукты, которые им нравились. При осмотре документов отобрали мое депутатское удостоверение со словами, что им такие депутаты не нужны. Один увидел, что я русская, и сказал: «Мы вас не выпустим». Хорошо, что он тут же отвлекся другим, более интересным объектом, и я прошла на паром.

Уже тогда эти хорошо организованные люди, несмот-

ря на разбой, грабеж, безответную войну со стариками и женщинами, помнили о том, что в данной ситуации не следует восстанавливать русских против себя. Их цель достигнута: русские, позабыв о своих убитых, раненых, изгнанных из города соотечественниках, поспешили в Баку помогать «демократическому» народному фронту бороться за депутатские мандаты в республиканском парламенте. Неужели сработала магия слов «народный фронт?» Но эта организация по своим делам и идеологической платформе, не той, что обозначена на бумаге, а той, что действительно проводилась в жизнь, походит на демократическую столь же, сколько режим Гитлера или Муссолини. Об этом можно заявить со всей ответственностью, опираясь на многочисленные свидетельства живых и трудную смерть убитых.

Пример тому—трагедия семьи Хачатуровых—Григорьян—Кеворковых. Они жили в доме 34, новом многоэтажном доме, больше известном в городе как «Дом книги», потому что в первом этаже его находится современный, просторный книжный магазин. Трехкомнатную квартиру 114 занимали три поколения этой семьи. Старший—Григорий Григорьян, 1902 года рождения, парализованный, прикованный к постели, за ним ухаживала 63-летняя дочь. Супруги Хачатуровы—Иван и Нора были пенсионерами. Они имели двух дочерей. Из них младшая, Инна, находилась с ними, старшая—Кеворкова Ирина была замужем и жила на «8 километре» в квартире 54, по улице К. Караева, 2 (о резне в этом поселке речь впереди). Обе девочки получили высшее образование, окончили университет. Ирина после окончания физфака работала преподавателем физики в школе №2. С июня 1989 года она не работала из-за оскорблений директора школы Б. Алиева и завуча С. Ахундовой, бойкота со стороны большей части коллектива. Это были неприятности, унижение человеческого и профессионального достоинства, но молодая женщина не знала, что впереди ее ждет ужасное, ни с чем не сравнимое горе.

Инна, окончив факультет прикладной математики университета, работала до увольнения (правда, обошлось без оскорблений, все-таки предприятие союзного подчинения) инженером-программистом Бакинского отделения производственного объединения «Конус». Когда к площади Ленина 13 января стали подтягиваться толпы людей и начался митинг, друзья увезли ее из родительского дома, ставшего небезопасным, к сестре, на 8-й километр. Бедные

люди! Прибегая к такому бесхитроственному маневрированию, они не верили, или не хотели верить в свою обреченность. Все-таки, считалось, находились в родном городе, где, казалось, и стены должны помогать. О том, как они «помогли» этой семье, наш рассказ. Дочери слышали голос матери в последний раз—в 4 часа дня. Задыхаясь, она сказала по телефону, что во дворе огромная толпа. Инна и Ирина, вырывая друг у друга трубку, умоляли родителей спрятаться у соседей, хотя наперед понимали тщетность этих уговоров. Могла ли их заботливая, беспокойная мама оставить в квартире своего парализованного отца, их девушку, за которым ухаживала уже несколько лет? Нет, конечно.

Через час дочери снова позвонили родителям. На том конце провода трубку подняли, но молчали. Тогда они позвонили соседке. Та ответила, что ничего не знает (?!), только через окно видит, как какие-то мужчины и женщины выносят из квартиры вещи или выбрасывают их с балкона. В течение последующих двух часов сестры звонили в РОВД им. 26 бакинских комиссаров и в «скорую помощь». По первому телефону им отвечали, что не будут связываться с толпой, по второму,—что не могут подъехать к дому, так как их не пропускают. И это было правдой, несколько машин «скорой помощи» скопилось на пересечении улиц Хагани и проспекта Ленина. Толпа их раскачивала, вела переговоры с бригадой врачей и водителями, но к ожидавшим их не подпускала.

Собственно, **Иван Саркисович Хачатуров**, 1928 года рождения, **Нора Григорьевна Григорьян**, 1927 года рождения, Григорий Семенович Григорьян, 1901 года рождения, уже никого не ожидали: в собственной квартире их зверски убили. Убили в престижном доме, заселенном сплошь партийно-политическими знаменитостями, деятелями культуры, науки, искусства. В обычные дни перед двумя подъездами этого дома стояли вереницы правительственных и частных машин. И даже близкие соседи ничего не слышали, будто можно беззвучно убивать трех людей одновременно.

О дальнейших событиях рассказывает старшая сестра—**Ирина Кеворкова**:

—До вечера мы кружили на машине вокруг дома родителей, никто из нас не думал об опасности. За углом дома я увидела 8 грузовиков, полных солдатами. Я просила их помочь мне проникнуть в квартиру, оказать родным ме-

дицинскую помощь—я не знала, что они уже убиты. Мне отказали. Я обратилась через некоторое время в штаб армии, умоляла их о помощи, они сказали, что вмешиваться не могут. Пытка ожиданием продолжалась. Около 10-ти, может, 11 часов вечера (не помню точно) нам сказали, что в квартире находится следственная группа. Я оставила сестру в машине, поднялась в дом. Просила, умоляла показать мне родных, но меня не пустили в квартиру, говорили: «Увидишь их в морге». И добавили, что дело об убийстве будет вести прокурор Байрамов. Я не ушла из подъезда, поднялась на пролет вверх и там стояла. Когда вынесли два завернутых тела и квартира опустела, я пробралась туда, где еще недавно был теплый родительский дом. В столовой на полу валялись залитые кровью матрас и подушка, диван был в крови, мне сказали, что на нем убили маму. Я бросилась в комнату дедушки. Он лежал на своей кровати: стена над ней была вся в крови, дедушку не узнать: почти голое тело было все в ранах, голова раздроблена («вояки» с парализованными постарались,—И. М., А. О.). Меня увели из комнаты, сказав, что за все это я должна благодарить Вазгена. Их увезли, как сказали мне, в морг больницы Семашко. Больше мы ничего не смогли узнать. Когда мы выезжали оттуда, то у дома, где универмаг «Бақы», на улице увидели трупы Марии Тиграновны, старейшего гинеколога, пенсионерки, а также старика, мамино соседа с I этажа—Айка.

На этом злоключения сестер не кончились. 14 января ворвались и в квартиру Ирины на «8 километре». Во время тотального грабежа знакомым удалось вывести их в отделение милиции, а оттуда на паром. Заведующая лабораторией института «Азгоспромпроект» Шушаник Саакова из квартиры 102 соседнего дома 26/32 на фоне трагедии этой семьи, можно сказать, совсем не пострадала—лишилась только квартиры и имущества: «заботливые» народнофронтовцы пришли за ней и отправили женщину на паром. Что помогло ей? Близкое соседство с квартирой М. Мамедова—тогдашнего I секретаря Бакинского горкома партии? Он хоть и успел получить новую в более престижном доме для партийной верхушки, но из этой четырехкомнатной квартиры, обжитой и оставленной сыну, не торопился переезжать.

Профессора и академики, цвет науки, культуры нации, тот же Максуд Ибрагимбеков, который незадолго до резни, о чем мы уже писали, произносил лицемерные речи пе-

ред своими собратьями по перу в Москве,—все они, жители этого дома,—ничего не видели и не слышали? Не могли они, или не хотели заступиться за армян? На эти вопросы предоставим возможность им отвечать перед своей совестью до конца жизни. Знаем одно: такое тотальное предательство не может пройти бесследно. Ни для кого. И не надо при этом искать причины убийств в Нагорном Карабахе. Гинеколог Мария Тиграновна, умелые добрые руки которой приняли сотни, тысячи азербайджанских детей, не имела никакого отношения к данной проблеме, но ее труп, неизвестно где и кем впоследствии похороненный, несколько часов валялся на улице перед универмагом «Бақы». А когда она, еще живая, летела из своего окна, ее крик тоже не слышали соседи? Ничего о погромах, естественно, не знала и живущая в этом доме многолетний редактор журнала «Азербайджан гадыны» («Азербайджанская женщина») Халида Хасилова. А если и знала, то могла ли столь незначительная акция, как истребление ненавистных армян, оторвать от письменного стола плодovitую детскую писательницу, затеявшую долгий и нудный спор с автором передачи «Позиция» Генрихом Боровиком?

На соседней улице Низами бандиты разбойничали еще в декабре. Тогда разгромили армянские квартиры в доме рядом с кинотеатром «Билик» («Знание»). Безнаказанность и вседозволенность объяснялись близостью с главным штабом народного фронта. Орды могли под мусаватским флагом вершить любую расправу.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном совете. 1919 год.

На улице Низами (бывшей Торговой) до резни 1918 года жила 971 семья из 4196 человек. 1442 человек бежало, осталось 2754 жителей. Из них 142 убиты, 93 исчезли, 86 взяты в плен, 66 умерли. Пострадало 9,22 проц. армян-жителей этой улицы, или 15,77 проц. тех, кто остался в городе.

Первый погром во дворе дома 77, по улице Низами произошел 11 января, около часу дня. Слово в униформу, погромщики были одеты в черные свитеры и черные плащи. В квартиру к Анне Даниэлян ворвались с диким воплем:

—Армянка?

Не ждали ответа, ибо, во-первых, прекрасно его знали, а во-вторых, увидели упакованные коробки. Их споро-висто стали выносить, старую мебель крушить тем, что было в руках. Смеясь, посоветовали одному из них хоть пару раз ударить армянку, что тот и сделал, пнув женщину ногой. Через полчаса ворвалась другая группа, которая продолжила погром и выносила домашние вещи во двор для дальнейшего разграбления. Погромы продолжались еще два дня. Характерно, что во время посадки на паром среди осуществляющих ее представителей народного фронта Анна Рафаеловна узнала одного из погромщиков, того, кто ударил ее, поваленную на пол, ногой.

Избежала избиения ее соседка по дому из квартиры 67, педагог музыки в школе искусств №1 Инна Авакимова вместе со своими родителями—Михаилом Атанесовичем и Ларисой Михайловной только лишь потому, что они успели до погрома своей квартиры 14 января убежать из нее и спрятаться у знакомых, которые доставили их затем в отделение милиции и оттуда на паром.

Также «благополучно» сложилась судьба изгнанной из дома и полностью обобранной Тамары Халаповой, вахтера школы 160. В ее квартиру I, по улице Низами, 91 пришли 14 января человек пять—представители народного фронта и милиция, и велели немедленно одеться и выходить, не разрешив, естественно, ничего взять с собой. Ключи от квартиры отобрали, посадили в автобус, отвезли в кинотеатр «Шафаг», оттуда на паром.

—Не били, не били,—почти с радостью лихорадочно повторяет Тамара Арменаковна. Потом глаза наполнились слезами:

—Мне книги жаль: собрала небольшую библиотеку, но в ней были очень редкие издания. Вы читали «Венчание русских царей»? И мебель старинная—XIX века.

Спрашивается, до какой моральной растоптанности надо довести человека, чтобы он радовался тому, что его среди бела дня в собственной квартире на центральной улице столицы республики не били?

Наверное, Люся Салаянц из квартиры 24 соседнего дома 94 на противоположной стороне улицы посчитает сей вопрос риторически-дилетантским. Ее били по рукам и топтали ногами. Их было 40—50 молодчиков, ворвавшихся в квартиру, где она родилась и жила всю свою жизнь. Свыше 20 лет после окончания университета она работала

экономистом на различных промышленных предприятиях города, из них последние восемь месяцев в планово-экономическом отделе машиностроительного завода им. Му-сабекова. Ей угрожали и до этого, она жаловалась и в ЖЭУ-4, начальнику, и в ОВД района им. 26 бакинских комиссаров. Реакции никакой, зато однозначно категорическими были советы: «Уезжайте, уезжайте, ждете, когда убьют?»

Сейчас Люся Бейбутовна с ужасом в глазах спрашивает:

—Каково было бы моему отцу Бейбуту Петросовичу, профессиональному революционеру, умершему в 1949 году, знать, как с его дочерью поступил народ, которому он отдал лучшие годы своей жизни?

Нам остается добавить, что годы жизни, знания, опыт отдала соседнему народу и она сама, и сотни тысяч других бакинских армян. А что касается отца, то как ни жестоко, даже кощунственно звучит с нашей стороны подобное утверждение, но хорошо, что он успел вовремя умереть и не видеть всего того, что довелось видеть тем, кто остался жить. О них, ветеранах войны, партии, труда, о профессиональных революционерах мы рассказывали раньше и расскажем в дальнейшем.

Один из них Арам Крикоров из квартиры 42, дома 121. На завод им. Воровского он пришел двенадцатилетним мальчишкой в мае 1938 года, стал сталеваром и проработал на нем свыше полвека до увольнения, как принято теперь говорить, по национальному признаку, в октябре 1989 года. Перерыв в трудовом стаже составила война. На фронте он был с июня 1942 по январь 1944 года, когда после четвертого тяжелого ранения инвалидом II группы вернулся вновь на предприятие. Здесь в 1946 году женился. И жену Евгению также уволили после 36 лет работы на заводе. 20 лет трудового стажа на заводе «Азэлектротерм» было у их дочери, депутата Баксовета. Простой подсчет показывает: только одна лишь эта семья из трех человек имела трудовой стаж 106 лет. Кого из тех представителей народного фронта, кто заставлял армян писать заявления, этот факт особенно интересовал? Они жестоко избивали всех отказывающихся увольняться.

15 января в час дня погромщики по-хозяйски стучали в квартиру на пятом этаже. Послушаем Арама Аллахвердиевича:

—Соседи по блоку, я слышал, просили их не ломать

дверь, говоря, что там живут двое пожилых людей, которые сами вечером уйдут. Это не имело результата. Однако погромщики обещали соседям, что если мы откроем дверь и пойдем с ними, то они нас не тронут. Тогда соседи передали нам об уговоре, и мы открыли дверь. На площадке стояли человек 15. Они потребовали, чтобы я с женой последовали за ними к месту сбора заложников. С собой взяты ничего не разрешили. Отобрали ключи и отвезли в штаб народного фронта. По дороге, в машине сняли с меня теплый финский плащ, кашне, шляпу, из кармана пиджака вытащили 100 рублей, с головы жены сорвали японский шарф. Около штаба человек с бородой, обликом похожий на мусульманского священнослужителя, выругал нас и посоветовал своим боевым соратникам отвезти к Волчьим воротам⁸⁸, раздеть и избить. Наши мучители его совету не последовали, может, торопились, ведь их ждала неплохая добыча в оставленной нами квартире. Они отвезли нас в 8-ое отделение милиции, оттуда через дорогу отправили в «Шафаг». При погрузке на паром была страшнейшая давка. Как я и предполагал, а позднее узнал точно, эти люди, действительно, спешили обратно. Вернувшись и открыв дверь, они пировали в квартире всю ночь. А утром подогнали машины и стали выносить из квартиры вещи. Рассказывают, что погрузка шла до вечера. Когда все завершилось, в квартиру вселился наш сосед—работник милиции.

На проспекте Кирова традиционно проживало много армян. Во время Г. Алиева его усилиями они стали расселяться в отдаленные новые жилые массивы под видом благоустройства города и сноса одно-и двухэтажных домов, как выразился один высокопоставленный чиновник в период красноречивых (для республики) семидесятых годов—армянских клоповников. Это мерзкое словосочетание передавалось из уст в уста, вызывало смех и дружное согласие всех власть предержащих. Как бы там ни было, но сносились дома, и на их месте разбивались скверы. Вместо квартир высаживались кусты роз, которые, правда, если где и привились, то на дачах некоторых руководителей, попутно завезенных туда. Специально для широкомасштабных политических акций-торжеств, где Г. Алиев мог покрасоваться в анфас и профиль, на проспекте Кирова выстроили Дворец им. В. И. Ленина. Напротив разбили на целый квартал—до ул. лейт. Шмидта сквер с фонтанами. Люди выехали на окраины.

И все-таки оставались на проспекте дворы, где продолжали компактно проживать армянские семьи. Одним из таких был дом №28. Об этом прекрасно знали люди со значками народного фронта на одежде. И совершали во двор периодические набеги, оканчивающиеся желаемым для них результатом. В конце ноября они полностью разгромили квартиру Ирины Осиповой, 19 декабря их объектом стали Григоряны. Погром сопровождался убийством главы семьи—Хачатура, жестоким избиением его жены Ларисы. Все это видела, прячась у соседней Седа Папикян, занимающая в этом доме квартиру 21. Почти 40 лет она работала заведующей протокольной частью в Азерботребсоюзе «Азериттифака». В январе 1987 года ее пригласил помощник председателя правления Т. Оруджева (ныне секретарь ЦК КП Азербайджана) и предложил по его поручению перейти на пенсию. На ее робкие возражения и твердые заверения в здоровье, желании и умении работать, наконец, профессиональном опыте, был категорический ответ:

—Здесь, на этой должности, должен работать азербайджанец.

Но это было начало 1987 года. Прошло три года, и 14 января без всяких заявлений, подписей, долгих переговоров Седа Минасовна была изгнана из своего дома. Это уже были не прямые, а косвенные выученики секретаря ЦК, ближайшего соратника Г. Алиева.

Не удалось ей скрыться и у брата Георгия Папикяна, заведующего отделом РВЦ Госагропрома. В этот день бандиты ломались в дверь его квартиры 9, по Московскому проспекту, 64. Дом когда-то принадлежал военному ведомству, и в нем жили бывшие офицеры, их семьи, русские военнослужащие. Соседи позвонили в райком партии и милицию. Решающим стал факт соседства с секретарем райкома партии, который, надо отдать ему должное, приехал с нарядом милиции и несколькими работниками аппарата и вывел семью из квартиры, в чем они были, на паром. Таким образом, была сохранена жизнь.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном совете. 1919 год.

На проспекте Кирова (бывшей Большой Морской) до резни 1918 года жили 791 армянская семья из 2807 человек. 1082 человека бежали, остались 1725 жителей.

Из них 126 убиты, 79 исчезли, 51 взят в плен, 111 умерли. Пострадало 13,07 проц. армян-жителей этой улицы, 21,27 проц. тех, кто остался в городе.

Швея фабрики детских игрушек из квартиры 14, по проспекту Кирова, 57, Карина Балаянц с ребенком была выдворена из дома ворвавшимися к ней представителями народного фронта, которые под видом поиска оружия начали грабеж, а женщине объявили, что отрежут голову ей и ребенку и пошлют Вазгену, если она сейчас же не уберется. Карина Георгиевна успела поехать к отцу, откуда они уже втроем были 16 января взяты погромщиками в качестве заложников в штаб народного фронта в 8-м микрорайоне. Их держали сутки, потом отправили на паром.

Воспитательницей в детском саду КГБ Азербайджана работала Нелли Мадатова. В ее квартиру 30, по улице Самеда Вургуня, 22, позвонили по телефону в половине пятого вечера 14 января. Мужской голос с возмущением спросил, почему она до сих пор не убралась из города.

— Не уйдешь из города, предупреждаем, — продолжал бандит, — придем вечером, бросим в костер.

Нелли Вартановна позвонила в дежурную часть Насиминского РОВД. Человек, отказавшийся назвать свою фамилию, должность, грубо прервал ее жалобы:

— Уезжайте, уезжайте, мы вас не можем охранять.

Ей удалось добраться до военного корабля, на котором она вместе с другими, невесть каким образом туда собравшимися армянами, выехала в Красноводск.

Также была выдворена из своей квартиры 41, по улице Самеда Вургуня, 49, престарелая мать Валерия Степаяна.

В 3 часа дня 13 января ворвались бандиты в квартиру 28, по улице Первомайской, 243. Избили Владимира и Ирину Айрапетовых, потребовали денег и золота. Сняли с них одежду и выгнали супругов из дома. Когда Ирина попыталась обратиться за помощью в Насиминский РОВД, то услышала прямо в лицо без стеснения брошенное: «Грязная ты армянка, скажи спасибо, что тебя не убили».

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном совете. 1919 год.

На улице Первомайской (бывшей Сураханской) до резни 1918 года жили 202 армянские семьи из 758 человек. 179 человек бежали, осталось 579 жителей. Из

них 105 убиты, 27 исчезли, 26 взяты в плен, 2 умерли. Пострадало 21,10 проц. жителей этой улицы, 27,63 проц. тех, кто остался в городе.

82-летний пенсионер, житель квартиры 70, дома 251 на этой улице Арарат Осипов, естественно, не знал эти цифры. Но он инстинктивно чувствовал опасность. По городу бродили агрессивные настроенные бездельники, которые цепким взглядом безошибочно вычисляли армянина. Собственно, в него и не надо было особенно вглядываться, чтобы признать в нем армянина. Арарата еще в октябре в трамвае избили четверо молодых людей. Он тогда написал безответные жалобы Председателю Президиума Верховного Совета республики, в газету «Вышка». Врач, обрабатывая ему рану в больнице, спокойно приговаривала:

— Все правильно. Так и должно быть. Вы нас там, мы вас — тут.

Надо было уехать. Но как? Им с женой Анной Габриэлян (мы о ней писали, она скончалась в больнице «Эребуни») было трудно собрать свое нехитое имущество. Кроме того, в той ажиотажной ситуации у них потребовали за два контейнера 1550 рублей. Откуда у пенсионеров такие деньги?

К ним ворвались 13 января вечером человек 30 и стали избивать, приговаривая: «Смерть армянам!». Потребовали ценности и стали бить еще злее, когда увидели, что их нет. Первая группа убежала, их кто-то позвал снизу. Через некоторое время пришли другие. Старики продолжали сидеть в разгромленной квартире, потом Арарат решил пойти в милицию. По дороге встретил представителей народного фронта, сказал, что дома побитая жена. Те отвели их в штаб. Там уже было около 400 человек, Анна Григорьевна мучилась, во время побоев ей разбили зубной протез.

— На пароме хоть не били, — поделился своими впечатлениями после всего перенесенного Арарат Мирзоевич.

Что ж, этот рейс оказался счастливым исключением. Или, быть может, занятый своей умирающей женой, он просто не воспринимал ничего кругом?

На улице Гоголя, в центре города, скромно и тихо жила со своим прикованным к постели 78-летним контуженным братом, инвалидом войны, Арусяк Аракелян. За плечами десятилетия педагогического подвижничества, сотни воспитанников с уже сложившейся судьбой, известных в республике людей. Имя одного из них знали не только в

стране, но и в мире. После своего первого полета космонавт В. Жолобов писал учительнице: «И если я взлетел в космос и вернулся назад, в этом и Ваша, Арусаяк Андреевна, заслуга». Погром в квартире, избиение, затем «Шафаг», паром. Вот хроника последних дней старой учительницы и ее инвалида-брата. Умерла. Нет ее. Пусть запишут себе в актив и эту смерть подзащитные азербайджанской интеллигенции, вещающей миру о гуманистических традициях своего народа.

На 19 января перенес нарсуд Октябрьского района слушание дела по поводу захвата квартиры матери Рафаила Ефимовича Галтерника—Елены Николаевны с соседом Мамедовым Ш. Р. (в коммунальной квартире 12, по улице Азизбекова, 17, жили Галтерник, Ашраф-заде, Мамедов). После смерти мужа Елена Николаевна часто бывала у сына. Основопологающим фактором захвата стало армянское происхождение Елены Николаевны, и откладывание судебного разбирательства тоже вполне понятно. Надо сказать, что квартира была захвачена со всем принадлежавшим семье Галтерник-Захарян имуществом.

Другую, полярную роль играли соседи в погроме квартиры сестры Елены Николаевны. Она жила на соседней улице Шихали Курбанова—дом 2/15, блок I, квартира 1. И после погрома они принесли Татьяне Николаевне три (!) ее пальто и платье, случайно оставленные погромщиками в комнате, где они не могли включить свет. Пока Рафаил Ефимович занимался мамой и тетей, в его квартире 7, по улице Дмитрова, 92, 14 января в 7 часов вечера начался погром. Его жена—Галина Саркисова до увольнения 1 декабря—заместитель директора по учебной части детской музыкальной школы №15, пряталась в квартире соседки А. Хайкиной. 9—10 января к ним уже приходили двое мужчин из Армении с предложением обмена квартиры и одновременным предупреждением—угрозой: «потом поздно будет!» Эти люди хорошо знали, что говорили: пройдет всего каких-либо два-три дня, и Галина Саркисова потеряет все.

На этой же улице Дмитрова, только в доме 69, в квартире 16, жила пенсионерка, 63-летняя Тамара Арутюнова. К ней 13 января в половине 7 вечера ворвались человек 30 вооруженных пистолетами, ножами, прутьями дикарей, загнали ее в угол, грозились убить, требуя деньги. Разозленные отсутствием наживы, ударили грузинским рогом (давний подарок, затерянный в недрах буфета) в левый глаз. Судмедэкспертиза в Армении впоследствии определила травмы на ноге, ушибы на теле. Разграбили всю квар-

тиру. До Насиминского РОВД Тамара Баградовна дозвонилась лишь в 3 часа ночи. Там ответили: «Хорошо еще, что живая осталась».

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном совете. 1919 год.

На улице Дмитрова (бывшей Бондарной) до резни 1918 года жили 274 армянские семьи из 1153 человек. 429 человек бежало, осталось 724 жителей. Из них 81 убит, 34 исчезли, 43 взяты в плен, 5 умерли. Пострадало 14,13 проц. армян-жителей этой улицы, или 22,51 проц. тех, кто остался в городе.

Буквально двумя строчками можно коротко обозначить случившееся с Зоей Цатурян. Все происходило банально, по весьма традиционной схеме. В квартиру 60, по улице Мамедалиева, 4, где жила ее свекровь, ворвались, все разграбили. Милиция забрала старую женщину. Зоя долго искала свою свекровь. Нам хочется надеяться, что нашла. Также коротка история Анны Тер-Захарян. Ее буквально выпроводили (бережно и под охраной) из собственной, прекрасно обставленной и благоустроенной квартиры в кооперативном доме на улице Басина (между улицами Самеда Вургуна и Гоголя). Дверь сломать не смогли, влезли в квартиру с балкона другого этажа. Через соседней. Участковый, взяв (вежливо!) ключи, торопил женщину в «Шафаг», не дал ей взять ничего с собой, обещая:—Завтра я тебя приведу домой. Ничего не бойся. Лично буду охранять твою квартиру.

Их было несколько человек. Они не только ее доставили в кинотеатр, но и позаботились о том, чтобы не было никакой задержки с отправкой на паром. Люди, избитые, часами, сутками маялись в этом закрытом, непроветриваемом, переполненном помещении. Анна же оказалась на пароме почти мгновенно. Доставившим ее туда не терпелось стать владельцами всех красивых, необычных вещей (там были и уникальные), приобретенных большей частью в зарубежных поездках. Позже ее начальник скажет в Москве своим коллегам:

—Лично против нее я ничего не имею. Она хороший работник. Но армяне, вообще...

Мы не называем организации, потому, что головное

ее учреждение находится в Москве, в силу чего Анна так и не была уволена из бакинского отделения. Сейчас она работает в этой же системе в столице, с временной пропиской в квартире сестры. И производственная характеристика-аттестация бывшего начальника имела значение в приеме Тер-Захарян туда.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном совете. 1919 год.

На улице Басина (бывшей Балаханской) до резни 1918 года жили 1201 армянские семьи из 4630 человек. 1844 человек бежало, осталось 2786 жителей. Из них 210 убиты, 194 исчезли, 388 взяты в плен, 103 умерли. Пострадало 19,33 проц. армян-жителей этой улицы, или 32,12 проц. тех, кто остался в городе.

По этой улице проходила в середине XIX века северная граница восточной части Баку. Город только начал застраиваться. В частности, в своей северной части, получившей устойчивое, на десятилетия—название «Арменикенд», где в то время, как вспоминает Б. Бутник-Сиверский «кроме виноградников и бахчей ничего не было». Армяне по сути возвели эту часть города, здесь жили, торговали в открытых лавках. Улицы были названы Канны-тепинскими (впоследствии они получили название Свердловских, затем вновь переименованы). Многие дворы этого жилого массива, особенно, на улице Свердловской, у железнодорожного вокзала, так и остались, десятилетия спустя, местом компактного проживания армян. Характерным в этом смысле был дом 213. О том, что дом заселен—в основном, армянами, погромщики знали прекрасно. И не имело никакого для них значения, что 8-ое отделение милиции Насиминского района Баку находится буквально в двухстах метрах от него, что в квартире 29 жил сотрудник этого отделения, майор милиции Абдуллаев. Наоборот, таким молчаливым соседством безнаказанность подогревалась. Налеты начались в середине декабря. Вначале по наивности жители пытались искать защиты в правоохранительных органах. Звонили даже в МВД СССР—14, 18, 19 декабря. Молчала Москва: кого-то очень устраивал именно такой разворот событий.

Безнаказанность торжествовала. 21 декабря в момент погрузки имущества в контейнеры во двор ворвалась толпа в 200—300 человек, вооруженная ножами, прутьями, огнестрельным оружием. Собственно, об этом достовернее расскажут жительницы квартир 31 и 39 К. Сирунян и С. Межлумян.

—В закрытых и оставленных армянами квартирах нашего бывшего дома уже давно проживали азербайджанцы, в том числе, сотрудник милиции на I этаже. Эти люди заранее уведомили и позвали толпу специально к вывозу контейнера. Вначале бандиты перестреляли и перекололи скаты контейнеровоза, потом вскрыли контейнеры. Шофер и русские грузчики, испугавшись, убежали. Были унесены все вещи в коробках, а то, что на взгляд погромщиков, не представляло интереса (в частности, книги!), было сожжено, разорвано, перебито. Свидетели, соседи, боясь расправы, не предприняли никаких действий, чтобы остановить грабителей. Далее раздался призыв убить армян, которые осмелились (!) вывозить из города вещи. Удалось спрятаться. И прятались мы не только от бушующей толпы, но и от тех азербайджанцев, что заняли армянские квартиры в доме. Милиция появилась тогда, когда грабеж был в самом разгаре. Но это никак не повлияло на ход событий. Мимо молчаливых наблюдателей в милицейской форме грабители спокойно, даже демонстративно носили вещи.

Через несколько дней двум женщинам—одной 25 декабря, другой—31 декабря в аэропорту пришлось при регистрации рейса Баку—Ереван стать жертвами форменного разбоя, учиненного среди бела дня представителями народного фронта. Пассажиров избивали, вещи у них отнимали, работники аэропорта также участвовали при вскрытии узлов и коробок, повальной конфискации всего понравившегося с однозначной мотивировкой действий, что все это является собственностью Азербайджана.

С помощью свидетельства Людмилы Аветисовой, ранее проживавшей в квартире 16, дома 166, мы имеем возможность еще раз вернуться на улицу Свердловскую. Ее, инженера института «Дорпроект» при Управлении железной дороги, уволили с работы. Настоящие же мучения, что сродни самой изощренной пытке, начались еще в октябре 1988 года, когда Сейран Тагиев купил у соседей квартиру, отделенную от ее собственной стенкой. Вначале он вежливо просил продать комнату. Тогда еще можно было наив-

но на что-то надеяться, и Людмила Яковлевна не без вызова отвечала настырному соседу, что не собирается никуда ехать. В Баку еще был комендантский час, пока не пришло время тотального исполнения намеченной программы. 25 декабря сосед начал проявлять «бойцовские» качества: отрезал водяную трубу, поломал стекла. Звонки в милицию, МВД, КГБ ничего не дали. По одному из телефонов отвечали: «нечего удивляться, в Армении делают тоже самое»⁸⁹. 14 января Тагиев явился к соседям с двумя милиционерами. Пьяные мужчины приказали женщинам идти в милицию, а оттуда на паром. В ответ на отказ он в ультимативной форме запретил соседке приносить хлеб Аветисовым:

— Пусть сдохнут с голоду. Ничего, все равно скоро уйдут отсюда. Мы их голыми выпустим. Ничего с собой не возьмут.

Тагиев оказался пророком. Остается только добавить, что адрес сего фашиствующего оракула — проспект Ленина 32, кв. 14 (дом имеет выход не только на Свердловскую улицу. В центре Баку немало подобных жилых зданий с двойным, а иногда и тройным адресом).

Не стали вспоминать в милиции Армению, когда в ответ на просьбу о помощи и спасении, предложили Наталье Мелкумовой, бывшему бухгалтеру фабрики индпошива и ремонта одежды №1, занимающей квартиру 10, по улице Азизбекова, 19 немедленно убираться:

— Хватит, 70 лет ела наш хлеб. Убирайся!

Номер телефона Насиминского РОВД 96—02—02 в кровавые дни хронически не отвечал. Можно, конечно, предположить, что работники отдела были очень заняты оказанием активно-заинтересованной помощи грабителям, но ведь в этом правоохранительном учреждении и в обычные дни полагается быть у телефона дежурному, а тем более — в экстремальной ситуации. Безрезультатно набирала этот и другие аналогичные номера Ирина Мелкумова. Она родилась в Баку и получила высшее медицинское образование. Работала в военном госпитале, что в будущем спасло жизнь ей, мужу Сергею, дочери Татьяне и внучке Камилле. Семья укрылась в военном городке Сальянских казарм. О том, что там творилось, писали газеты, в том числе, центральная пресса, достаточно. В ее квартире 7, по улице Ази Асланова, 115, погром начался 13 января, около 5 часов вечера и продолжался в течение нескольких дней. Одна группа грабителей сменяла другую. А телефон милиции молчал. Да и что по нему в случае ответа могла услы-

шать Ирина Ивановна?

О себе, своем бывшем доме 234, по ул. М. А. Алиева, где он жил в квартире 27, рассказывает нам персональный пенсионер республиканского (заметьте, Азербайджанской ССР) значения, заслуженный строитель этой республики Николай Исаханов. Он не только участвовал в строительстве многих объектов в Баку, в частности, клуба им. Дзержинского, но и в свое время был послан главком руководить строительством морского порта в городе Шевченко. Не смогла защитить республика честь и достоинство заслуженного человека, отдавшего ей знания, опыт, лучшие годы добросовестного труда. При попытке поехать в Ростов, на железнодорожном вокзале, о бесчинствах в котором мы писали в начале главы, на него напали, окружили, избили, отняли 900 рублей, кольца, четыре чемодана:

— Один из бандитов (нас окружили примерно 20 человек) направил на меня пистолет марки Коровина, — вспоминает Николай Ефремович, — под дулом пистолета меня обыскали, били, потом раздели и обыскали жену. Ей одежду не вернули, сделали костер из вещей, а нас отвезли в «Шафаг» и держали там двое суток без еды и питья, затем повезли в морской порт. На пароме от побоев умерли две женщины. У одной, 86-лет вместо лица было кровавое месиво. Она стонала и плакала. Рядом валялась ее избитая дочь, которая не могла даже пошевелиться, чтобы подняться и помочь матери. То, что я видел в «Шафаге» и на пароме, не видел никогда!

Николай Ефремович замолкает. Через минуту-другую продолжает свой скорбный рассказ:

— В нашем доме, на первом этаже, жила семья Арустамовых. К ним стучали человек 20, не могли разбить железную дверь. Тогда применили хитрость: привели с собой главного инженера ЖЭУ, — не помню его фамилию, знаю, что зовут Ибрагимом, который кричал в запертую дверь:

— Не бойтесь, откройте, с вами ничего не случится.

Дверь открыли. Толпа избила Ашота Лазаревича до полусмерти. Он был зубным врачом, они искали деньги, золото, драгоценности. Его супругу раздели и выбросили во двор голой. Это видели соседи Хадиджа Зейналова, Тарана Курбанова, Ариф Мамедов, музыкант Автандил. Не знаю только согласятся ли они подтвердить это? Вряд ли. Побоятся, конечно.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном

совете, 1919 год.

На улице Мирза Ага Алиева (бывшей Чадровой) до резни 1918 года жили 153 армянские семьи из 508 человек. 158 человек бежало, осталось 350 жителей. Из них 153 убиты, 38 исчезли, 12 взяты в плен, 9 — умерли. Пострадало 41,73 проц. армян-жителей этой улицы, или 60,57 проц. тех, кто остался в городе.

Недавнее сообщение Центральной Контрольной Комиссии КПСС о бюджете партии в первом полугодии 1990 года⁽⁹⁾, в частности, об уменьшении на 55 миллионов рублей в сравнении с соответствующим периодом прошлого года доходов по всем источникам поступлений, заставило нас вновь вспомнить о Н. Исаханове. Ведь ветерана партии с 62-летним стажем, партийный билет которого со словами «он тебе больше не нужен» порвали азербайджанские вандалы, никак не защитила КПСС. Можно было бы и не остановить свое внимание на таком факте на фоне массовых насилий. Но ведь он был не единичным. В нашем списке опрошенных много аналогичных случаев. И если основной причиной осложнившегося финансового положения партии является неуплата членских взносов, то их какая-то часть, пусть и небольшая, заключена в сожженных, порванных, отнятых партийных билетах бакинских армян, среди которых есть (и немало!) таких, что вступили в КПСС десятилетия назад. Сказала ли партия свое слово по этому поводу? Каждому хорошо известен отрицательный ответ на этот по сути дела риторический вопрос.

В квартиру 10, по улице Видади, 105, к Сергею Акопяну ворвались 12 января. С криками: «Долой армян!», «Ни одного армянина в Баку!» выносили вещи. Сергея Рубеновича спасло его отсутствие в собственном доме. Грабители были очень воинственно настроены.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском совете, 1919 год.

На улице Видади (бывшей Церковной) до резни 1918 года жили 60 армянских семей из 208 человек. 91 человек бежал, осталось 117 жителей, из них 17 убиты, 3 исчезли, 2 взяты в плен, 7 умерли. Пострадало 13,94 проц. армян-жителей этой улицы, или 24,79 проц. тех, кто остался в городе.

На улице Розы Люксембург, 19, в квартире 21, жил водитель Шаумянского автоэксплуатационного треста Рачик Тер-Симонян. Его сын Сергей устроился работать наладчиком в Ленинграде, а жена сына Лола жила пока в Баку. Участковый Айдын, чей пункт находился в том же доме, навещался к ним с требованием уехать и оставить ему для присмотра квартиру.

Часто приходил звонить сосед Акпер Рустамов из квартиры 16 под видом того, что у него не работал телефон. Его и другого соседа с 9-го этажа Сардара Велиева Рачик Бахшиевич считает основными наводчиками погромщиков на свою квартиру. 14 человек ворвались к ним и избili обоих. Невестку спустили на улицу и увели. Когда он звонил в Баку, то соседка Мая Акперова сказала, что Лола находится в больнице Семашко в тяжелом состоянии, с сотрясением мозга. Нам, к сожалению, неизвестна ее дальнейшая судьба.

В центре Баку, да, пожалуй, и во всем городе рисунок армянских погромов особенно четко обозначился на проспекте Ленина. Эту магистраль, берущую начало у моря, на одноименной площади, можно считать самой криминогенной в период подготовки и осуществления преступной акции. Буквально каждый ее участок стал автономной зоной повышенного внимания. Характерно, что здесь опасно соседствовали как объекты беды, насилия, так и центры средоточия не только вдохновителей, организаторов событий, но и их исполнителей. На этой улице безнаказанно и беспрепятственно вершилось зло, на которое, видимо, из окон своих квартир или офисов смотрели руководители разных рангов.

С площади Ленина, чуткого барометра всех событий, раздавались самые боевые кличи. Она и родила новых национальных героев. На ней ни разу перед многотысячной толпой не появился Везиров, зато двух поднятых пальцев полуграмотного Неймата Панахова было достаточно, чтобы освистать и согнать с трибуны академиком П. Азизбекову, З. Буниятова и многих других, отважившихся говорить лицом к лицу с собственным народом. С экранов телевизоров было куда безопаснее выступать. Каждый день, по нескольку часов здесь слушали традиционные призывы к борьбе ораторов, значительная часть которых представляла цвет азербайджанской интеллигенции. И хотя никто из них не получил у людей на площади такого высокого,

как Панахов политического рейтинга, тема нагнетания антиармянской истерии однозначно главенствовала. Здесь родилась провокация с Топханой, отсюда брали начало списки руководителей республики с армянскими матерями, женами, любовницами, просто армян, занимающих какие-либо должностные ступеньки республиканского, городского или районного масштаба, а также призывы выгонять их с работы, занимать пустующие из-за временного отъезда квартиры. Потом посыпались как из рога изобилия адреса квартир, вовсе не пустующих, зато армянских.

Страсти подогревали наркотики, деньги, машины с продуктами—посланцы всех сельских районов республики. Отсюда шли ультиматумы правительству, народным депутатам СССР от республики. А из окон давно парализованных министерств и ведомств, расположенных в Доме правительства, внимательно следили за происходящим члены и кандидаты в члены ЦК КП Азербайджана, депутаты Верховного Совета республики. Рассказывают, что лишь молодой Р. Фейзуллаев, заместитель, а потом и министр народного образования, не боялся спускаться в народ и проводить часы на площади. Впрочем, быть может, это всего лишь самореклама очень энергичной, самолюбивой личности, способной ловко маневрировать при столь разных министрах, как Курбан Алиев и Муслим Мамедов, а также руководителях республики, как Багиров, Везиров, Муталибов.

Жены, дети, домработницы высокопоставленных (бывших и настоящих), жителей домов по ул. Узеира Гаджибекова, на ее отрезке от проспекта Ленина и почти до улицы Рихарда Зорге, превратили окна своих квартир с видеозалы с непрерывным показом лент. Кооперативный дом писателей оказался самой выгодной видеоточкой, и инженеры человеческих душ получили полную возможность видеть растущую от митинга к митингу боевитость орущей толпы, умело, всеми доступными средствами подогревать ее. Злоба, агрессия, ненависть, любовно лелеемые, не могли не перелиться через край. Еще задолго до официального начала погромов им нужен был выход. И он находился.

Как раз на проспекте Ленина, на пересечении с улицей Хагани объявился такой раздражитель—школа № 160 района имени 26 бакинских комиссаров. Одно из лучших средних учебных заведений города, которое с успехом закончили дети высокопоставленных чиновников не только близлежащих домов.

Лакированное стадо лимузинов с правительственными номерами стало неотъемлемым интерьером этого отрезка проспекта. И тем не менее ни один из их седоков не смог спасти от беды директора школы, заслуженного учителя республики И. Хаханову, других высокопрофессиональных специалистов своего педагогического дела, учителей-армян, работавших там. Их всех заставили уволиться. Ученики возвращались домой после первых уроков и на вопросы домашних называли очередные имена очередных жертв, изгнанных по национальному признаку с работы.

Знакомые матери учеников при встрече с одной из нас в растерянности не раз говорили: «Жаль, хорошая женщина была, добрая, все понимала, и учительница хорошая. Дочка (сын) с удовольствием учил ее предмет». Что ж, настал черед радоваться народным писателям и поэтам, сетовавшим с телеэкранов по поводу засилья учителей-армян в центральных школах города: теперь азербайджанские дети были навсегда ограждены от «нечисти и порчи».

Площадь у железнодорожного вокзала давно стала постоянным местом сбора агрессивных, воинственных людей, готовых в любую минуту узнать армянина, погнаться за ним и растоптать его. Это тоже, увы, было хорошо забытой, но стихийно восстановленной бакинскими новопришельцами традицией.

90-летняя Елена Хосрововна Ванецян, жившая вместе с дочерью Джульетой, бывшим преподавателем школы 82 Наримановского района, на проспекте Нариманова (377 квартал, дом 87, квартира 335а) вспоминает, как в 1918-году именно на этом привокзальном пятачке в штабелях трупов искала останки отца. (Еще в ее памяти сохранилась картина виселиц на площади, впоследствии, по иронии судьбы названной именем Свободы... Свободы по-бакински). Спустя десятилетия, здесь расправлялись с армянами, пытавшимися выехать из города или выходящими из станции метро «28 Апреля», ждущими маршрутное такси или автобус, со знанием дела и особой сноровкой.

Рассказами жертв погромов в кинотеатре «Шафак» пестрят страницы нашего повествования. Что можно к ним добавить? Разве что это здание на проспекте имени вожда первого в мире социалистического государства станет навсегда горестным символом морального уничтожения сотен безвинных людей. Напротив кинотеатра—8-е отделение милиции Насиминского района. Сколько жутких часов издевательств, насмешек, побоев пережито в его стенах? И, наконец, несколько слов о доме 161, где у самого въезда

в 8-й микрорайон (о бесчинствах в котором речь впереди) разместился институт истории партии при ЦК КП Азербайджана. О доме-бункере с прекрасным садом, кстати, ухоженным трудом переехавших из Армении супругов-азербайджанцев, не взявших за оружие и ножи, а спокойно отдающих свое время и заботы земле. С интеллигентными, в большинстве своем, людьми, отодвинутыми, однако, в период, предшествующий погромам, на задний план злобной антиармянской агрессивностью неграмотного, необразованного, спесивого графомана от истории Низами Магеррамова, представителя народного фронта. Попутно заметим: непонятно каким образом, во многих коллективах активистами народного фронта оказались люди, наиболее свободные от прямых служебных обязанностей, завсегдатаи коридоров, носители всевозможных слухов, не умеющие, а подчас не желающие серьезно работать.

Бесплодные многолетние попытки защитить кандидатскую диссертацию или опубликовать сколь-нибудь серьезный научный труд, а в последний раз разгромленная коллегами откровенная компиляция высказываний различных деятелей о политической культуре с путанными комментариями не помешали ему заняться другим, более важным делом. И довести его до логического конца, правда, с помощью милиции, охраняющей здание. Заместителю директора института был предъявлен ультиматум: немедленно изгнать из коллектива двух научных сотрудниц, кандидатов наук—армянок. Причем эта, не встретившая никакого отпора беззастенчивая акция, проводилась несостоявшимся ученым (может, в политике повезет) от Вашего имени, товарищи «великие демократы»—Наджаф Наджафов, Ровшан Мустафаев, Лейла Юнусова и иже с ними. В этом списке «особенно приятны» имена двух бывших коллег-журналистов.

Но какие-бы козни и от чьего-бы имени они не совершались в тех точках на проспекте Ленина, о которых мы здесь вспомнили—все это не шло ни в какое сравнение с происходившим в квартирах, дворах и у домов непосредственно на этой магистрали. Ни в какое! И опять—вечно живая традиция!

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском Армянском национальном совете. 1919 год.

На проспекте Ленина (бывшая Станис-

лавская) до резни 1918 года жили 1393 армянские семьи из 4988 человек. 1842 человека бежали, остались 3146 жителей. Из них убито 153, 116 исчезли, 189 взяты в плен, 199 умерли. Пострадало 13,17 проц. армян-жителей этой улицы, или 20,88 проц. тех, кто остался в городе.

Многие старые бакинцы называли этот дом на пересечении улицы Кецховели и проспекта—Сарумовским по имени его бывшего владельца. В угловой квартире на 2-м этаже, с балконом, выходящим на обе улицы сразу жили два последних поколения этой семьи. Анна Викторовна Нерсесова долгие годы работала начальником планово-экономического отдела Министерства местной промышленности. Уже здесь, в Ереване, мы узнали о страшной кончине этой женщины. Ее выбросили с балкона вместе со стулом, на который она села в ответ на требования погромщиков покинуть квартиру в некогда собственном доме. Вслед за ней выбросили пианино. Уже на улице к нему привязали еле живую жертву, и все вместе сожгли. А дом, отстроенный отцом ее покойного мужа, будет стоять и дальше, украшая проспект и составляя единый архитектурный ансамбль с небезызвестным «Шафагом».

От моря вверх по проспекту—таков наш скорбный путь. Этой дорогой за свои 51 год не раз поднимался Феликс Багдасаров. Он жил вместе с матерью, пенсионеркой Терезой Яковлевной в трехкомнатной квартире 14, дома 42. Работал инженером в Закавказском морском транспортном управлении «Хазри». Занимался научной работой по специальности, в доме была прекрасная библиотека, собранная не одним поколением. Но разве способны дикари, приученные убивать, понять ценность энциклопедии 1903—1905 годов «Жизнь животных и растений» Брэма? Они ворвались в квартиру 15 января, в 3 часа дня. Вначале стучали. На вопрос: «кто?» ответили: «работники милиции, народный фронт». Когда им не открыли, один из них влез на уличный балкон, разбил стекло и проник в комнату. Предоставим слово Феликсу Ерэвандовичу:

— Он накинулся на меня и стал избивать. Приставил нож к горлу, с железным прутком в другой руке, заставил открыть входную дверь. Я открыл, ввалилась толпа и ста-

ла меня избивать. Я упал, они продолжали меня бить и топтать ногами. Затем принялись за 79-летнюю мать. Начали ломать мебель, рвать и бросать через балкон в костер книги. Нас с матерью вывели на улицу. Там нас встретила многотысячная толпа, сквозь строй которой мы прошли. На нас сыпались ругательства, удары, плевки. Усадили в автобус, переполненный такими же, как мы, который поехал вниз, как выяснилось, к парому. По дороге автобус несколько раз останавливали, бросали в стекла камни, врывались в него, и снова били нас. Мужчин особенно. Женщинам рвали волосы на голове, били по лицу. Я еще просил их, чтобы мне разрешили вернуться домой за документами. В ответ — смех, ругательства, пинки, удары. В бывшем доме остались фотографии родных, ценные книги по скульптуре, живописи, техническая литература, мои неопубликованные работы по математике и статистике. И еще сидит в голове, словно гвоздь, номер нашего домашнего телефона: 96-53-06. Смешно, не правда ли?

Раньше, в ночь с 9 на 10 января стучали в квартиру 170, дома 70, на проспекте к Анжелле Григорян. Дверь не выломали, еще не наступил день официального начала погромов, зато стекла сломали. Перепуганные люди поехали на следующий день к родственникам (ул. Топчибашева 21, кв. 106). Но и там не было укрытия. В эту армянскую квартиру пришли 16 января. Не сумев сломать железную дверь, перелезли через балкон, стали оттуда выбрасывать вещи. Обитатели квартиры, в том числе и Анжелла Суренова, прятались у соседей, которые затем отвезли их на паром.

В соседнем доме 72 (блок 17, квартира 124) жила с детьми, матерью, сестрой Нелли Балаян, ранее старший инженер в/ч 35637. В их просторный двор толпа из двухсот-трехсот человек, подогретая на митинге, ворвалась 13 января, после 7 часов вечера. Имея четкие ориентиры, погромщики сразу поднялись в блок и стали ломать дверь. Другие бросали камни в окна, выходящие на обводные балконы.

Продолжает рассказ Нелли Джавадова:

— Я пыталась спрятать куда-нибудь детей. Камнями, влетевшими в окно, была проломлена голова матери, у сестры переломан нос. Они взломали дверь и ворвались в комнату. Но тут, к счастью подоспели две соседки-азербайджанки и стали бандитов уговаривать, что здесь живут одни женщины, которые скоро уедут. Во дворе было много армянских квартир. Посчитав свою миссию у нас выпол-

ненной, они бросились пить кровь и грабить дальше.

Здесь жизнь детям и женщинам спасли две азербайджанки-соседки, не побоявшиеся заверить нападавших в том, что эти армяне обязательно уедут, не останутся в собственной квартире, в Баку. Другую роль себе избрали соседи старшего научного сотрудника одного из бакинских научно-исследовательских институтов Нины Атаевой из дома 84, блок 4, квартира 37. Из квартиры 38 не остановили работающего у них мастера из Кафана, когда он передал грабителям лом для неподдающейся двери — это было между восемью и девятью часами вечера, 14 января. Другой сосед по имени Гамбар из квартиры 30, услышав крики о помощи Нины Герасимовны, бросил ей с балкона: «Правильно делают, в Армении также поступали с азербайджанцами». О, вы, наши соотечественники, часами стоявшие на Театральной площади в Ереване с требованием справедливости, кто из вас имел в кармане списки азербайджанцев, живущих в столице, кто издавал указы, запрещающие обмены, или неформально мешал им, кто, наконец, громил на центральных улицах своего города контейнеры? Сейчас, конечно, можно все придумать. Чем же иным, как не фальсифицированной ложью, заниматься пропагандистской машине Компартии Азербайджана?

Зато полные списки армянских квартир были у бандитов. Нину Атаеву, ограбив, сняв с нее кольца, драгоценности, дважды возвращали в квартиру с требованием дополнить адреса беды. Затем двое мужчин лет под сорок, представившись работниками милиции и членами народного фронта, отвезли ее на красном «Москвиче» (с комфортом!) в «Шафак». И в конце этой истории две информации пострадавшей к размышлению читателей из соседней республики. Н. Атаева считает, что навел на ее квартиру грабителей председатель кооператива «Нефтяник» Сираджев, трое сыновей которого являются членами народного фронта. И второе — квартиру, по крайней мере, тогда заняла соседка из квартиры 9 — Гезалова.

Злополучная одиссея Светланы Аванесовой началась задолго до официального начала погромов. 3 ноября лидер народного фронта 4-го корпуса студенческого городка Азинетехима им. М. Азизбекова, где она работала дежурной по этажу, заявил ей, чтобы она на работу больше не приходила, ввиду того, что армянка им там не нужна. С этого дня женщина стала безработной, но пока не избитой. В ЖЭУ-52, куда она вскоре зашла за талонами на мя-

со и масло, это случилось. 13 января бандиты во двор ворвались рано, орала, что идут на митинг и вернутся после него, чтобы окончательно расправиться с живущими в доме армянами. Слово свое подлецы сдержали. В половине седьмого вечера дом был окольцован толпой. Светлану Суреновну спрятали русские соседи. В 10 часов вечера двери в квартиру были сломаны, начался грабеж. В 8-м отделении милиции, куда ее доставили соседи, стражи правопорядка предложили женщине поблагодарить бандитов, что оставили ее в живых. Уже на пароме представитель народного фронта, видимо, после какой-то удачной для себя варварской акции хвастливо оповещал всех: «ни один армянин в Баку не останется!»

История, к описанию которой мы приступаем, почти классический пример четкой, синхронной скоординированности действий правоохранительных органов, представителей народного фронта и исполнителей погромов. Ветеран войны, труда, майор внутренних войск запаса, пенсионер МВД СССР, перенесший осколочное ранение с повреждением кости рук и ног в бою, два обширных инфаркта в восьмидесятые годы Завен Сейранян жил в квартире 41, дома 95. Этот дом находится также на проспекте Ленина и образует известный в городе 225 квартал. В школе 133 Насиминского района 19 последних лет он работал военруком. С народнофронтовцами у него неожиданная встреча состоялась 4 декабря 1989 года. Они ворвались в школу и в присутствии учащихся, учителей, техперсонала стали ветерана обзывать, оскорблять, размахивать перед лицом руками с требованием немедленно уволиться с работы. От слов перешли к делу: заставили военрука написать заявление, а директора школы подписать его и издать приказ. Затем пытались заставить Сейраняна поехать с ними к нему домой, но на сей раз удалось уклониться от непрошенного визита. На следующий день они снова появились в школе в порядке контроля. Убедились в отсутствии военрука, ушли.

Теперь объектом издевательств стала квартира. Сюда периодически приходили, стучали, обзывали, угрожали различные группы людей, представители народного фронта. 11 января ветерана подкараулили у двери, когда он вышел к почтовому ящику за корреспонденцией. Их было трое. Угрожая ножами, втокнули семидесятилетнего человека в квартиру и начали разбой. Старший из них, видимо, глава банды, приставил нож к горлу жертвы, требуя документы. Затем, проверив их, стал требовать оружие, деньги, дра-

гоценности. В доме были только 190 рублей недавно полученной воинской пенсии, их и взяли, попутно прихватив наручные именные часы. Потом, заглянув во все шкафы и углы, набили чемоданы понравившимися им вещами, вышли, разрубили телефонный провод, забрали ключи от квартиры и пообещали, что вечером придут за доверенностью на квартиру. Дважды предупредили о том, чтобы, во-первых, помалкивал, во-вторых, приготовил к вечеру доверенность.

На этом этапе активной компонентой в историю вступает мафия правоохранительных органов, о чем рассказывает Завен Маркосович:

— После их ухода я пошел в штаб Гражданской обороны, позвонил в милицию, набрав «02», и сказал дежурному о случившемся. Он ответил, что всем армянам еще 11 декабря надо было убираться из города, и положил трубку. Я вернулся домой, приготовил засовы на дверь. С наступлением темноты человек шесть подошли к двери, пытались ее открыть. Не сумев этого сделать (дверь железная), они, ругаясь и оскорбляя меня, стали бить стекла на кухне. Затем убрались. Я надел военную форму, вышел через окно из квартиры и пошел в отделение милиции. Было половина пятого утра, 12 января. Обратился к дежурному. Он грубо ответил, чтобы я убирался домой и прибыл в отделение только после 10 часов утра. Я объяснил, что домой идти не могу и попросил остаться в комнате временно задержанных. Меня оставили. К 10 часам я написал на имя начальника Насиминского РОВД заявление, в котором коротко изложил происшедшее. Однако, ни от заместителя начальника отделения, ни от работников уголовного розыска не мог добиться, чтобы кто-нибудь из них занялся моим делом. Вместо этого все, к кому я обращался, дружно уговаривали меня уехать из Баку, ввиду того, что, якобы, бессильны мне помочь. Я оставил свое заявление у секретаря, не думаю, что его занесли в журнал учета, так как они даже отказались расписаться на копии. Поняв свою незащищенность, я пошел в школу, где раньше работал. Там собрали деньги на билет до Тбилиси, приобрели его и проводили меня на вокзал. Уже из Еревана 21 января я позвонил соседям и узнал, что в мою квартиру вселены люди. Я спросил о своем имуществе, они сказали, что судьба вещей им неизвестна, только видели выброшенный во двор мой китель.

Завершил свой печальный рассказ Сейранян гневно-недоуменно:

— Я проливал кровь в рядах Вооруженных сил страны

и не раз встречался один на один с врагом. Более 20 лет работал в войсках МВД Азербайджанской ССР, но такого преступного отношения к людям со стороны органов правопорядка объяснить отказываюсь, понять их позицию не в состоянии. Я не мог вывезти из Баку ничего, все нажитое честным трудом стало добычей преступников. И еще — однозначно утверждаю: все чинилось с ведома официальных кругов, под их покровительством.

В этом доме, как по всему городу, были обречены все армянские квартиры. Такая же судьба постигла соседа Сейраняна из квартиры 45 Лентроша Баграмяна. 15 января ночью, взломав дверь, полностью ограбили квартиру 51 дома 95/6, где жила Аретта Григорян. Днем раньше, 14 января произошел погром-квартиры 24, дома 142. Ее владельца — маляра СУ-3 МВД республики Армена Мкртычева уволили с работы еще в августе. В поисках ее он выехал из Баку, в доме оставалась мать. Ее ждал паром. Заканчивая это грустное путешествие по одной из главных магистралей столицы Азербайджана, хочется добавить, что на ней находится величественное здание Насиминского райкома партии, шустрые обитатели которого не замедлили его покинуть в кровавые дни, а также кинотеатр с симптоматичным названием «Дружба». Может, президент республики догадается дать новое имя этой много видевшей «дружке»?

А нам придется вновь спуститься к железнодорожному вокзалу и рассказать, что творилось на улицах, параллельных между собой, но перпендикулярных проспекту Ленина. Мы уже вели об этом разговор с помощью наших собеседников в пансионатах и больницах. Теперь новые свидетельства, новые конкретные адреса. Итак, Камо, 201, квартира 43. Не сомневаемся, что эта улица теперь так не называется. Но раньше именно по этому адресу жила Елена Дадалова. Ее уже нет в живых. О последних днях своей жены рассказывает Владимир Караогланов:

— Мы покинули Баку осенью прошлого года из-за прекращающихся угроз. 8 января, после сообщения соседней о том, что наша квартира ограблена, моя жена, несмотря на уговоры, выехала в Баку. Я с ней ежедневно разговаривал по телефону. Вначале она мне бодро говорила о том, что все-таки после грабежа часть вещей осталась, и она договорилась с каким-то водителем об их перевозке, а квартиру хочет купить майор милиции, который почти каждый день навещает. И уже начал оформлять документы. Я волновался, а жена меня успокаивала. 13 января

я в обычное время позвонил по телефону 93-18-56, трубку взяла невестка соседей и очень взволнованно, якобы не узнавая меня, спрашивала, кто с ней говорит. Я отвечал, а она меня будто не слышала. Потом в трубке раздался мужской незнакомый голос, который меня спросил, кто я и откуда говорю. В ответ на мои слова, что я говорю из Москвы, раздалась отбойные гудки.

Разговор прервался. Я стал звонить соседям по телефонам 93-32-62 и 98-17-14. Они мне сказали, что творится нечто ужасное, и потому боятся выйти из дома, чтобы посмотреть, что там. Даже сосед Рамиз, владелец первого телефона, ничего не сказал, хотя ему не надо было выходить из своего дома, чтобы видеть, что у нас в квартире бесчинствуют. Тогда я позвонил подруге жены Ляле Шахмалиевой по телефону 92-40-38 и попросил ее узнать, что произошло. Она мне обещала все узнать и сообщить. Наутро, 14 января я снова ей позвонил, она мне сказала, что жену во время погрома зверски убили, квартиру разграбили. Верхняя соседка Нина (русская) видела окровавленное тело жены на площадке перед дверью в квартиру. Потом его забрала милиция, и оно находится в каком-то морге, который пикетирует народный фронт, и невозможно узнать, в каком состоянии труп, где и когда его предадут земле.

В доме 179, квартиру 6 занимал Аркадий Барсегиан, заместитель начальника контрольно-ревизионного отдела Госснаба Азербайджана. 15 января квартиру ограбили, подогнав для удобства автокран к балкону. Его избili, ничего не разрешив взять с собой, отправили в отделение милиции, оттуда на паром.

Как и Барсегиан, в Госснабе Азербайджанской ССР, только ведущим специалистом работала Ираида Каграманова. Жила на соседней улице Кецховели в квартире 11, дома 213 вместе с матерью Розалией Сергеевной. Русская, она понимала, что с армянской фамилией ее ждут непредсказуемые неприятности. Поэтому 10 января они заказали контейнер для отправки вещей. Стали выносить коробки. По сигналу соседа из квартиры 9 — Али, недавно прибывшего из Армении, собралось человек 20 и унесли коробки. На звонок в милицию от русской соседки Вали Ожогоиной пришел старшина милиции, даже не поднялся в квартиру и сказал: «пусть вызывает милицию, когда придет контейнер». После его ухода бандиты совсем обнаглели. Им уже было недостаточно вещей, вынесенных в

ожидании контейнера во двор. Они поднялись в квартиру. Ираиде Михайловне удалось спрятаться в шкафу, у соседей.

К месту событий после неоднократных вызовов и ответов, что нет свободных машин, все-таки приехала милиция: заместитель начальника Насиминского РОВД, майор, и участковый Эльдар—лейтенант. Но они никого не задерживали, грабители вовсе не думали прятаться. Более того, когда в милицию все-таки сопроводили... пострадавших, толпа шла, улюлюкая, за ними. Естественно, не был зарегистрирован факт грабежа. Как и неподалеку, в доме 217 никто не зафиксировал погром квартиры 38, где жила **Роза Захарян**, в которой 15 января в 10 часов вечера орудовала банда из 50 человек.

78-летнего пенсионера, жителя квартиры 9, дома 154 **Гургена Тарханова**, вышедшего в магазин, по возвращении 15 января около 12 часов дня, встретил солдат с автоматом. До сих пор неясно, кого он там охранял. Потому что дверь квартиры была выломана, внутри находилось много людей, они открыто, не стесняясь, грабили имущество ветерана войны и труда. Там же находилась азербайджанка из Армении, которая сказала, что она с детьми займет эту квартиру. Орден Отечественной войны I степени после горячих просьб Гургену Александровичу вернул, видимо, руководитель банды, мужчина примерно 55 лет. «Шафаг» и паром—таков путь ветерана.

Вечером 14 января этот путь проделала его ровесница и соседка из квартиры 25 **Анна Авакова**, 33 года проработавшая педагогом русского языка и литературы в музыкальной школе при консерватории. 13 января к ней соседки-азербайджанцы привезли на такси мужа, который давно жил отдельно (Коммунистическая 29, тупик 5, квартира 33). Он рассказал, что к нему ворвались, избили, потребовали убраться из квартиры. Соседка заступилась за него. К Анне Николаевне тоже приходили еще в декабре с аналогичным предложением, но пока мирным. 13 января около 5 часов в квартиру пришел сосед и рассказал о бесчинствах в городе, о том, что перекрыт проспект Ленина. 14 января в 10 часов заявилось человек 20, назвали себя представителями народного фронта и сказали, что хотят их спасти, поэтому увозят, придут другие—убьют.

— В «Шафаге» перед нами,—вспоминает **Анна Николаевна**,—выступал мужчина лет 50, высокого роста, и сказал, что нас, спасая, вывозят из города. Я хорошо помню его слова: «отправим армян, возьмемся за русских и всех

остальных—Азербайджан будет чистым. После Баку возьмемся за Степанакерт и очистим его от армян. Оружие у нас есть, и мы выгоним армян из Карабаха».

В квартире во время депортации вместе с родителями находился их сын **Юрий Хачатуров**. Его квартиру 31 в 6-ом микрорайоне (улица Гаджибекова, 4) уже разгромили. Он спросил представителей НФ, на какое время их берут, ему заявили, что всего на несколько дней, после стабилизации обстановки вновь привезут домой. Юрий Авакович закрыл дверь своим ключом и отдал его представителю народного фронта, как и паспорта (свой и матери). Позже, по прибытии в «Шафаг», он попросил отдать ему документы, народнофронтовицы отказались, что взяли их. Суть этого «гуманистического», «демократического» движения Хачатуров испытал на себе еще раньше, когда 20 октября 1989 года к нему, директору завода ЖБК «Бактоннельстрой», пришли представители этой организации на предприятии и заявили о необходимости увольнения его лично и всех других работников-армян. Такой наказ они получили на митинге на центральной площади города.

Ограбили, а потом сожгли дотла квартиру 20 в доме 157, где жила 73-летняя **Роза Киракосова**. Ее успели вывезти за полтора часа до погрома товарищи сына **Евгения Шахгельдянца**. В кооперативном доме на углу Кецховели и проспекта Ленина, по адресу Кецховели 158, квартира 51, жил заместитель директора СРМК «Осторгтехника» **Александр Алексанян**. До ограбления его квартиры 13 января у него со стоянки (навел сам работник) украли машину ВАЗ под номером И11-37 АГ. Ночевал у соседей, выехал из города паромом. Эта история кажется просто прогулочно-развлекательной по сравнению с тем, что пришлось испытать 40-летнему **Роману Оганову** из квартиры 38, дом 159. Его, залищика стальцефа на заводе им. лейт. Шмидта, уволили еще в сентябре 1989 года. В дом ворвались 14 января. Привезли в «Шафаг». Там были все избитые. Через два часа посадили в машину и отвезли в Кировское отделение народного фронта, в микрорайон. Там уже находились примерно 40 мужчин. Романа Егишевича били по голове, спине, толкнули в комнату, всю заполненную людьми. Утром повели на допрос, приказали раздеться, обыскали, затем сказали—одеться. Через несколько минут стали бить и потом отправили опять в комнату. Оттуда вызывали на допрос по очереди. Объявили, что они все заложники. Трое суток—с 12 часов ночи до утра их

избивали до потери сознания. Есть и пить не давали. 17 января избili в последний раз и отправили на паром.

С Эрной Ходжаянц из дома 170, квартира 17, педагогом школы 248, можно сказать, ничего не случилось. Если не считать того обстоятельства, что, уволенная еще в декабре 1988 года, она поехала искать новое место жительства и работы, оставив на попечение соседки из 16 квартиры Адели Шукюровой квартиру и имущество. Соседка заняла квартиру. Вот и все. Мало и прозаично. Аналогичная участь (только без участия соседей) постигла пенсионерку, 76-летнюю Седу Заграбян. Ее квартира 32 в доме 270 полностью разграблена. Нет сомнения, что мы назвали не всех жертв погромов на улице Кецховели. Такими данными, к сожалению, не располагаем.

В этой главе мы постарались рассказать о том, что творилось в кровавые семь дней в центре Баку. С той или иной натяжкой, но все эти адреса погромов на улицах и проспектах можно отнести к старой центральной части города. Вам, читатель, еще предстоит попасть в менее или более отдаленные районы. Там тоже пылали костры.

СЛУЧАЙНО ЖИВЫЕ

Эти улицы, так или иначе связанные с проспектом Ленина, находятся в том районе, который ранее именовался Арменикендом. И хотя старое название не забыто, его в последние годы уже старались не произносить, чтобы не наслать на себя оскорблений и ругань. Но даже в этой, отторгнутой от своего имени части Баку, были улицы, изначально вызывающие особую ненависть толпы. Одна из них — улица Сурена Осипяна. Армян там осталось жить немного, думается, не в этом причина ажиотажного внимания. Ее следует искать, во-первых, в наименовании, а, во-вторых, в месторасположении, у железнодорожного вокзала. Так или иначе, а именно на этой улице, где сходятся трамвай, идущие сверху и начинающие путь наверх, на перекрестке с улицей Басина, происходили страшные избиения армян.

— Людей из трамваев выбрасывали избитыми, — рассказывает жительница дома 3 по улице С. Осипяна Лилия Степанян. С сыном работал товарищ лет 50, он приходил к нам в дом, я его хорошо знала. Его на остановке убили, стукнув по голове ломом.

Лилия Серафионовна долгие годы заведовала отделом иностранной литературы фундаментальной библиотеки Ази-

нефтехима. Ее знали и уважали не только студенты, но и преподаватели этого довольно известного нефтяного вуза в стране. Она старалась помочь каждому. Обстановка накалялась, и она, выйдя на пенсию, решила выехать на поиск вариантов в Ереван. Поехали 24 августа, но 4 января пришлось вернуться за теплыми вещами.

Она попала в капкан. Выходить из дома боялась. Русские соседи приносили хлеб, другие продукты. Укладывала вещи, договаривалась о контейнере. 15 января в 3 часа дня ворвалась толпа, примерно 50 человек, в возрасте от 14 до 25 лет.

— Я умоляла их, — продолжает Лилия Серафионовна, — не бить моего мужа, инвалида войны, слепого. Они уносили вещи, ломали и крушили старую мебель. Затем вывели нас на улицу и повели в 8-е отделение милиции. По дороге толкали в спину, плевали, кричали.

Их сосед по дому из квартиры 28 Георгий Саакян, пенсионер, 20 лет проработавший в таксомоторном парке, затем в тресте зеленого хозяйства, испил чашу унижений и оскорблений до конца. На одного 75-летнего человека напали 10 «молодцев», скрутили ему руки, стали бить. У них в руках были железные прутья. Его провели сквозь строй к 8-му отделению милиции той же дорогой, с теми же издевательствами. Стражи правопорядка и здесь сохраняли нейтралитет. Бывших соседей ждал паром.

Из банка данных анкетной комиссии при Бакинском армянском национальном Совете. 1919 год.

На улице С. Осипяна⁹¹ (бывшей Магазиной) до резни 1918 года жили 213 семей армян из 744 человек. 364 человек бежало, осталось 380 жителей. Из них 38 убиты, 28 исчезли, 26 взяты в плен, 13 умерли. Пострадало 14,11 проц. армян-жителей этой улицы, или 27,63 проц. тех, кто остался в городе.

Параллельные улицы Сурена Осипяна и Солнцева разделяет проспект Ленина. Берущая свое начало у железнодорожного вокзала, улица Солнцева, также пикетировалась налетчиками. Старые дворики одноэтажных домов громить было легко. В узком пространстве четко обнажалось ничем не защищенное стеклянное покрытие веранд. Если

погромщики имели все необходимое для «покорения» железных сейфовых дверей, то одолеть эфемерную защиту чужого жилища из стекла и дерева, им, вообще, ничего не стоило. А если дверь не поддавалась, то в комнату сквозь разбитые стекла летели бутылки с зажигательной смесью. Именно таким способом толпа из 40—50 человек воинственно, с боевыми кличами, проникла в квартиру 13, по улице Солнцева, 20. Что было толпе до того, что ее жертвой стала врач, излечившая за десятилетия своего труда в 16-й городской поликлинике тысячи людей, не различая их по национальному признаку? Они били Елену Саркисян дома, во дворе, на улице. Спасли женщину ее... собственные вещи, грабежом которых толпа увлеклась. Она убежала, но ее нашли и вытащили из укрытия. Снова били. Затем она оказалась в квартире 25, где русская соседка Полина Пискунова вместе со своим мужем и зятем-азербайджанцами помогли ей добраться до парома. Представляется, что снимок Елены Александровны, нам, к сожалению, неизвестный, с синяками и побоями, увидел мир, потому что ее фотографировал иностранный корреспондент в Красноводске.

Большой дом—квартал в сердце бывшего Арменикенда, выходящий на четыре улицы сразу, с просторным, тенистым от раскидистой кроны деревьев двором, где росли дети не только его жителей, но и окрестных кварталов, был известен в городе, как «Солнцева 24». Приносилось это словосочетание неразъемно, как единое целое. И росли в нем вместе дети разных национальностей, владеющие, как правило, тремя языками сразу. Здесь жили рабочие, интеллигенты, военные. И когда взрослые люди, разъехавшиеся из этого дома, через годы встречались друг с другом, то «Солнцева 24» словно пароль, осязаемо напоминал о дружбе, правдивости, верности. В памяти одной из нас хранятся истории, как жестоко наказывались в этом дворе стукачи, хотя по иронии судьбы среди первых его жителей было немало работников НКВД. О, если бы удалось собрать всех выросших первых детей этого дома и показать им, как в страшном сне, то, что творилось там 13—19 января! Правда, дом уже давно по своему составу стал неузнаваем. Все так или иначе освободившиеся квартиры однозначно занимали азербайджанцы.

Бывшему Арменикенду, как уже было сказано, жесткому изменению его демографической структуры особое внимание уделяло руководство Азербайджана еще в 70-е

годы. Истоки этого необратимого процесса следует искать в первых годах прихода Г. Алиева к власти. Как все, за что брался этот напористый руководитель, акция по уничтожению места более или менее компактного проживания армян носила исключительно планомерный, целенаправленный, последовательный характер. И, конечно, вовсе не походила на везировско-муталибовскую депортацию армян. Хитроумный политик умудрялся при этом слышать слова благодарности людей с ордерами в руках в новостройки новых жилых массивов. Вместо старых квартир, в большинстве своем без каких-либо удобств (дом на Солнцева 24 был редким исключением), люди получали светлые изолированные квартиры. И все это обставлялось таким сладкоречием об интернационализме, что никто не задавался вопросом: а для кого строят дома на этих улицах, кто получает в них квартиры? Почему коренной жители улицы должен оказаться на окраине? Среди жителей нового потока в этом массиве армяне составляли исключения, разве что в ведомственных военных домах.

Но вернемся в дом 24, по улице Солнцева. Здесь в 12 блоке, в квартире 114, с телефоном 96-52-80, жил один из последних могокан этого дома-квартала 74-летний **Сергей Оганов**. В последние годы он работал преподавателем кафедры гражданской обороны Азербайджанского педагогического института им. М. Ф. Ахундова. Его били особо жестоко, может, от того, что в квартире нечем было особенно поживиться. Оскорбляли его дочку Светлану, педагога музыкальной школы №1. Раздели ее, от дальнейшего позора спасла подросшая другая группа из народного фронта, которая приказала не связываться с «этими гнусными армянами», а срочным порядком вывести обоих из квартиры.

Одной своей стороной, вернее целым кварталом этот дом выходит на улицу Фабрициуса. Полигоном для безнаказанного вандализма стала эта городская магистраль с довольно известной школой 151, которую закончили чемпион мира Гарри Каспаров и Герой Советского Союза Виталий Жолобов. Нет сомнения, что среди выпускников данного среднего учебного заведения были и будущие партийные лидеры, и будущие представители реальной политической силы в кровавые семь дней—народного фронта Азербайджана. Их школа стала безмолвным свидетелем убийств, издевательств, погромов. Предоставим слово доктору филологических наук, профессору **Владимиру Гри-**

горяну: «Что, кроме добра делала людям медицинская сестра Арутюнова Шушаник? К ней средь бела дня на улице Фабрициуса подошла группа молодчиков. На какое-то время образованный ими круг замкнулся. А когда они спокойно разошлись, то перед людьми предстала леденящая кровь картина: эта страдалница, мать пятерых детей, была убита.

Будь на то моя воля, я поднял бы на ноги весь христианский мир—ведь именно таких мучениц в свое время причисляли к лику святых и день их поминаения отмечали колокольным звоном. Что потрясло меня более всего в этой трагедии, так это то обстоятельство, что речь идет о сестре милосердия»⁹²

В квартире 31, дома 22, жили три поколения семьи Кочаровых—муж и жена, сын, невестка и внучка. Еще летом 1989 года невестку Т. Армачанян избили в «интернациональном» трудовом коллективе—гордости города и Нариманского района, партийным лидером которого был некоторое время нынешний президент соседней республики. В сентябре, закрыв квартиру, выехали искать обмен. 4 января вызвала соседка в Баку, сказав, что есть вариант обмена. Поехала в Баку только старшая—Аракся Кочарова—пенсионерка. Обмен действительно был. Стороны сдали документы в райисполком и стали ждать. 12 января в 12 часов дня, когда в доме находились хозяйка квартиры и родственник Г. Егиазаров, подполковник в отставке, участник войны, пришли трое мужчин и одна женщина с вопросом, хотят ли обменивать квартиру. Ушли, получив ответ, что обмен уже происходит, и документы сданы. Через несколько минут после визита в квартиру стали ломиться. Железная дверь не поддавалась. Отрезанные от внешнего мира, с перерезанной телефонной линией, двое несчастных пожилых людей находились в мышеловке. На их глазах была выдолблена стена, и толпа ворвалась в квартиру. Начался погром. Избитых, раздетых стариков вывели на улицу. Приехавшая к погрому милиция к ним даже не подошла, поднялась в квартиру. Довольные, спустились вниз, обменялись друг с другом словами о том, что с армянами правильно поступили, сели в машину с номером АГ 39-37 и уехали. До 5 часов 13 января жертвы скрывались в Высшем военном училище, а потом попали на паром.

Вячеслав Аванесов из квартиры 7 соседнего дома 24, спрятавшись у соседей, видел грабеж и своей квартиры, и

расправу с соседом из квартиры 8. Юрий Саркисов, инженер по образованию, был также вокалистом хорового общества Азербайджана. Его избили и потащили по лестнице. Вся лестница была в крови. Зверски избивая, волокли на улицу. Он уже не мог двигаться, и его больше никто не видел.

13 января ворвались, угрожая топорами, ножами, унесли все, выгнали из квартиры по улице Миркасимова, 4, отправили в кинотеатр «Шафаг» и на паром—такова вкратце трагедия киоскера бакинского городского отдела Союза печати Софьи Костандовой. У пенсионера Артема Аванесова с улицы М. Б. Касумова, 15, квартира 47, история столь же банальная для тех дней, лишь только с некоторым уточнением характеристики бакинской милиции. Когда к нему ворвались погромщики в первый раз 19 декабря, он написал заявление и пошел в милицию, то принимавший документ майор Абдулаев сказал: «Правильно сделали, тебе надо выдать не акт о следствии по краже, а свидетельство о смерти». Артем Лазаревич еще успел 21 декабря пожаловаться на майора «интернационалиста» в ЦК Компартии Азербайджана по телефону: 92-67-41. Инструктор, назвавшийся Сафаровым, послал старика к начальнику РОВД, который, якобы, обязательно должен ему помочь. Видимо, имелась ввиду помощь в последующих погромах и убийствах. Только, как нам доподлинно известно, оказывалась она именно в направлении, четко указанном майором Абдулаевым.

Белла Палян с улицы М. Б. Касумова, 6, квартира 36, в приемной ЦК партии в ответ на просьбу о помощи, услышала слова похлещи. В частности, она узнала, что Горбачев забыл об армянах, и они должны молча и тихо сидеть у себя дома и ждать своей смерти. Вызовы к армянам отказывалась принимать и милиция в ответ на обращение женщины. Ее злоключения начались еще 22 декабря в психбольнице № 3, где она около 20 лет заведовала отделением. 22 декабря она во время дежурства принимала больного. Шофер, привезший в больницу другого больного, представился врачу членом народного фронта и заявил, что-бы она немедленно написала заявление об уходе. Иначе, пригрозил «Аника-воин», вечером с ней расправятся его товарищи. В эту минуту в приемную ворвалась женщина с криком, что она изобьет врача, если та немедленно не напишет заявление. Так состоялось увольнение, естественно, по собственному желанию. Дальнейшие действия перенес-

лись домой. Начался террор. Звонки по телефону и в дверь. Рассказывает Белла Андрониковна:

—2 января ворвалась группа мужчин, женщин, детей, стали громить квартиру. Я забрала внука, выбежала на улицу. Два дня пряталась у соседей, потом вернулась в разгромленную квартиру. Скрывалась у сына. 13 января в 6 часов вечера толпа в 400 человек начала ломать оконные стекла на первом этаже. Мы побежали с сестрой и теткой на крышу 9 этажа и другим блоком спустились на I этаж. Там к нам подошли пятеро мужчин и спросили паспорта. Мы отказались показать. Тогда они, назвавшись представителями народного фронта, сказали, что сейчас за нами придет автобус. Они хватили за руки, били по голове. В этот момент мы увидели солдат, подбежали к ним. Они нас посадили в военную машину и отвезли в милицию, затем на паром.

Два дня ломали дверь квартиры 12 по улице Сарабского, 56, где жила Аракся Саркисова. 18 января погромщики разрушили камни дверного проема. Унесли все, в том числе, и неиспользованное приданое дочери. Не о старинных пикейных, совершенно новых одеялах печется Аракся Вартановна, а о своей разбитой жизни, которую начинать с начала трудно. В аналогичном положении находится ее соседка по дому из квартиры 52 Тамара Осипова. Что к этому добавить? Тамара Акоповна—квалифицированный врач, работала в 8-й городской поликлинике до сентября 1989 года, когда по приказу народного фронта ее уволили. Вдова подполковника юстиции, который прослужил в рядах Советской Армии 35 лет.

Улица Каверочкина раньше называлась IX-ой Свердловской, еще раньше IX-ой Канни-Тапинской. Она была одинаково опасной на пересечении с улицами С. Осипяна, Солнцева, Фабрициуса, проспектом Ленина. Бесчинства на ней официально начались 13-го утром, еще до митинга. В 7 часов вечера очередь дошла до квартиры 20, в доме 13, где жила так называемая смешанная азербайджано-армянская семья. Джаваир Камиловне Кадымовой, ведущему инженеру института Азгипронефтехима в эти дни пришлось со всей строгостью ответить толпе за то, что посмела... родиться от матери-армянки, да еще замуж выйти за армянина⁹³. В ответ на отказ открыть железную дверь, было взломано зарешеченное окно на кухне. Женщина пыталась им просунуть паспорт с азербайджанской фамилией и национальностью—не помогло. Хорошо информирован-

ные люди ей ответили:

—Ну и что ж. Твои дети—армяне. У тебя мать—армянка, муж—армянин.

Она уже успела позвонить в Насиминский РОВД по телефонам: 96-02-02, 98-21-15, где получила не менее «утешительный» ответ: «поблагодарите ваших армян».

Ворвались. Одни срывали серьги, другие выносили вместе с женщинами и детьми вещи. В квартире в это время находились мать Джаваир—Маргарита Андреевна—77-летняя женщина, персональный пенсионер республиканского значения, проработавшая десятилетия управляющим Шаумяновским (теперь Хатаинским) отделением Госбанка СССР, и муж Мартуни Андроникович Агаджанов, командир корабля ТУ-134Б.

Грабители, от которых пахло спиртным, вывели всех троих, словно преступников из дома, вырвали у женщины сумки с документами и деньгами и доставили их в «Шафаг». Там они просидели до 15 января. В 5 часов вечера их отправили на паром.

Одновременно в этом доме начался грабеж квартиры 10, где жила Маргарита Хачатурова. Пенсионерка, она долгие годы работала в протокольной части Совета Министров Азербайджанской ССР. Когда к ней начали стучать, она звонила по всем телефонам ЦК КП Азербайджана, МВД республики, благо, у нее был справочник, умоляла всех помочь. Но дверь взломали, и ворвавшиеся погромщики, представившись членами народного фронта, предложили Маргарите Васильевне немедленно освободить квартиру во имя ее же собственного спасения. Когда она отказалась, то мужчина в черном плаще ударил ее по лицу и свалил на пол. Одновременно другие искали деньги и драгоценности. С женщины, избивая ее, сняли сапоги, разорвали одежду. В это время пришли солдаты, которые помогли ей встать и сопроводили на паром. Может, их послали бывшие коллеги Маргариты Васильевны, к которым она, не разбирая номеров, подряд звонила?

Швея фабрики им. Володарского Роза Григорьян оставалась заложницей в собственной квартире 56, дома 7 по улице Бакиханова. Она не могла выехать на поиски нового местожительства из-за больного мужа, которому в день делали 8 инъекций. Они избежали присутствия при грабеже дома. 13 января к ним осторожно постучали. Незнакомый парень спросил: «Вы армяне? Сюда идет толпа. Уходите из дома». В чем были, не взяв с собой ничего,

супруги выбежали из дома, прятались у русских соседей, с помощью которых 19 января уехали паромом в Красноводск.

О краже в квартире 52, по улице Бакиханова, 31, корпус 5, блок 6, 28 декабря было сообщено по радио в рубрике «Сводка МВД Азербайджанской ССР». Ее владелец Альберт Дарбинян знал, что дело о краже по его заявлению ведет следователь Насиминского РОВД капитан Мустафаев. До сих пор, видимо, ведет. Дождался Альберт Грантович и еще одного грабежа. Он прятался у соседей, когда 15 января в половине четвертого грабители ворвались к нему домой. Собственно, этот дом, «полная чаша», результат многократных служебных зарубежных командировок прекрасного специалиста—главного геолога института «Азгипроводхоз» Министерства водного хозяйства СССР, уже не был его. И все нажитое имущество за долгие годы труда ушло в небытие. Не трогали Дарбиняна и его жену. С помощью друзей-азербайджанцев они смогли хоть и с приключениями, вылететь из аэропорта Бина вечером 19 января. Не досталось им побоев и пинков. Но такое бесследно не проходит. И этого здорового, энергичного мужчину, не умеющего сидеть без дела, привыкшего трудиться, быть среди людей, помогать им,—свалил с ног приступ инфаркта. Больничная койка, постельный режим. И когда врачи разрешат подняться, придется ему заново научиться ходить, заново учиться жить. Без дома, без крыши над головой.

Полностью разгромили квартиру 9—Вардана Микаэляна в III корпусе этого же дома. И ему—80-летнему, может, даже чуть труднее, чем соседу. Все-таки годы и хворости.

Неподалеку от Дарбиняна в доме 42 (блок 12, квартира 93) жил его сослуживец Виктор Оганов, начальник отдела того же института. В отличие от Альберта Грантовича он вместе с другими армянами—работниками «Азгипроводхоза» был уволен с работы 30 ноября после прихода к директору 50 представителей народного фронта. Изгнали оттуда, где работал 40 лет. Он находился в квартире один, в городе не было его жены—Лепехиной Ларисы Михайловны, русской, врача-терапевта больницы №2 и двух сыновей—Александра и Сергея, врача и гидромелиоратора, поехавших устраиваться работать в другие города. Собственно, уже врачом-педиатром работал во Владимире Сергей. 14 января ночью в дверь начали ломиться. Виктор Суре-

нович повалил на дверь шкаф. Помогло ненадолго. Выломали дверь. Ворвались. 15 мужчин и одна женщина. Начался погром. Его вывели в парадное, предупредив, что убьют, если что-либо предпримет. Во дворе поручили Оганова своему представителю, а сами вернулись в квартиру грабить. На улице он стал убегать, охранник, умышленно или нет, отстал от него, не стал догонять. Тогда Виктор Суренович сумел дворами (места, знакомые с детства) добежать до друзей. В этой русской семье он прятался с 14 по 20 января, когда его днем с большой предосторожностью отправили на паром.

Не можем и мы воздержаться от вопросительного восклицания: знал ли Михаил Григорьевич Лепехин, один из первых летчиков, самолет которого в 1920 году приземлился в Азербайджане на пустыре, неподалеку от Арменикенда, что имущество его дочери через 70 лет будет полностью разграблено, что его внукам не будет места в городе, за счастье и благоденствие которого он боролся всю жизнь и с глубокой наивной верой в интернационализм которого умер?

35 лет стажа воспитательной работы у Марии Сарумовой. Последнее ее место работы—детсад №69 Наримановского района. Ее дом 40, по улице 12-й Нагорной попал буквально в кольцо агрессивно настроенных азербайджанцев. Они бросали в окно камни, бутылки, кричали: «—уходи, пока целая. Не уйдешь, с тобой вместе дом сожжем». Звонок в 9-е отделение милиции Наримановского района ничего не дал, начальник Агабеков посоветовал домой не ходить. На следующий день милиция приехала и удостоверилась в полном погроме. Унесли электрогитару сына—он играл в Азгосконцерте, неиспользованное приданое дочери. Вспороли матрас и взяли его вместе со спрятанными там шестью тысячами рублей. В милиции, куда она попыталась пойти с заявлением, над ней посмеялись, сказали, что это преступление не будет раскрыто, и, вообще, таково массовое положение. Теперь армянам надо думать не о вещах, а о жизни, о том, как уехать из Баку целыми. Ночью Мария осталась у соседки Аси Петросовой. При ней были деньги в размере недавно полученной двухмесячной пенсии и чудом сохраненное бриллиантовое кольцо дочери. Ночью бандиты ногами, топорами выломали дверь и этой квартиры. Обыскали женщин и отняли последнее.

Инвалид войны Грант Арутюнян, работавший до

увольнения разнорабочим кожевенного завода, не выходил из-за опасности для жизни перед погромами из дома. Но и там, в квартире 22, по улице Али-заде, дом 130 его укрытие было ненадежным. 15 января в 8 часов вечера люди, вооруженные ножами, прутьями без труда сломали его дверь и, ворвавшись, начали грабеж. Среди них Грант Миранович узнал своего соседа по дому из квартиры 6—Халила, который активно помогал уносить вещи жене и детям.

Неподалеку, в доме 126 занимала квартиру 21 **Зинаида Арушанова**. Ее, опытную медсестру, еще 1 июля 1988 года уволила главврач детской объединенной больницы им. Караева, сказав, что лучше написать заявление и уволиться по собственному желанию, нежели ждать приказ об увольнении. 14 января в час дня Зинаиду Абрамовну в одном халате выгнали из дома, посадили в автобус, где уже было несколько детей, женщин и один мужчина, и отвезли на паром. Таким же образом забрали жительницу этой улицы, старшую медсестру урологической больницы **Тамару Григорян**, разгромив полностью ее квартиру.

Нора Кабардян была уволена из райпищеторга, где она работала продавщицей, в августе 1989 года. Заперев свою впоследствии ограбленную квартиру по улице Али-заде, 15, она 14 января пыталась уехать скорым поездом Баку-Москва. Мы уже писали, что он опоздал. Бандиты налетели на Нору Мирзоевну, признав в ней армянку, как саранча. Повалили, били ногами, палками, отняли вещи. Солдаты вырвали ее из рук бандитов и повели в «Шафаг», откуда она попала на паром.

В Совнарком Туркменистана работал **Я. С. Назарян**, которого физически уничтожили сталинские репрессии 1937 года. Тогда и пришлось бежать его жене с 13-летней дочерью из города, где их семью хорошо знали, в другой, чтобы суметь хотя бы одной воспитать ребенка. Местом жительства был избран Баку. Здесь училась, окончила школу, а затем и медицинский институт **Нина Саакова**. Но пришлось ей и второй раз в жизни бежать. Теперь из Баку, где она работала начальником отдела лечпрофпомощи детям и матерям Бакздравотдела и жила на улице Наджафа Нариманова, дом 5, квартира 21. Вместе со своим мужем, ветераном войны **Цатуром Сааковым** они звонили дежурному Бакгорисполкома, в милицию, никто не хотел помогать. Последний абонент еще сострил: «Езжайте в Ереван. Вам помогут Арутюнян или Католикос». Так двое пожилых людей были 13 января выдворены из своей пол-

ностью разграбленной квартиры.

14 утром аналогичное варварски проделали с 70-летней **Зоей Мидоян**, живущей в доме 15, по этой улице. Представители народного фронта не разрешили ничего взять с собой. Улицу Арсена Амиряна еще в 1989 году переименовали в улицу Карла Маркса. В доме 62 вместе с женой, матерью, сестрой, дочерью жил инженер научно-исследовательского проектно-конструкторского центра **Завен Буюкян**. Его квартиру также ограбили.

80-летнего пенсионера с этой улицы (дом 11, квартира 40) **Гайка Мелкумова** остановили 12 января во дворе грубым вопросом: «Ты еще здесь?» 13 января ворвались в квартиру человек 10—15. Разгромили все на глазах старика, которого тут же втолкнули в маршрутное такси и отвезли в отделение народного фронта, где он провел ночь с другими изгнанными из своих квартир армянами, а потом отправили на паром. Из квартиры 9 дома 9/5 пришлось вместе со своей пятилетней дочерью бежать, спасаясь от насильников, **Элеоноре Арутюновой**. Работу бухгалтера в системе Насиминского треста общественного питания и ресторанов она потеряла еще раньше.

Инглаб⁹⁴—это широкая улица-проспект, собственно, тоже родилась как противовес старому Арменикенду. Пустынная окраина в начале 60-х годов, она стала усиленно застраиваться, и на ней выросли не только пятиэтажные «хрущобы», хотя с них начиналась улица, но и многоэтажные красавцы, Дом услуг, где постоянно справлялись свадьбы и гремела музыка. Метро «Гянджлик» повышало комфортность этой части города, не ставшей только спальным районом ввиду строительства на улице проектных институтов, других учреждений. В этой части города, особенно, его первых домах-пятиэтажках, заселенных в доалиевское время, жили почти компактно армяне. Старики любили играть в домино во дворах-садах, где деревья и прочие зеленые насаждения выращивались с любовью и заботой. Бросить бы в канун тотальных погромов во всеуслышание клич из блоковской поэмы «Двенадцать»: «Запирайте этажи, нынче будут грабежи». Помогло бы это? И как можно было запереть этажи от нашествия на район хорошо организованных и вооруженных подонков?

Армяне этой улицы были обречены. **Все. Каждый** поименно. Тут не было ни единой промашки. В дом 59 13 января во второй половине дня погромщики ворвались в блок, где находилась квартира 7 **Ирины Новосартовой**,

дамского мастера комбината бытового обслуживания «Бахар». Она успела спрятаться у соседней-азербайджанцев. Квартиру разгромили, ее вывезли из города 17 января.

Таким же знаком беды была помечена квартира Эдуарда Авакова. Его знали многие педагоги бакинских школ. Он долгие годы работал в Бакинском городском институте усовершенствования учителей, затем в Городском управлении народного образования инспектором по школам. В последние годы — заместителем директора железнодорожной школы №1. Вначале из своего окна на 5 этаже дома 88, по улице Инглаб (угол улицы Дружбы молодежи) он видел погромы в соседнем доме. Не стал сторонним наблюдателем, бросился звонить в КГБ по телефону 95-04-91, в оперативную следственную группу МВД республики, районное отделение милиции. Всех оповестил. По второму кругу по этим номерам звонил уже 14 января ночью, когда погромщики ломали железную дверь квартиры. Никто не защитил. Ночью, пока шла «война» с дверью, он успел переправить жену и мать к соседям через балкон 5 этажа.

О дальнейшем рассказывает Эдуард Амирович:

—15 января в 7 часов утра раздались мощные удары о дверь моей квартиры. В половине 8-го утра звоню по телефону в КГБ. Через некоторое время группа милицейских работников 9-го РОВД поднялась на 5 этаж и прогнала, но не задержала (!) тех, кто взламывал дверь. Я видел из окна, как погромщики сели в красные «Жигули» и уехали. Тогда я спустился к работникам милиции и просил их не допускать грабежа. Мне сказали, чтобы я поднялся наверх, оделся и пошел в 9-е отделение милиции, а оттуда нас отправят в Красноволок. Когда я поднялся к себе, то увидел, что дверь не открывается, я почти голый, в ночной домашней одежде остался на улице. Мы ждали, что нас отведут в милицию. В 5 часов вечера во дворе снова появились бандиты, взломали дверь и начали разбой. До этого я встретил наряд спецназа во главе с капитаном милиции, обратился за помощью. Он тоже сказал, чтобы я с женой шел на паром.

Я из укрытия видел, как много коробок из моей квартиры грузилось в милицейскую машину. Вначале думал, что в целях сохранения. По наивности спросил уже в милиции дежурного капитана, где можно получить эти вещи. Он, усмехнувшись, ответил, что их возвратили моим соседям. Это ничем неприкрытый, наглый обман. Милиция

действовала заодно с погромщиками. И еще в конце хочу добавить, что с июля 1987 года был народным заседателем Бакинского городского суда (№ моего удостоверения 193).

После разгрома своих квартир в «Шафаге» оказались сестры Шушаник и Женя Арутюняны. У одной погромлена квартира 33 в доме 98 «в», у другой, в доме 75. Они вспоминают, что до посадки на паром, в кинотеатре перед ними выступали представители народного фронта. Они говорили о том, что к погромам отношения не имеют, все это дело рук КГБ, а их организация занимается тем, чтобы, по-хорошему вывезти из Баку, проводить как следует армян.

Не знаем, чего больше в этих словах: фальши, расчета на полностью морально уничтоженную, физически покалеченную аудиторию? Трудно сказать, но и тогда, издеваясь даже в самом здании над несчастными, обирая их, они думали о том, как сохранить политические дивиденды.

Дом 102 по этой улице был досконально просвечен на предмет национальной принадлежности его жителей. 8 января слесарь ЖЭУ-54 Наримановского района Мамедов со списком в руках прошел по всем армянским квартирам. Список уточнялись, в них заносились фамилии даже малолетних детей. Составитель не молчал при этом, заранее чувствуя себя победителем. Рае Арутюнян из квартиры 4, приемщице из прачечной фабрики, он прямо заявил, что ни одного армянина в городе не останется, всех или вырежут, или голыми проведут к морю, а по дороге, обещал он, их будут бить и плевать в лицо. Это слышали и в квартире 1 Лилия Гаспарова, экономист СПТО «Плодоовощтранс», и ее отец, инвалид войны, пенсионер, бывший работник Домостроительного комбината Григорий Каспаров. Кроме того, сосед в последнее время несколько раз, не стесняясь, бросал им в лицо фразу:

—Сумгаит это журнал, кино впереди, оно будет в Баку.

Рассказывает Рая Мартиросовна:

—14 января в 3 часа дня ко мне ворвались человек 25—30. Окружили меня с ножами, требовали денег. Я ответила, что их нет, тогда один из них, смеясь, сказал: вырвем зубы. Я выбежала, спасаясь от них, во двор. Там тоже толпа. Они меня тянули из стороны в сторону, издевались, смеялись, угрожали, что сейчас изнасилуют. Из рук этих варваров меня вырвали курсанты военного училища, молодые русские ребята, под конвоем которых я попала в отде-

ление милиции, потом на паром. Могу сказать со всей ответственностью: преступление совершалось от имени народного фронта,—завершает свою грустную повесть женщина.

В квартиру 7 дома 109, к делопроизводителю службы тоннельных сооружений Лилии Пирумовой ворвались 14 января человек 100. Они стучали, потом взломали дверь. Об остальном рассказывает Лилия Михайловна:

—Мою старую мать и ребенка вышвырнули сперва за дверь. Все поломали, разрезали телефонный шнур, стали выносить вещи из дома, вытащили телевизор, магнитофон, срезали люстру, из шкафа выбросили все. Когда приставали к матери нож с требованием денег и драгоценностей, то моя дочь Инна узнала в бандите двоюродного брата Сеймура, который учился с ней в одной школе. Соседи из квартиры 5, на втором этаже, недавно обменявшие ее с армянской семьей, вовремя уехавшей в Армению, участвовали в погроме. Когда женщина из толпы забирала нашу постель, моя дочь подбежала к ней, схватила ее за руку, та грубо отшвырнула от себя ребенка, он упал и сильно ударился. Внук этой нашей новой соседки, который после обмена и переезда в Баку стал продавать у метро «Гянджлик» пирожки, постоянно угрожал мне, матери, не раз ломился в дверь.

В погроме участвовало огромное количество людей. Запомнилась женщина, с яростью срывающая с окон занавеси. Ударили по ноге ребенка, сбили с ног мать. Приехала милиция, чтобы отвезти нас в 9-е отделение милиции. Мать из-под кровати вытащила старое пальто и надела его, я была в домашнем халате, дочка в одних колготках, без туфель, по дороге с ней сдернули шарф. Нас повезли в милицию, потом на паром. 16 января мы прибыли в Красноводск.

Женщины возглавляли погром квартиры 43, дома 113 16 января. Кроме того они показали Октябрине Симонян, педикюрше комбината «Бахар» какую-то бумагу из ЖЭУ на право занять ее квартиру. В толпе были мужчины от 17 до 30 лет, дети. Начался грабеж. Октябрину Седраковну, оскорбляя, скрутив ей, словно преступнице, руки, не дав ничего взять с собой, отвели в 9-е отделение милиции, оттуда на паром.

Дом 117, квартира 3. Здесь жил пенсионер Рафаэл Гардашников с дочерью, зятем, внуком. Глубоко переживал смерть погибшего во время прохождения службы в ря-

дах Советской Армии в 1986 году внука Армена, увеличил его портрет, почти каждый день приносил и ставил к нему живые цветы. Не знал Рафаэл Захарович, что придется встать на колени перед вандалами уже на пароме «Советская Грузия» с просьбой спасти от верной смерти другого внука—пятнадцатилетнего Тиграна. Их вместе с отцом, его зятем Георгием Григоряном, электромехаником «Бактоннельстроя», команда парома избивала до полусмерти и хотела выбросить за борт, но люди не дали, да и дед ползал на коленях, в ногах подонков валялся, умолял пощадить внука и зятя.

В ереванскую больницу «скорой помощи», в отделение грудной хирургии Георгий Григорян поступил с диагнозом «травматический пневмоторакс, перелом и повреждение ребер». Врачи его подняли на ноги, но кто восстановит душевное равновесие всей семьи? Кто заставит Гардашников-старшего забыть, как вырвали из его рук самое дорогое—портрет внука, разбили стекло и растоптали, а потом разорвали на мелкие клочки, со злобой, изображением? Они с мертвым Арменом расправлялись словно с живым Тиграном. И еще. Почему растаскивали и грабили вещи в квартире Гардашниковых переехавшие недавно из Масисского района Алиевы? Ведь они обменяли свое жилье, перевезли контейнеры с вещами? Никто их не грабил, так что в данном конкретном случае не нарисуеть образа обездоленных беженцев. Эта семья, как и многие их соотечественники, прибывшие из Армении, злобно орудовали на улице Инглаб, да и в других районах города просто в силу нежелания и неумения трудиться, хищной агрессивности, полной необузданности каких-бы то ни было инстинктов, и привитога, видимо, с детства стремления даже не урвать, а попросту украсть чужое. От этого вывода никуда не денешься, сколько ни приписывай ордам обездоленность беженцев. Не ходят же такими толпами с голодными, бегающими глазами по Еревану и всей Армении беженцы из Азербайджана, в частности, бакинцы.

Отец и сын Алиевы были в толпе погромщиков, кричали: «выходите, а то уьем». В час ночи вламывались с новой силой. Семью вывели работники милиции. На разбой не обращали внимания. Посмеялись, когда у всех вырвали паспорта со словами: «армяне-нация, подлежащая уничтожению, им не положено иметь документы». Анаит Рафаэловна работала педагогом химии и биологии в среднем профессионально-техническом училище №83 после окончания АПИ им. Ленина. С 1988 года на работе и дома

складывалась тяжелая обстановка. В последнее время педагоги училища официально заявили, собрав подписи детей, что армянка не может учительствовать и поэтому ей необходимо уволиться. Не стал ходить в школу и сын Тигран. Родители опасались за его жизнь.

Милиция принимала активное участие в наблюдении за погромами. Достаточно сказать, что во дворе в это время стояли три милицейские машины, из которых никто даже не поднялся в квартиру. Может быть, в Наримановском РОВД обиделись за своих сотрудников Айдына и Сахиба, которые еще в ноябре 1989 года по-хорошему, но ультимативно предложили Гардашниковым уехать и продать им все вещи?

Утром этого дня вывели из своей квартиры 41 Астхик Хаданову. Ее не били и даже дали возможность одеться. 83-летняя женщина, в прошлом врач, не заставила ждать на лестнице 50 здоровых мужчин, сразу открыла дверь и безропотно подчинилась их приказу оставить квартиру, которую, грабили уже без нее.

Родились в Баку Владимир и Шеко Степанянцы, жили на улице Дружбы молодежи, дом 33, квартира 87. На двоих у них приходилось 67 лет непрерывного трудового стажа. Их квартиру грабили сноровисто, со знанием дела. Отобрали документы—военный и партбилеты Владимира Гегамовича, трудовую книжку Шеко Гарегиновны и пенсионное дело Нинель Гайковны Степановой—старшей в доме.

Их соседей из квартиры 33, пенсионеров Гришу и Изабеллу Адамян изгнали из дому по аналогичному сценарию. Ломали, крушили, уносили. Потом отвели в штаб народного фронта. По дороге били, отняли все документы. Деньги и драгоценности взяли раньше. В квартире находился двоюродный брат Изабеллы Исаковны Эдуард Марутян. Хороший специалист, заведующий отделением центра гигиены и эпидемиологии Минздрава Азербайджана, он еще в ноябре подвергся нападению и ограблению в своей квартире 27, по улице Осипенко, 4, в поселке Монтана. Вызванные на место происшествия участковый Наримановского РОВД С. Мамедов и представитель службы уголовного розыска акт о краже и не думали писать. Посмеялись, сказали, что надо думать о себе, своей жизни, а не о вещах. По телефону угрожали ежедневно, приказным тоном требовали немедленного отъезда. Тогда он переехал к сестре, но и в этой казавшейся безопасной квартире раз-

делил участь своих родственников. Облигации «золотого» займа на 3 тысячи и 500 рублей наличными—улов грабителей у врача, десятилетия лечившего их соотечественников.

В доме 41 драма разыгралась 15 января, к 6 часам вечера. Толпа стала собираться под балконом, у входа в подъезд, где находилась квартира 104. Вергина Гамбарян закрыла дверь и поднялась с отцом и матерью к соседям-азербайджанцам на 7 этаж. По крыше сосед увел, а затем отвез в свой гараж и спрятал их там. Вергина осталась у соседей и имела возможность из своего прикрытия следить за действиями бандитов. Не сумев открыть железную дверь, они сломали решетку и влезли в квартиру через окно. Начался грабеж. 4 часа выбрасывалось из окна, уносилось и увозилось имущество семьи. Но грабители жаждали крови. Увидев на кухне зажженную конфорку плиты и горячий чайник, они стали искать людей. Орали: «все равно не уйдете!» Оставили у подъезда до поздней ночи охранников.

16 января семью вывезли в Наримановский РОВД вызванные соседями представители милиции и народного фронта. Уже в отделении потребовали ключи от квартиры. Когда им сказали, что ее уже заняли те, кто, видимо, собирается там жить, они поехали проверить. Приехали с тем же требованием, цинично заявляя, что в квартиру зашли через окно, теперь нужно открыть дверь и нормально войти туда, где они намерены жить. Заметьте, это говорили не погромщики, не обыватели, а стражи правопорядка! Гамбаряны попросили у них разрешения взять из квартиры хоть какие-то совершенно необходимые им вещи. Последовал безапелляционный ответ: «Все в этой квартире достанется им, а паспорт и другие документы вам дадут в Армении». Вергина Гургеновна заключает свое повествование с горечью:

—А ведь еще 11 января сосед дружески предупредил нашу семью: «уезжайте, уезжайте, ожидается переворот и обязательно будут погромы».

Не менее трагичными были изгнание и погром в квартире 47, дома 60. У русского соседа спряталась семья Аветисовых—Владимир и Лидия, их дети Сергей и Алексей. Кому мешал в городе скромный стрелок штаба гражданской обороны? И по иронии судьбы резня и погромы многократно повторились на улице, имеющей нелепое, преценциозное название «Дружбы молодежи». Не менее по-

зорными эти акции были на параллельной улице Алишера Навои. В квартиру 29, дома 22, к Сергею Адамову стали ломиться с утра 16 января. Баррикада у двери не спасла его, лишь разозлила погромщиков. Солдаты доставили его в Наримановский РОВД, оттуда он через сутки попал на паром. Русская—Жанна Михайловна из дома 3, квартиры 41 по этой улице поплатилась исключительно за фамилию мужа—Бадамянц. Из своей разграбленной квартиры она сумела взять лишь сумку. Документы также остались при ней.

О погроме квартиры художницы Тамары Сатян на Ленинградском проспекте мы рассказывали. Остается добавить к этому лишь два известных нам адреса. Эта Новелла Хачатурова из дома 53, квартиры 11 и Жасмен Хапикян из дома 89, квартиры 10, работавшая до увольнения по национальному признаку старшим экономистом завода «Баккондиционер».

В той части Наримановского района, которую в просторечии до сих пор называют Завокзальной, еще одном месте ранее компактного проживания армян Баку, с тем же принципом застройки многоэтажных зданий, только не очень интенсивным, погромы, как и 72 года назад, шли на каждой улице. С одинаковой силой. Мы располагаем лишь несколькими примерами.

Чапаева, 10, квартира 30—таков адрес разграбленной квартиры 82-летнего Захара Захаряна. Ермоня Даниэлян, швея обувной фабрики №2, занимала квартиру 2, дома 71. Она не только лишилась своего имущества, но и видела, как на ее глазах, прямо во дворе 10 человек напали на одного армянина и, окольцевав его, насмерть забили. Преподавателем подготовительного факультета Азинефтехима работала Мери Давыдова. Ее давно уже уволили с работы, сказав, что армянам следует убраться из института. 13 января, в 9 часов вечера, когда она пряталась у подруги, был устроен погром ее квартиры 54, в доме 87. В тот же день, только в 9 часов утра разгромили с помощью милиции, которой дверь открыл сам хозяин—Альберт Налбандян квартиру 27, дома 97. И пришлось на пароме спасаться человеку, которого годовалым привезли 71 год назад родители. Десятилетия воспитательной работы в системе трудовых резервов за спиной Альберта Варламовича. В квартире 55 этого дома жила делопроизводитель общего отдела Госагропрома Азербайджана Светлана Даниэлян. К ней ворвались 10 января. Инвалида войны, 73-летнего

Наполеона Осипова вывели из квартиры 34, по 11-й Завокзальной, 22—милиционер, представитель народного фронта и сосед Алекпер Касумов, которым он открыл железную дверь. Они сказали, что ведут их с женой, опасаясь за жизнь, в милицию до утра. Не дали даже надеть пальто и шапки, взять документы. По дороге утешали: «Вы счастливые, вас не убили. Радуйтесь!» На улице стариков ждала толпа молодежи 16—20 лет. Они улюлюкали, размахивали палками. В этом же доме в квартире 143 жил рабочий ЦУМа Сергей Григорьян. 15 января в 4 часа выломали дверь и, вытолокнув его на улицу, начали погром.

Четко выверенные квартиры армян по улице Спандаряна горели еще 20 декабря. Полновластными хозяевами здесь стали толпы вандалов, действиями которых руководили те, кто называл себя членами народного фронта. В одом платье прибежала в этот день к дочери Амалия Давидян, из квартиры 3, по улице Спандаряна, 47. Ее дочь, Антик, методист дошкольного воспитания Наримановского РОНО жила недалеко, по улице Ага Нейматулла, 55, квартира 5. Не прошло и месяца, как 13 января объектом пристального внимания подонков стала и эта квартира. Среди тех, кто ломал дверь, были и женщины. Соседи вызвали милицию, те сказали, что они не могут гарантировать безопасность, что грабежами не занимаются, весь город в огне. Предложили им освободить квартиру и спрятаться. 14 января их жилище уже было занято посторонними людьми. О дальнейшем рассказывает Антик Суреновна:

— 15 января я позвонила к себе домой по телефону 64-79-49, и мужской голос мне ответил, что разрешение на мои вещи первой необходимости из квартиры я должна получить в отделении народного фронта Наримановского района. Круг замкнулся. На мою квартиру навел погромщиков представитель народного фронта, мой сосед из квартиры 8, который в нее (она была заперта) нахально вселился еще в ноябре, что подтвердил и начальник ЖЭУ-20 Наримановского района А. Фараджев, который меня предупредил, что 12 января планируется захват моей квартиры. 14 января также ворвались в квартиру 24 нашего дома, к моей подруге Галине Егиян. Спасаясь от погромщиков, она стала спускаться с балкона третьего этажа, оступилась, упала, с переломом ее увезла милиция. Куда? Я ничего не знаю о ее дальнейшей судьбе.

Почти у начала этой улицы, в квартире 2, дома 18, жила Аида Амбарцумова, кандидат наук, старший научный сотрудник Азнипинефть. Предоставим ей слово:

— Меня уволили из института 13 ноября 1989 года, сына из АПИ им. Ленина—5 декабря. 14 января ко мне начали стучаться. За 40 минут до их прихода почтальон меня предупредил, что придет с группой народного фронта и выгонит меня из дома. Соседка за меня ответила, что я через день-другой уезжаю. Я звонила в милицию, пока стучали и угрожали, раза три. Наконец, появился милиционер с двумя курсантами, вооруженными дубинками. Народу стало в 5—6 раз больше. Воспользовавшись тем, что толпа побежала за ломом, чтобы открыть мою железную дверь (я жила на II этаже), я спряталась у соседей и была таким образом свидетельницей погрома своей квартиры. Кроме паспорта ничего с собой не взяла. Все соседи были также свидетелями грабежа. Человек 30 ворвались в квартиру, человек 100 стояли у подъезда. Искали меня. И сейчас стоит перед глазами искаженное злобой лицо почтальона. Он кричал, что надо искать меня, потому что я не могла далеко уйти, он недавно разговаривал со мной. Соседи с верхних этажей—азербайджанцы уверяли толпу, что я уехала. Из окна, спрятавшись за занавесью, видела, как подонки жгли мои книги, у меня была библиотека примерно из тысячи томов, многие из которых—уникальные. Вещи уносили и увозили в специально подогнанном автомобиле. Они полностью очистили квартиру, я видела, как один уносил, рассматривая его, даже тройник из ванной комнаты.

Затем пришел сосед, глава семьи, где я пряталась, и сказал, что квартира уже пустая, внутри нее заперлись представители народного фронта, и предложил мне, воспользовавшись этим, незаметно уйти от них. Я вышла. Район кишел народом. Уже было 6 часов вечера, прошло 7 часов с тех пор, как я стала бездомной. Я пошла тихой стороной улицы и вижу около суда по Ага Нейматулла стоит милиционер—старший лейтенант с тремя солдатами. Я обратилась к ним с возмущением по поводу того, что они спокойно стоят, а вокруг них толпа бесчинствует, пылают костры, в которых жгут ненужные вещи, без конца в машинах увозят награбленное. И все мимо них.

Я не успела ничего сказать. Милиционер стал кричать, обзывать нецензурной бранью и меня, и весь мой народ, которому мало, по его словам, одного землетрясения. Этого было достаточно, чтобы стоящие неподалеку пять ребят в мгновение ока оказались рядом и начали меня зверски избивать. На мой крик подбежали двое военных и милиционер, толкая меня, словно преступницу, посадили

в машину и привезли в Наримановский РОВД. После многочасового пребывания в холодном помещении я оказалась на пароме. Меня из милиции вывезли при одном условии, если я напишу на имя начальника отделения В. Новрузова заявление под их диктовку о том, что отказываюсь от своей квартиры и добровольно уезжаю из города. У меня не было альтернативы—такое заявление я написала. То, что с нами произошло—хорошо запланированная акция. Дом, где я жила—кооперативный, построенный институтом, где я десятилетия работала. Стекла армянских квартир были, словно опознавательные знаки, давно выбиты. Их даже вставлять не имело смысла—на следующий день все повторялось. Ко мне постоянно звонили и угрожали до тех пор, пока не привели «приговор» в исполнение. Я морально уничтожена. Мне пришлось видеть, как привели еще осенью полумертвую, избитую, всю в подтеках и синяках сестру моей соседки. На ней не было живого места.

Вместе с Аидой Татевосовной в одном институте долгие годы работала заведующей библиотекой Тамара Саркисова. Жила она на той же улице, только в ее противоположной части, в квартире 6, дома 51. Ее, мужа, дочь и сына выгнали из квартиры 14 января в 4 часа люди, назвавшиеся представителями народного фронта. Взломав дверь, они вместе с милиционерами, торопили их уйти из дома, а во дворе спешно посадили в автобус со словами: «пока не избili, скажите спасибо, мы вас спасаем».

«Спасители» вытащили из сумки Тамары Месроповны 1100 рублей (проезди ей удалось лишь спрятанные в колготках 24 рубля). В это время толпа беспрепятственно грабила ее квартиру. В отделении милиции, куда их привезли, ее попытку пожаловаться резко оборвали: «Мы вас спасаем, вы не видели, что в морге творится, некуда трупы складывать. Считайте, что вам повезло, вы легко отделались, остались живы, никто вас не бил». Мужу Тамары Месроповны, когда он звонил при начале погрома квартиры, еще раньше сказали в этом же отделении, что правильно делают те, кто стучит (!) к вам, вы не имеете права занимать бакинские квартиры. Аветис Михайлович Саркисов отдал республике много лет своего труда, в последнее время работал мастером производственного обучения учебного курсового комбината объединения «Азнефть». Его уже дважды избивали в городе. А директор комбината Ханлар Мамедов уволил его, сказав, что народный фронт требует изгнания всех армян. Жаль, что голос этих лжепат-

риотов своего народа прорезался спустя десятилетия после того, как армяне, стоявшие у истоков развития нефтяного дела, активно участвовали в восстановлении нефтяной промышленности республики в первые годы советской власти. Сколько их было—энтузиастов, самоотверженно трудившихся на промыслах, бурильщиков и операторов? Нет, история беспамятства не прощает! И вред, нанесенный новопришельцами, горячо поощряемыми властями, интеллигенцией, обязательно скажется, если не сейчас, то через годы.

Каменщиком в СУ-24 работал Александр Алексанян. Строил, вкладывал в свой труд умение, опыт. И что? Отблагодарили его за дома, в которых теперь будут жить «обездоленные» бандиты, саранчой налетевшие на Баку? Да, конечно, «отблагодарили», только единственным, доступным их злобной агрессивности, способом. 12 января в 8 часов вечера к нему в квартиру 29, дома 28 позвонили. Он открыл и увидел 7—8 мужчин, вооруженных ломом, топорами, ножами. Один из них приставил нож к Александру Саркисовичу и погнал его в комнату. Там начали бить его, отца, мать с требованием отдать ценности и деньги. У матери нашли на 20 тысяч облигаций и тысячу рублей денег. Взяли, вытащили все вещи из шкафа и ушли. Семья спряталась у соседей. 14 января по их вызову солдаты МВД вывели жертвы в Наримановский РОВД, оттуда отправили на паром.

В квартире 15, дома 36 около 20 вооруженных подонков до полусмерти избили старика, который в этот же день скончался в больнице Семашко, а его дочь Татьяну Багдасарову выгнали в одном платье на улицу. Имуущество разграбили, документы сожгли.

Нина Осипова из квартиры 72, дома 42 своего отца не видела. За две недели до ее рождения в 1938 году он, ветеран партии, был арестован. Тогда же ее маму с двумя маленькими детьми выгнали на улицу, как семью репрессированного. Ошибка была впоследствии исправлена: отца в 1953 году реабилитировали и восстановили в партии. В 1959 году, как семья посмертно реабилитированного, она вместе с матерью и двумя детьми получила трехкомнатную квартиру. История повторилась—теперь она с двумя детьми на улице. Без вещей и крыши над головой.

— Закон джунглей в этой республике?—в растерянности спрашивает Нина Суреновна. Ведь в моей квартире в ночь с 13 на 14 января поселились чужие люди и живут там преспокойно, пользуясь моими вещами.

О том, какой жесткий, вторичный контроль по выявлению оставшихся драгоценностей, денег, случайно неограбленных квартир проходили собранные в Наримановский РОВД армяне, рассказывает строитель, ранее живший в доме 49^а, в квартире 31, на этой же улице Эдуард Самсонович Задунц:

— Ко мне ворвались человек 150 с топорами, ножами, ломом 14 января в 2 часа дня. Угрожали, требуя денег и драгоценностей. Грабили вещи и в 6 часов вечера привезли автобусом марки «ПАЗ» в отделение милиции. Там уже находилось примерно 200—250 армян. В 10 часов вечера к нам пришли несколько человек, видимо, руководителей отдела, и стали расспрашивать, у кого какие жалобы. Все сказали, что есть, но они на это как-то не обратили внимания. Один даже махнул рукой, дескать, хорошо, потом разберемся. Их интересовало другое: они спросили, в чьих домах не было грабежа и кто вышел из своих квартир незамеченным, неизбитым. Иными словами, кого миновала встреча с грабителями. Таких оказалось человек 6—8. Милиционеры ушли в соседнюю комнату, куда поочередно вызывали каждого из них и подробно допрашивали, отбирали ключи. Нас не трогали. Это продолжалось до 12 часов ночи. Потом нас всех автобусом твезли на паром. Доставили, что называется, с комфортом.

Так же «повезло» и Феликсу Каспарову, машинисту тепловоза транспортной конторы «Азнефти». Его не было дома, а когда он вернулся к 6 часам вечера, то увидел разграбленную квартиру. Соседи рассказали, как били его мать, плевали ей в лицо и куда-то увезли. Нам трудно сказать, нашел ли ее сын. Дай Бог, чтобы нашел. Жили они в квартире 42, дома 68.

И последний адрес, которым мы располагаем по улице Ага Нейматулла—это дом 27/68, квартира 24. Жила там Анна Зальянц, экономист управления исправительно-трудовых учреждений МВД Азербайджанской ССР. К ней начали стучать в 10 часов вечера 13 января. Верхняя часть двери была стеклянной, с решеткой. Они разбили стекло. Остальная часть переговоров, если можно так парламентски обозначить действия грабителей, велась оттуда. На вопрос, что им надо, последовал ответ: «квартира, ее немедленное освобождение». О дальнейшем рассказывает 66-летняя Анна Макаровна:

— На их требование я ответила, что не могу покинуть квартиру свою минуту. Тогда они дали мне срок до утра. Я только успела закрыть фанерой место, где было стекло, как ко мне стала ломиться, и через 15 минут ворвалась

другая группа. Они сильно меня били. Один сбил сильным ударом с ног, затем, встав коленями на грудь, пытался задушить. Другой, издеваясь, предложил ему нож, он сказал, что и так справится. Они разорвали на мне платье. Беспрепятственно грабили квартиру. Этот грабеж спас меня. Я убежала к соседям. Потом явилась еще третья группа. В основном, женщины. Они уносили вещи, потом закрыли дверь и написали на ней, что квартира продана. Потом я попала на паром.

Читатель, надеемся, поймет, почему мы указали почтенный возраст этой женщины. Подонков он не остановил, а милиция не стала спасать даже своего многолетнего коллегу. Национальная гордость, гипертрофированное национальное самосознание не позволили.

Итак, мы оказались в центре поселка Монтиня, где погромы, грабежи, насилие беспрепятственно шли с большой силой. Здесь также более или менее компактно проживали армяне—высококвалифицированные рабочие-нефтяники, машиностроители, просто строители. Сусанна Саруханян из квартиры 1, дома 49 по улице Хулуфлу видела из окна соседней квартиры погром своего дома, происходивший в ночь с 13 на 14-е. Таким же образом у соседней азербайджанцев прятался столяр Бакгорсправки Валерий Степанян из квартиры 33, дом 51 по этой же улице. Его предупредил 15 января, в 10 утра участковый инспектор о том, чтобы все освободили квартиры, потому что со списками в руках толпа ходит по улице. Сын соседей отвез его семью в Наримановский РОВД. Раньше, 13 января была ограблена квартира 41, по улице Самеда Вургуна, 49, где жила его мать.

О погроме и захвате квартиры 37, дома 55 рассказывает ее бывший житель, участник войны, почетный железнодорожник республики Ашот Саркисян.

— 12 января, в половине восьмого вечера мы увидели во дворе толпу неизвестных лиц. Тогда мы решили уйти из дома и спрятаться в соседней воинской железнодорожной части. Уже оттуда, позвонив соседке, узнали, что буквально через 30—40 минут после нашего ухода вооруженные бандиты ворвались в квартиру, взломав замок, и стали грабить имущество, выносить вещи. Когда мы попытались нанять помощь в Наримановском РОВД, позвонив туда, нам ответили, что этим вопросом будет заниматься участковый, майор милиции Аскер Алиев. Мы позвонили ему, он прямо сказал, что на его участке много таких «ЧН», и как только он освободится, пойдет, поговорит с теми, кто захватил нашу квартиру. При этом он добавил, что для офи-

циального разговора с ними, их выселения ему нужна санкция районной прокуратуры. Понимая, что ничего не добьемся у официальных органов, призванных по долгу службы нас защищать, мы решили связаться по телефону с самими захватчиками и попросить освободить квартиру, хотя бы для того, чтобы взять ценные, нужные вещи, а также оставшиеся в квартире деньги. Услышали грубый ответ, что их здесь поселил народный фронт, никуда они не уйдут, никаких вещей не отдадут, милиции не боятся. И еще добавили: «чтобы вы не надеялись на получение своих вещей, мы позвали к себе соседей-азербайджанцев и заставили их подписать, что здесь, в квартире от вас ничего не осталось. И если вы только посмеете придти, мы вас уьем. Жаль, что мы вас выпустили».

— После этого,— продолжает Ашот Аванесович,— нашей основной проблемой было не попасть в руки боевиков и вырваться из города. Одновременно с нашей семьей в доме оставались муж и жена Сергей и Эмма Давидяны. Они занимали 3-х комнатную квартиру на третьем этаже. Сергей—инвалид войны, тяжело больной, до 15 января мы с ними разговаривали по телефону, что произошло потом—неизвестно.

В соседнем доме 57, в квартире 79 жила прессовщица макаронной фабрики, которую выгнали 24 ноября с предприятия, куда она пришла 38 лет назад. Итак, слово Раисе Айрапетовне:

— Я родилась в 1935 году, в семье рабочего. Сейчас моя семья состоит из 6 человек, четверых сыновей и нас с мужем. Дети и муж поехали искать возможности трудоустроиться в других городах страны. Я осталась, как теперь принято говорить, сторожить квартиру. А что было делать? Меня преследовали на улице, постоянно звонили по телефону. 15 января толпа выламывала дверь моей квартиры. Ворвались ко мне, требуя, чтобы я немедленно ушла. Избив, выгнали меня из дома, я даже не успела одеться, взять с собой документы и ценности, нажитые за десятилетия нашего с мужем труда. Я наивно верила в свою защищенность, в законы, в государство.

Огромная толпа ждала моего выхода из подъезда. Тогда я забежала к соседке, чтобы позвонить в милицию. Приехав, милиция потребовала 100 рублей, чтобы вывести меня живой из толпы и отвести в РОВД. Денег не было, тогда я, сняв кольцо с пальца, отдала его милиционерам. Только получив его, они отвели меня в отделение, где, не зарегистрировав всего происшедшего, отправили на паром.

О тесной связи милиции с погромщиками свидетельствует и **Кнарик Даниэлян**, пекарь хлебозавода №4, жительница поселка **Монтин**. На ее двери висела фамилия **Мамедовых**. Она с мужем сидела в своей квартире, не зажигая света, когда 13 января пришли погромщики. Соседка сказала, что здесь живут турки-месхетинцы, они поехали за вещами, скоро вернутся. Ушли. 14 января снова пришли. Отключили телефон, отрезав провод. Соседка снова им сказала о турках-месхетинцах. Они вновь ушли. И тогда **Кнарик Айрапетовна** с мужем допустили почти смертельную ошибку: соединив вновь телефонный провод, позвонили в милицию. Оттуда ответили, чтобы они быстро убирались из квартиры, что ничем им помогать не будут. Ультиматум завершился нецензурной бранью. И почти тут же приехала милиция с представителями народного фронта и стали ломать дверь. Их было человек 30—40, вооруженных ломом, дубинками, арматурными прутьями. С ними было четверо милиционеров. Ворвались. Раздели **Кнарик Айрапетовну** и увидели на ее теле пояс-косынку с припрятанными облигациями 3%-го займа на три тысячи рублей, кулон с цепочкой, два золотых кольца. Супруги вырвались из рук милиционеров, но их догнали, посадили в автобус и повезли в отделение. Там, в комнате, переполненной другими армянами, продержали несколько часов, затем отправили на паром.

Квартиру 19 по улице 4-я Южная, дом 4, где жил дежурный морского вокзала **Валерий Цагурия**, разграбили в этот же день. Его семья—отец, жена, дети, проделала аналогичный путь в милицию, оттуда на паром.

«Так вам и надо. Убирайтесь!»—ответили коротко и ясно в милиции 73-летней **Пайцар Арзумановой**, жительнице квартиры 11, дома 12, по улице **Байдукова**, когда она пыталась искать там защиты от шантажа и угроз. С 26 декабря звонили постоянно, грозили убить. Снова—звонок о помощи в милицию, снова издевательский ответ: «Обращайтесь в Армению, к Арутюняну». Зато 14 января, когда в 5 часов вечера погромщики ворвались в квартиру, они в полной мере ощутили на себе насилие. Квартиру разгромили, ее с больным мужем и сыном выгнали на улицу, не разрешив с собой взять ничего. На улице они прошли сквозь строй беснующейся толпы. Их били по чему и как попало. В милиции, куда их довели, повторили старое: «так вам и надо!»

Для 75-летнего **Паруйра Саркисова** с 3-й Южной, дом 11, квартира 37 бакинский геноцид был вторым в жизни. Ему, ветерану войны и труда, старейшему работнику завода им. **Шмидта**, отдавшему предприятию 55 лет жизни, пришлось уже однажды бежать из Карской облас-

ти Турции. Правда, тогда его мать держала на руках. Из Баку он еле-еле ушел своими, уже не всегда слушавшимися хозяина, ногами. Но до этого 12 ноября его до полусмерти избили на улице. Их с дочерью и 10-месячным внуком спасла соседка-азербайджанка. Но ее предупредил участковый 14 января в 11 часов вечера, что если армяне не покинут город, угол, где прячутся, то завтра живы не будут, и ее дому грозит опасность за укрытельство. Так они оказались в 13-м отделении милиции, где на их глазах избивали соседей: мужа и жену 80 и 80 лет.

В соседней 31 квартире этого дома жила **Лидия Амелянц**, работавшая старшим инспектором отдела кадров ДСК-3 Главбактрострой. Атаковать ее жилище стали 14 января днем. В 12 часов к месту событий прибыл участковый **Салех Керимов** и председатель КГБ. Женщина просила дать ей минимальный срок собраться, но участковый сказал, что не ручается за ее жизнь: сейчас снова придут люди, которые ее растерзают. Он привел солдат с дубинками для сопровождения, но не забыл при этом вынести цветной телевизор «Рубин» к соседке, сказав, что возьмет его потом себе. Позднее, еще в Баку, **Лидия Герасимовна** узнала, что в ее квартиру вселилась женщина с детьми, которая, не стесняясь, во всеулышание заявила, что заплатила деньги народному фронту и теперь эта квартира ее. 17-го утром **Амелянц** отправили на паром.

Единение погромщиков и милиции было полным, что особенно ярко проявилось в Наримановском районе, в частности, в поселке **Монтин**. Седе **Даниэлян**, работавшей хозяйкой в ЦК КП Азербайджана, жительнице квартиры 12, по ул. 50-летия ВЛКСМ, дом 2, участковый **Эльхан** сказал в ответ на жалобу по поводу того, что ее 7 января не пустили в свой дом: «Хорошо и делайте, уезжайте, что сидишь». Так и пришлось семье, полностью ограбленной, покинуть город. Не раз нападали на квартиру работницы завода **Мусабекова**, живущей на этой же улице, в доме 20, в квартире 30 **Людмилы Шахвердян**. В милиции отвечали так же, как и всем другим армянам. 13-го ночью окончательно выгнали семью из дома, квартиру захватили со всем принадлежавшим старым хозяевам имуществом.

Не посчитались бандиты с прошлыми заслугами пенсионера Министерства обороны СССР **Якова Арустамова**, когда 12 января вломилась в его квартиру 47, дома 5. Они грозились поджечь весь дом. Соседи, испугавшись за свое благополучие, позвонили в милицию. Им сказали, чтобы они не защищали армян, которые заслужили все то, что с ними делают. Разгромив квартиру, бандиты ушли, заперев стариков и оставив на дверях записку о том, что здесь

занято народным фронтом завода им. лейтенанта Шмидта. 14 января за семьей заложников в собственной квартире пришли милиционеры и представители народного фронта. В милиции на вопрос, почему не приехали на вызов, отвечали, что не хватает людей, везде — погромы. Потом Арустамовых отправили на паром.

О том, чем закончилась жизнь в ведомственном доме завода им. лейт. Шмидта, где свыше полвека проработал в горячем сталелитейном цехе отец, участник войны, более 30 лет — в здравпункте мать, десятилетия — бабушка, рассказывает **Бениамин Саркисян**, житель дома 15а, квартиры 8, по улице Наметкина:

— 10 декабря пришел ко мне главный инженер ЖЭУ с двумя незнакомыми людьми якобы для осмотра квартиры. 12 декабря группа хулиганов сделала попытку ворваться, били меня по лицу, шее, у меня лопнула перепонка уха. Соседи вызвали милицию, но те явились через продолжительное время, даже не зарегистрировав случай хулиганства и побоев, затем пришел участковый, который меня строго (!) предупредил о том что нападения будут повторяться, и он не может отвечать за хулиганов. Посоветовал уехать из города как можно скорее. Кроме хулиганов пришел работник завода Фуад Велиев и сообщил, что заводское отделение народного фронта предоставило квартиру ему. После этого он сорвал на двери табличку с фамилией деда, отца и моей, которая висела там со дня ввода дома в эксплуатацию в 1948 году, и повесил свою. На протяжении нескольких недель моя квартира была осажденной крепостью, на нее совершались набеги ежедневно и поочередно — то Велиева со своей командой, то хулиганов. При вызове милиции, спрашивали: армяне? Получив утвердительный ответ, нагло отвечали: «на такие вызовы не являемся».

— Самое страшное в бакинских погромах, — продолжает Бениамин Григорьевич, — что ни одна инстанция никак не реагировала на происходящее, не оказывала никакого противодействия хулиганствующим молодчикам. Собственно, среди них были люди вполне зрелого возраста. И что хуже всего, женщины и дети. Кто из них вырастет? Все официальные лица, к кому мы обращались, хором советовали уехать из города как можно скорее. Велиев врзал новью замки и сказал, что он получил квартиру со всем имуществом. Сам поехал в деревню за семьей. Таков итог: я рабочий с 30-тилетним трудовым стажем, моя мать, участник войны, ветеран труда, остались без крова, имущества, средств к существованию. А Велиев вместе с ведомственной квартирой получил право пользоваться вещами,

нажитыми постоянным трудом трех (!) поколений нашей рабочей семьи. О какой социальной справедливости могут рассказывать со страниц газет, телевизионных экранов руководители Азербайджана, один из которых, правда бывший, председатель Совета Министров республики Гасан Сеидов, хорошо знал и отца, и деда, потому что сам работал на заводе?

Лицемерие, лживость партийной верхушки соседней республики четко прослеживается на примере судьбы **Бабкена Егиянца**, главного механика парома «Советская Нахичевань», заслуженного работника Каспийского морского флота и... кандидата в члены горкома партии. Его жена — Людя преподавала в школе № 39 черчение и рисование. Спасибо, его вывезли на собственном пароме. Но до этого он хлебнул унижения человеческого достоинства до конца. 3 дня — 12, 13, 14 января погромщики ломали дверь его квартиры. Но она была добротной, железной. 3 дня семья сидела, притаившись, в своей квартире, не зажигая света, не включая радио и телевизор. 3 дня они слышали истощенные на весь подъезд крики бандитов: «Бабкен, если ты мужчина, открой дверь!» Их вывели, воспользовавшись коротким перерывом, который устроили себе погромщики, к концу третьего дня. Уже потом соседка, с которой удалось связаться, рассказала, что в их квартиру вошла вначале первая партия народного фронта, которая и начала грабеж. Вторая группа пришла с участковым и продолжила начатое. И только третья группа вселилась, им и перепало все оставшееся после двух погромов. Нам же осталось только сообщить адрес бывшей квартиры бывшего кандидата в члены Бакинского горкома партии — улица Гасан-Оглы, дом 14^а, квартира 31.

Московский проспект — сквозная артерия поселка Монтана, берет свое начало у железнодорожного вокзала и является первым, самым сложным отрезком трассы, ведущей в аэропорт. Он всегда перегружен транспортом, по обе его стороны прочно обосновались ведущие промышленные предприятия города. Но есть там и жилые дома. Квартиру 5, дома 2 ограбили беспрепятственно. Но над ее бывшим съемщиком, экспедитором строительного управления Бакгорисполкома **Андроником Акоповым** поиздевались на улице. 13 января у дома его остановила довольно большая группа, которая спросила: «есть ли во дворе армяне». Он ответил отрицательно. Тогда они пошли за ним и потребовали денег и золота, отобрали ключи и начали избивать. По иронии судьбы все это происходило против здания Наримановского райисполкома, из окон которого

советские служащие спокойно наблюдали за избиением. Собрались любопытные, но никто даже не подумал помочь. Один из мучителей даже показал удостоверение, там была проставлена фамилия «Буниатов». Он отобрал ключи, накинуд на Андроника Христофоровича веревку, и так, с веревкой на шее повел его по улице, поднял на III этаж РОВД. Ключи от квартиры передал своему дружку.

Поваром пожарной учебной части МВД Азербайджана работала **Варсеник Мурадова** до 10 января, когда ее вызвал начальник подразделения, полковник Кулиев и предложил уволиться, ввиду того, что не может отвечать за ее жизнь. 15 января в 5 часов вечера к ней домой, по адресу Московский проспект, 73а, квартира 32 пришли сержант милиции в сопровождении еще одного азербайджанца, которые потребовали немедленно удалиться, оставив все имущество. Ее ударили, напали на зятя, жестоко его избили, обоих на автобусе повезли в Наримановский РОВД, начальник которого им, как и многим другим, сказал классическую фразу: «Благодарите Бога, что только отняли имущество, а не убили». Под Богом этот ничтожный начальник в мундире высокого милицейского чина имел ввиду, видимо, себя и своих подчиненных.

Квартира 22, дома 79/2. Здесь жила преподаватель истории школы № 200 **Эмма Агабекян**. Она много и напряженно работала. Чтобы учить интереснее, полнокровнее, постоянно училась сама. В 1968 году была участницей первых всесоюзных педагогических чтений. Училась в заочной аспирантуре МГУ им. М. В. Ломоносова, где с 1973 по 1975 годы сдала три экзамена — кандидатский минимум. В 1972 году закончила вечерний университет марксизма-ленинизма. Была завучем школы, целый год заменяла директора. Участвовала во всесоюзных научных конференциях, печаталась на страницах центральной, республиканской и местной печати. Но все это было в прошлом. Прекрасный специалист был отдан на растерзание даже не толпе, нет, а учащимся школы, которыми умело управляла завуч **Севи́ль Расулова** и другие, ей подобные, бывшие коллеги **Эммы Арамовны**.

28 ноября после болезни она встретила ее у входа в школу и заявила, что та напрасно явилась на уроки, что единственный для нее вариант — написать заявление об увольнении:

— Я против того, — кричала **Севи́ль Аслановна**, собирая сочувствующую аудиторию, — чтобы армяне преподавали в наших школах, тем более, что ни одного азербайджанца в Армении не осталось.

О дальнейших событиях рассказывает **Эмма Арамовна**:

— 1 декабря директор **Н. Дойникова** под давлением народного фронта заставила меня написать заявление. Одновременно со мной были уволены 11 учителей-армян. За две недели до увольнения была ограблена и избита учительница русского языка и литературы **Жанна Ходжабекян**. Весь ноябрь школу буквально терроризировали представители народного фронта. Дети-азербайджанцы оскорбляли детей-армян, в результате последние перестали посещать занятия. Заранее подученные, учащиеся школы провожали меня, учительницу с 30-летним стажем, с камнями в руках. Они бежали за мной по улице, смеясь и крича: «Бейте ее, она армянка».

15 января двое милиционеров и человек 20—30 представителей народного фронта потребовали немедленно покинуть квартиру, ключи от которой тут же отдать им. Сказали: «Сюда ты больше не вернешься». Это была кооперативная квартира, полностью мной оплаченная. За что так с нами поступили? В августе 1989 года у меня умерла мать, похороны состоялись в присутствии семи человек, из них только трое мужчин. Я даже не сумела оформить пенсию. 15 ноября обратилась в собес Наримановского района. При сдаче документов попросила расписку у инспектора **Байрамова**. Он замахнулся бумагами на меня, выругался и сказал, что в течение суток может выселить меня из Баку, отказался выдать пенсионную книжку. Тогда я обратилась в ЦК профсоюза, в Министерство социального обеспечения. Там мне дали незаполненную пенсионную книжку. Отнесла ее в собес. **Байрамов** и тогда отказался мне выдать ее, назначив придти на следующий день. Естественно, я не пошла. Так меня без документов, пенсии, ограбленную и изгнанную из дома, на пароме выдворили из города, где я родилась.

Педагог музыкальной школы №1 по классу фортепиано **Римма Каспарова**, чья квартира 20, в доме 85 была также на особом учете, из незваных посетителей своей квартиры помнит одного представителя народного фронта, размахивающего перед ней мандатом, выданным Физулинским отделением своей боевой «демократической» организации. Она успела на мандате прочитать только его имя — **Аяз**. Выгнали ее из квартиры 15 января. Среди толпы узнала одного сотрудника милиции, которого звали **Физули**. Из Наримановского РОВД путь ее лежал на паром.

Непосредственно с юга примыкает к поселку **Монтина**

район, десятилетиями именуемый «Черным городом», хотя ему недавно дали новое национальное имя «Хатаинский», увековечив таким образом шаха-поэта и одновременно расправившись (уже в который раз!) с мертвым Шаумяном. В нашей картотеке есть адреса беды с нескольких центральных улиц этого района. О поселках и отдаленных новых жилых массивах, где охотно давали квартиры армянам, переселенным из центра или Арменикенда, речь впереди.

Сейчас о центральных улицах района. Барина 27 «д», квартира 5. Во дворе этого дома забили почти насмерть скончавшегося через несколько минут в Сабунчинской больнице 35-летнего **Александра Петросяна**, рабочего завода эмальпосуды, откуда его выгнали еще в сентябре 1989 года. Случилось это 14 января в 5 часов вечера. Рассказывает его вдова **Рита Петросян**:

—Муж был дома, когда я пошла по неотложному делу к подруге. Возвращаясь, во дворе увидела около ста азербайджанцев из народного фронта. Успела заметить, что на полу лежит мой муж—голый, весь в крови. В этот момент меня, схватив за руку, спрятала в своей квартире **Таня Беличева**. Муж кричал: «Я ничего не вижу, помогите». Ему выбили глаз, отбили почки, легкие. Другие грабили нашу квартиру, уносили вещи. Искали меня. Потом ушли. Отвез мужа в больницу сосед **Володя**. Он был еще живой, в больнице в полном сознании, в страшных мучениях, скончался. Соседи—**Эмира**, **Люба** рассказывали мне, как его били. Я застала только конец трагедии и теперь осталась с двумя маленькими детьми на улице.

У **Елены Назарян**, лаборантки НБНЗ им. Владимира Ильича, живущей по улице Тельнова, 9/16, квартира 9, история менее трагична хотя бы потому, что ее муж и двое сыновей живы. Их спасли русские соседи. 15 января выгнали из дома, имущество разграбили, мебель разбили. Без верхней одежды они оказались на пароме. Но **Елена Макаровна** поделилась ценным, на наш взгляд, свидетельством о событии, очевидцем которого из окна своей квартиры ей удалось быть:

—Мы видели, как сносили памятник **Шаумяна**. Собрались много народу, солдаты со щитами, в бронежилетах, милиция, подъехала техника. 4 человека залезли на голову памятника и стали разламывать лицо. После этого зацепили трос и потянули: памятник упал. Отлетела голова, вокруг нее положили 4 покрышки и зажгли. Во время загорания и сжигания покрышек (мрамор, естественно, не горел)

толпа орала: «Ура!» Солдаты и милиция после сброса памятника уехали. На следующий день на постамент посадили собаку и опять орала: «Ура!» После того, как положили постамент, позвали мальчика лет 10—12 и заставили его там опраться. Затем место, где стоял памятник, заложили плитами. Так творение скульптора **Сабсяя**, которым он гордился и которое возил на многочисленные выставки, закончило свое существование.

14 января в 3 часа дня погромщики хозяйничали на улице **Гагарина**. Пришлось из своего дома 2, квартира 19 спастись с помощью соседа-лезгина **Эмме Мардян**, дезинфектору отдела дезинфекции района им. 26 бакинских комиссаров, ее мужу, сыну, брату мужа, в домашней одежде, взяв с собой только паспорта.

Аналогичная судьба постигла водителя **Александра Арзуманяна** и его квартиру 37, по улице 9-ая Заводская, 6.

Зыхское шоссе продолжает Рабочий проспект и проходит почти у моря, составляя вместе с ним южную границу района. В доме 126 в квартире 9, жил электромонтер судоремонтного завода имени Закавказской Федерации **Михаил Мартиросов**. 43 года он работал на этом предприятии и хорошо запомнил ночь на 13 августа 1989 года, когда во время дежурства к нему подошел начальник караула, охранник **Керим** и, предупредив его о том, что на территории появились 4 азербайджанца, которые хотят его убить, посоветовал спрятаться. Выпрыгнув через окно и спрятавшись в подстанции, в 7 часов утра электромонтер встретил у проходной своего начальника **Виктора Журавлева** и все ему рассказал. **Виктор Николаевич** посоветовал взять отпуск и переждать события. Но больше не пришлось возвратиться в коллектив **Михаилу Арменаковичу**.

13 января события перенесли уже на другую, домашнюю территорию. К нему зашли трое, назвав себя членами народного фронта, и грубо спросили:

—Ты еще здесь?

А куда мне деться?—спросил **Мартиросов**.

—В Армению убирайся,—последовал ответ.

Они ушли, но всю ночь звонили. Спрятавшись у соседей, **Михаил Арменакович** видел, как бандиты ворвались в его подъезд. Им услужливо помогала соседка **Месъма Мамедова**. Она принесла лом, с помощью которого они взломали дверь. В РОВД, куда он позвонил, не стали даже слушать, резко оборвали, сказав, что ничем ему не могут помочь. **Михаил Арменакович** понимал, что подвергает опасности соседей-азербайджанцев, у которых пря-

тался, и 16 января с семьей, приняв особые меры предосторожности, отправился на паром.

Лилия Авакян из дома 32, квартира 3, работала старшим продавцом филиала №3 универмага «Баки». Ее новая пятикомнатная квартира со всем содержимым стала добычей бандитов. Она спаслась, укрывшись на территории воинской части Краснознаменной Каспийской флотилии. 15 января ее на военном корабле доставили в Махачкалу. Корабль был полон беженцами. О них рассказывает Лилия Григорьевна:

— Когда я увидела этих несчастных, то забыла о своей потере — недавно полученной и обставленной квартире. На корабле были две сестры пожилого возраста с сильными ожогами на теле. Они жили где-то в поселке Монтина. Рассказали, что их избили, облили бензином и сбросили в яму, а потом подожгли и убежали грабить квартиру. Им обеим удалось выползти из ямы и частично, помогая друг другу, погасить огонь в лужах. Но в яме полностью сгорели их престарелая мать и инвалид-муж одной из них. Среди пассажиров корабля находилось много избитых людей, и все были ограблены.

Случайно живой, но бездомной, изгнанной из разоренной и занятой погромщиками квартиры 65, дома 76 по Зыхскому шоссе, выбралась из кровавого города Алмаст Мартиросова, комплектовщица фабрики деталей обуви.

Баиловские адреса армянских квартир были хорошо известны отделением народного фронта и действовавшим с ними заодно, а вернее пользующимся их повседневным покровительством — погромщикам. 13 января сразу же после митинга у Дома правительства, вывели из дома по адресу — улица Леонова 15/21, квартира 22, супругов Кима и Жасмин Далакян. Погромщики жестоко отомстили русским друзьям Инне, Гарику, Сергею Шпак за то, что они помогли вовремя уехать семье Далакян, избили их, поломали машину.

Этот субботний день начался как обычно у 60-летнего санитаря 3-й больницы, жителя улицы Бухтинская, 50, квартира 10, Петра Ахиянца. Ему угрожали во дворе, грозили убить. Но когда он переступал порог своего дома, то оставял за дверью все неурядицы, проблемы. Потому что дома находилась жена — Варя Карамян, инвалид, прикованная к постели. Все его помыслы были связаны с ней, с тем, как предупредить ее любое желание. В воскресенье, 14 января с утра он искупал жену, потом накормил ее.

Приготовил обед, посидел рядом с ней, еще раз накормил. В 7 часов вечера начали ломать их дверь. 30 человек ворвались в квартиру и стали искать драгоценности, золото. Сорвали с его жены кольцо, серьги, перевернули под ней матрас, скинули ее с кровати и столько били, что она скончалась. Потом вытащили из кармана Петра Аршаковича 535 рублей, били его палками, прутьями, издевались над ним, смеясь, обещали сами «похоронить» его любимую супругу. Отвезли его в милицию района имени 26 бакинских комиссаров, оттуда на паром.

Тем же маршрутом и в тот же день оказалась на этом транспортном средстве пенсионерка 76-летняя Люсик Айрапетян с улицы Красина, 25, квартиры 29. С утра 14 января погромщики проникли к ней в квартиру. За неделю до этого по нескольку раз в день ей звонил крикливый женский голос с требованием немедленно убираться из города.

Совершенно определенно высказывается о хорошей предварительной подготовке и организации погромов, точно выверенном списке армянских квартир Георгий Гишиянц, педагог физкультуры школы №163, живший по улице Ханяра, 26, квартира 37. Его семью спасла соседка-татарка, спрятав их у себя. Вовремя она пришла за ними, потому что погром начался тут же. Сосед отвез их во флотилию.

Погромщики ворвались в квартиру 17, дома 2 по 1-му переулку нефтяников, где жила Софья Андриян с матерью, и двумя детьми, один из которых инвалид I группы, 15 января, в 8 часов вечера. Они разгромили квартиру, перерезали телефонную связь. Оставили ночью трех своих представителей. Один показал документ, что он работник райкома комсомола. Не разглядела Софья Ашотовна, у которой плохое зрение, какого именно района. Другой сказал, что работает на судоремонтном заводе имени XXI съезда КПСС. Утром ее с семьей, избитую, доставили в РОВД имени 26 бакинских комиссаров, оттуда на паром. Также били, издевались, а потом изгнали из дома 10, по Большому Баиловскому переулку Сергея Харатяна с женой.

В другой части города, (она изначально, еще в прошлом веке, строилась, как мусульманская, на бывшей его западной окраине, от которой в 60-е годы нашего столетия взяли начало целые жилые массивы, микрорайоны и поселок Мусабекова), погромы носили более локальный, «осто-

рожный» характер. Ведь ненароком можно было причинить вред и своему народу. С другой стороны, такая немасшовость, некомпактность проживания армян в Октябрьском районе предопределила индивидуальный, особо жесткий подход к каждому из них. На старой улице Мирза Фатали Ахундова, ранее именуемой Нижняя Таза-пирская, в непосредственной близости от мечети в квартире 36, дома 3 тихо доживал свой век 83-летний Арам Какалов. В прошлом инженер-строитель, он уже 11 лет был на пенсии. Похоронив три года назад жену, жил один. И внешний мир давно для него ограничился пространством двухкомнатной квартиры с выходом из нее с помощью книг или телевизора. 15 января народный фронт дал ему двухдневный срок, чтобы покинуть город. Но и эти дни им показались слишком щедрым даром старику. 16 января с утра человек 10 бесцеремонно вытолкали его за дверь на улицу, предварительно забрали 250 рублей—все, что он сумел за год отложить из пенсии. Дорога Арама Григорьевича шла к сборному пункту армян в районном отделении народного фронта по улице Низами, 15. Молодым людям из азербайджанского «демократического» движения доставляло особое удовольствие издеваться над стариками. Они заставляли его маршировать на месте, приседать и подниматься, стоять по стойке «смирно». Рядом с ним то же самое проделывал 85-летний старик. Его соседя Александра Тер-Багдасаряна избивали еще сильнее, может, оттого, что был помоложе, приставили к горлу нож, а потом увели в неизвестном направлении. Остальных армян посадили в автобус, который потом медленно колесил по городу, видимо, специально для создания особых удобств толпе, которая буквально поджидала его на каждом перекрестке этих узких улочек. В автобус летели камни, в разбитые стекла просовывались железные прутья, палки хулиганов. На морском вокзале при посадке на паром их держали 6 часов под открытым небом. Избитый старик не имел 25 рублей, которые на пароме открывали доступ к койке в каюте, и потому он лег прямо на палубу. Стоять после целого дня издевательств, побоев, муштры Арам Григорьевич просто уже не мог.

К счастью, Зинаиды Николевы Газарянц, русской женщины, ее муж не дожил до этих дней. Его торжественно, при большом количестве людей, проводили в последний путь 45 лет назад. Она любила мужа, чтילה его память, не собиралась менять фамилию, думала, что республика

будет способна защитить вдову уважаемого человека, депутата Верховного Совета многих созывов, кавалера одного из первых Орденов Трудового Красного Знамени, персонального пенсионера МВД Азербайджанской ССР. За свою наивную веру она поплатилась жестоко и вполне в соответствии с платформой и позицией народного фронта. 15 января, в 2 часа дня она вышла в магазин, вернувшись через полтора часа, увидела свою квартиру 1, в доме 99 по улице Мустафа Субхи (ранее Верхней Таза-пирской, тоже неподалеку от мечети) полностью разграбленной.

Любопытная деталь: по данным анкетной комиссии при Бакинском армянском национальном совете во время резни 1918 года на улице Островского (ранее Почтовой) жила одна армянская семья из одного человека, который убежал из города до начала событий. Мы располагаем двумя адресами (наши данные ни с какой стороны не могут претендовать на хотя бы относительную полноту) на этой улице. Первый—квартира 13, дом 25. Здесь жили Амалия Налбандян и ее 78-летняя мать Ева Аванесовна. Еще 1 декабря 1988 года Амалию Левоновну уволили из швейного объединения «Детская одежда», где она работала швеей. Ей лично угрожал мастер цеха Адалят Керимов, другие швеи предъявили ультиматум: «или мы, или эта армянка, с ней работать не будем». Так на глазах рассыпался дутый бакинский «интернационализм», придуманные конъюнктурщиками от политики и истории вечно живые интернациональные традиции, солидарность рабочего класса. Амалия, как ее далекий предшественник в 1918 году, бежала из города, в котором родилась, в поисках работы и будущего жилья. Мать оставила в квартире, которую полностью разграбили. Не о квартире, а о пропавшей матери думала Амалия Левоновна, когда писала заявление в прокуратуру Армении. Очень хотелось бы, чтобы она ее нашла. Мы не располагаем последними данными.

Другой адрес—квартира 7, дом 53. Там жил 42х-летний водитель 2-го таксомоторного парка Левон Арутюнов. Он был мужчиной того возраста, который вызвал особую агрессивность бандитов. К нему ворвались 14 января. Грабили, крушили ненужное, били, по пути к «Шафагу» издевались.

О дальнейшем рассказывает Левон Рубенович:

—В фойе кинотеатра меня завели в туалет. Там избивали ногами, палками 11 человек, из них двое—милиционеры. Один милиционер (по-моему, в звании сержанта) по-

валил меня на пол и начал топтать сапогами. Другой—лейтенант, подошел и ударил меня ногой в живот, бок. Член народного фронта увидел на моей руке золотой перстень и кольцо. Перстень снял, кольцо не выходило. Это их разозлило, и меня ударили в глаз, переносицу, схватили руку и дернули так, что, к счастью, кольцо снялось. Иначе бы, видимо, отрезали палец. Потом сняли часы, из карманов вынули деньги. В заключение операции—одиннадцать на одного, подвели меня к крану, заставили умыться и сказали:

—Скажешь кому-нибудь хоть слово, уьем. Останешься в кино на всю жизнь.

Прежде чем отправить на паром медсестру Республиканской хозрасчетной поликлиники **Симу Монтиян**, ее заставили в Октябрьском РОВД написать заявление о выписке из квартиры 12, по улице Верхне-Нагорной, дом 241 «а». 9 января она с трудом похоронила мужа Владимира, и тут же начались бесконечные звонки с угрозами. 17 января пришли милиционер с двумя членами народного фронта, которые под предлогом спасения ее жизни вывели женщину из квартиры, не разрешили с собой взять ничего.

С этих старых улиц мы попадаем на новые магистрали, в новые массивы, более или менее отдаленные от центра. Почти все они входят в Октябрьский район. Некоторая часть из них и почти все микрорайоны составляют северную окраину Насиминского и Наримановского районов. Относительное спокойствие царило на проспектах Нариманова и Строителей.

19 января, еще до ввода войск, когда все официальные информационные агентства заявили о прекращении погромов, именно в этот день полностью ограбили выехавшего в декабре (к счастью!), случайно оставшегося жить **Александра Тумасова**. Его бывший адрес: проспект Строителей, 547 квартал, дом 3, квартира 49.

В 535 квартале, на улице А. Алекперова, параллельной проспекту Нариманова, в блоке 2, квартире 13, жил водитель такси **Рачик Бадалов**. Ему досталось многожды. В начале 15 января его избили в собственной квартире и выгнали оттуда. Он спрятался у друга, думал, спасет национальность его русской матери. Но ошибся. В эту квартиру на проспекте Строителей, 31, пришли два представителя народного фронта за армянским сыном русской женщины. Не застав его дома, забрали **Рачика** и отвезли в начале на

собственных «Жигулях» белого цвета в Октябрьское отделение НФАз. (Низами, 15), затем—на красных—в Кировское. Здесь его, несильно избив, ограбили: взяли туфли, куртку и 450 рублей. Продержали около двух суток, без воды и пищи. Каждый день приводили новых заложников и били. Били по-садиетски—ногами в пах, лицо, почки и другие жизненно важные точки. Спать не давали. Кстати, здесь находится след того **Александра Тер-Багдасаряна**, бывшего соседа **Арама Каспарова**, которого при нем особенно жестоко били, а потом увезли в неизвестном направлении. Видимо, это направление вело в Кировское отделение НФАз., где были условия (в отличие от Низами, 15) держать заложников. Рассказывает **Рачик Александрович**:

—Я хорошо запомнил лица и имена наших мучителей: **Самед Сулейман**. Их все время подбадривали друзья и кричали: «бей, бей!» Шофера «Паз»ика НФАз. звали **Илхам**. Среди нас были старики и женщины. Когда мы потеряли надежду когда-либо оттуда выйти живыми, то нам объявили об освобождении с условием отмены комендантского часа. Перед отправкой они особенно зверствовали. Били цепями, палками. Затем без документов, денег и одежды посадили в автобус и отвезли на паром.

В 9 и 80 лет—дважды пришлось на себе испытать геноцид **Македону Силикову**. Первый раз это было в Варташене, в 1918 году. Из рода Силиковых тогда погибло около 50 человек. Отец был в ссылке, а мать троих детей от гибели спасли азербайджанцы, которые потом их переправили в Грузию. Брат отца **Македона Иосифовича**—**Мовсес Павлович Силиков**, генерал-лейтенант, один из руководителей Сардарпатской битвы. О нем писал в своих воспоминаниях маршал **И. Х. Баграмян**. Пути господни неисповедимы, и они предопределили переезд из Грузии на «родину», в Азербайджан семьи Силиковых. Давно это было. Здесь работал, поехал воевать, вернулся назад. Жил с женой, дочерью **Светланой**, которая работала в вычислительном центре при университете, с внучками—**Эммой** и **Мариной**. Начальник ЖЭУ-32 всячески препятствовал обмену их трехкомнатной квартиры 40, по улице Шарифзаде 140, не давал необходимых справок. Будто чувствовал, что квартиру можно получить и даром, с определенной выгодой для себя. 15 января, в 7 часов вечера к Силиковым зашел участковый милиционер и предупредил о скором приходе представителей народного фронта с целью их выселения. **Македон Иосифович** взял сложенные в одном

месте партбилет, удостоверение участника войны, 12 сертификатов по 1000 рублей и 230 рублей наличными. Не прошло и десяти минут, как не вошли, а ворвались в комнату 30—40 бандитов и, не разрешив ничего взять, буквально вытолкали семью из дома. На Низами, 15, всех обыскали. Партбилет отняли и порвали со словами: «нам партия не нужна», удостоверение участника войны взяли, сказав: «это нам пригодится». Тем более полезными народному фронту оказались сертификаты на 12 тысяч, обручальное кольцо жены и наличные деньги. Ограбив, семью посадили в крытый автобус и отправили на паром.

В ЖЭУ-32, начальник которого всячески препятствовал обмену Силиковых, ранее паспортисткой работала Севиль Аванесян. Ее уволили с работы, потом с помощью военного коменданта Октябрьского района восстановили, затем после отмены военного положения, в ноябре 1989 года перевели дворником, а вскоре и оттуда выгнали. «Интернационалистам» не нужны были даже дворники-армяне. Севиль Арташесовна с тремя детьми, которых растила одна после смерти мужа 10 лет назад, пряталась у знакомых. Потом узнала, что погромщики на глазах у всех четыре дня ломали железную дверь ее квартиры 107, по улице XI Красной Армии, 73, а затем и железные решетки на окнах.

Светлана Маранян работала воспитательницей детсада №99 Октябрьского района, а ее дочь Жанна Мирзоян — педагогом школы №150. Жили они в квартире 17, по Киевскому проспекту, 1. К ним ворвались человек 25—30 15 января. О событиях в этот день рассказывает мать — Светлана Агаджановна:

—Впереди толпы был рабочий ЖЭУ-32 Яшар. Он, по-моему, по совместительству также работает в какой-то строительной организации. Мы с дочерью его хорошо знали, потому что он не раз останавливал нас на улице. Угрожал, преследовал, требовал отъезда. За ним следовал Этибар, который живет в поселке Мусабекова. Он тут же схватил японский магнитофон и видео. Яшар начал бить нас с дочерью и кричал: «заберите свои паспорта и убирайтесь!» Затем отнял ключи от квартиры. Нас повезли в районное отделение народного фронта, расположенное на пересечении улиц Мухтадира и Низами, по иронии судьбы около прокуратуры и МВД республики. (Опять Низами 15!).

Помогали во всех действиях народнофронтовцам работники милиции, их в помещении было много. Нас с до-

черью разделили. Ее заставили убирать комнаты, туалеты. В середине дня в отделение пришли двое ребят, светлых, похожих на русских, среднего роста, бородатых, с видеокамерой. Один показал мне документ на имя С. Ю. Джафарова, сказал, что представитель американской видеокампании. Из народного фронта их встречал Закир Байрамов. Начались съемки. Посадили перед камерой всех армян, состоялся примерно такой диалог между народным фронтом и нами, игра в вопросы-ответы: «Хотим ли мы уезжать из Баку?», «Разве плохой азербайджанский народ?» и т. д. Нас продержали до 8 часов вечера, к этому часу в отделении собралось 21 человек. Всех нас, за исключением двух молодых армян, посадили в крытый автобус, в котором возят мебель, и привезли к парому.

Врачом объединенной городской больницы №12 работала до увольнения 1 декабря Эмма Дадаян. В квартире 45, по улице М. Д. Гусейнова, 43, жила вместе с матерью 85-летней Люсей Мадатовной и дочерью Нонной Осиповой. К ним ворвались в 12 часов дня 16 января. Телефон уже не работал. Из погромщиков Эмма Тиграновна узнала того, кто к ним домой приходил вместе с начальником ЖЭУ-22 Мурадовым, якобы для того, чтобы зафиксировать пустующие квартиры. На самом деле шла, видимо, паспортизация будущего освобожденного фонда, подлежащего выгодной распродаже. И, естественно, начальник ЖЭУ не мог не знать хорошо того бородача, с кем ходил по армянским квартирам и кто потом, спустя недели, остервенело бил парализованную, прикованную к постели старушку по лицу, спине, ногам, рукам. Бандитам помогали заинтересованно, всем, чем могли.

—Меня также били по лицу, животу, — рассказывает Нонна Осипова, инженер проектного института «Южгипросельхозводоснабжение», — бросили на пол, мама стала кричать, ее ударили. Мне закрыли рот рукой, хотели заткнуть тряпкой, но не оказалось под рукой. Во дворе стояли соседи и видели, как нас тащили. Никто не заступился — все были парализованы страхом. Когда нас отвезли в Октябрьский РОВД, там лицемерно удивились, увидев нас избитыми, без верхней одежды и обуви, по поводу того, что представители народного фронта так позорно вели себя.

В соседнем доме 45, квартиру 30 занимала весовщица карамельной фабрики Эмма Гамзаян. Туда ворвались 16 января в 12 часов ночи и потащили ее с мужем босиком, без пальто, по лестнице в тот же подвал у метро «Низами».

где разместился народный фронт. Избили, украли драгоценности, часы, документы и через 8 часов отправили на паром.

Старшим диспетчером БЭМЗа имени 50-летия комсомола работала **Валентина Володченко**. Ее квартиру ограбили 16 января. Поначалу, когда она называла фамилию при звонке в Октябрьский РОВД, ее спрашивали, кто она по национальности. Узнав, что армянка, муж—русский, отвечали, что не могут ничем помочь, потому что все армянские квартиры в городе громят.

По улице Авакяна, теперь—«Метбуат проспекти» 13 января разгромили квартиру 19, дома 57, где жила главный специалист Бакинского филиала Ленинградского института «Центросоюзпроект» **Рая Айрапетовна Рудый**. Мишенью для народного фронта были в равной степени армяне с русской фамилией и русские с армянской фамилией. Особенно те, кто не успел вовремя отжаться от нее.

В дом 60, квартиру 28, к сантехнику **Андронику Карапетову** стали врываться 16 января, в 3 часа дня, угрожая расправой после того как сломают дверь. Андроник Айрапетович позвонил в ЖЭУ, где женщина по имени Тамара сказала: «уходите, чего ждете?», затем в Октябрьский РОВД, где дежурный грубо ответил: «никого нет» и бросил трубку. Номер телефона участкового также не отвечал. За это время дверь сломали и ворвались в квартиру. Грозно предупредили, чтобы Карапетяны забыли этот адрес, по которому теперь будут жить азербайджанцы. С его жены—Анжеллы Михайловны женщины из народного фронта сорвали драгоценности, отобрали деньги. И таким образом, под вой и улюлюканье собравшейся у подъезда толпы Карапетяны попали в районное отделение милиции, оттуда на паромную переправу, где под охраной военных всю ночь ждали парома. Еще в августе Анжеллу Михайловну избили на опытном заводе космического приборостроения работницы гальванического цеха Басти и центральной заводской лаборатории—Санубар. Не нашла она защиты после инцидента у руководства. Главный инженер Фикрет Амирбеков развел руками и покачал головой, сказав неопределенное: «да, плохи дела». А заместитель директора по режиму Керим Гусейнов без обиняков приказал: «Пиши заявление, я больше не могу терпеть здесь армян». Напомним, читатель, на календаре было 28 августа 1989 года.

Тбилисский проспект, 52, квартира 9—по этому адресу проживал заместитель начальника СУ-302 **Юрий Ту-**

ниев. Его выгнали с работы, и он вынужден был в поисках ее, заперев квартиру, уехать из Баку в октябре 1989 года. Квартиру ограбили и заняли.

14 января, около часу ночи, представители народного фронта взломали входную дверь квартиры 36, дома 58. С мешками, ломами в руках (их было человек 30), они заставили покинуть квартиру 70-летнего **Беника Аванесова**, участника войны, ветерана труда. Отняли у него все документы, деньги, сняли зубные протезы. Бандитам понадобились также ордена Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, более дюжины медалей ветерана. Полностью ограбив, избив, сопроводили его в Насиминский РОВД. За что воевал Беник Герасимович? Какую «счастливую» жизнь приближал честным полувекowym трудом? Перспективу—остаться бездомным после жуткой встречи с подонками?

В доме 62, квартиру 29 занимала портниха Управления бытового обслуживания **Зоя Оганова**. К ней в ночь с 14 на 15 января, взломав дверь, ворвались 12 человек, среди них была одна женщина. Ударили ломом, попали в переносицу, по лицу потекла кровь. Захлебывающуюся собственной кровью женщину начали бить. Искали золото, деньги, драгоценности. Ее мать 85-летнюю **Анну Бегларовну Погосову** (мы писали—она впоследствии умерла в ереванской больнице) стащили с кровати, избили, тянули за руки и за ноги, тащили по лестнице на улицу. Во всем этом варварстве принимала участие соседка Зои Ервандовны из квартиры 32—**Касумбекова**. Погром с размахом учинили в квартире 21, дома 70, у **Георгия Багдасарова**, официанта ресторана «Карвансарай».

Все эти адреса по Тбилисскому проспекту входят в I микрорайон.

Швея фабрики имени Володарского **Фатима Мирабян** жила во II микрорайоне, по улице Алиева 7, квартира 52. 14 января в 4 часа ее квартиру ограбили и, избив, привели в штаб народного фронта.

В этом же микрорайоне, по адресу—улица Пишва-ри, 40, квартира 110, жил электромонтер Октябрьского телефонного узла связи **Эдик Закиян**. Ему постоянно угрожали на работе физической расправой, особенно члены народного фронта **Чирек Курбанов**, **Эльдар Зульфугаров**, **Ровшан Алиев**. Он слышал, как бандиты, ворвавшиеся в его квартиру и начавшие погром, переговаривались между собой о том, что их навел Чирек. На дверь тут же повесили

табличку с азербайджанской фамилией.

Так же оперативно ограбили в III микрорайоне по улице Гаджиева, 17, квартиру 37, где вместе с сестрой жила учительница **Мариам Мусаэлян**.

О своей одиссее рассказывает другой житель этого микрорайона по улице Алиева, 46, квартира 10, токарь Кишлинского машиностроительного завода **Завен Алексанян**:

—14 января в 2 часа дня мы с женой **Сусанной Багрямян** слышали крики из квартиры 1 на первом этаже, где жил **Михаил Багдасарян**. Его с женой вывели в нижнем белье на улицу и повели в разные стороны. А во дворе толпа ругала их и била. К нам пришел сосед из квартиры 9—Умуд, следователь республиканской прокуратуры и спрятав нас у себя. Мы видели, как они грабили нашу квартиру и выносили вещи. Сосед пытался их остановить, но его не стали слушать. После этого бандиты грабили квартиру 22, где жил армянин **Гриша** (его фамилию я не знаю). Умуд вызвал своего родственника, водителя такси, и они повезли нас на железнодорожный вокзал. Там посадили на симферопольский поезд, в вагон №21, в купе проводника. На станции **Хачмас** туда вошел начальник поезда и сказал, что должен нас высадить. После долгих уговоров он согласился возить нас дальше лишь тогда, когда получил 75 рублей. Мы сошли в **Армавир**.

В этом микрорайоне на соседней улице **Саляма Адила**, дом 11, квартира 115 жила семья **Мусаэлян**. **Шмавон** работал слесарем завода имени **Воровского**, **Эмма**—рабочей на заводе «**Баккондиционер**». К ним ворвались 13 января в 7 часов вечера. В грабеже участвовали соседи. Из квартир—117 (он недавно переехал из **Армении** в результате обмена) и 120-ой, причем не одни, а со своими маленькими сыновьями, которые тоже таскали вещи. Заметим, что эти так называемые «беженцы» из **Армении** уже имели свое жилье. Активно помогали им и работник милиции, и продавец магазина №84, расположенного в доме. Эти последние избили бывших хозяев квартиры и вывели их без пальто на улицу, остановили такси и сказали водителю: «Вези куда хочешь, только подальше отсюда, и делай с ними, что хочешь». Водитель высадил их в **Дарнагюле**, у 7-го микрорайона. Автобусом они добрались к себе домой, их дверь была закрыта, они постучались к соседям в квартиру 112, к **Кафаровым**. Те испугались их впустить, но зато, спасибо, проводили в отделение милиции, оттуда на паром. И еще

одна деталь: когда один из сыновей **Шмавона** и **Эммы** звонил из другого города в **Баку** узнать, что с родителями, то ему издевательски ответили, что они уехали, а их вещи народный фронт грузит на машину и увозит в помощь **Нагорному Карабаху**.

В разгроме квартиры 69, по улице **Суворова**, 3, в IV микрорайоне, где жила **Роза Арутюнова** и оставалась ее свекровь **Анаида Мнацаканова**, участвовал их сосед **Алим Искендеров** (I блок, 3 этаж). 14 января они вывезли женщину в **Насиминский РОВД**, оттуда на паром. Ключи от квартиры забрал у нее председатель кооператива. Потом эти ключи оказались у бандитов.

Участковый **Сулейманов** и сосед помогали 14 января убежать из квартиры 71, по улице **Суворова**, 22 участнику войны, рабочему **Бакмясокомбината Гургену Саркисяну**. В это время в соседнем доме буйствовала толпа в 50 человек. В тот же день была ограблена квартира 31, дома 33 на этой же улице, где жила пенсионерка **Аракся Саакова**. Медсестра детской поликлиники №5 из квартиры 55, дома 38 **Раиса Будагян** пряталась у соседей, когда грабили ее квартиру. Путь ее лежал на следующий день к парому, в ожидании которого ей на пристани пришлось под холодным дождем простоять с 4 часов дня до часу ночи. Ей и сотням других, таких же несчастных людей. В 4-ом главном управлении **Минздрава Азербайджанской ССР** работал **Сергей Арутюнов**. Его увез на своей машине русский товарищ 15 января, когда в 12 часов дня начались погромы в 4-м микрорайоне на улице **Г. Джабиева**, в доме 2^а, где он жил в квартире 151. Квартиру грабили в его отсутствие.

За день раньше в соседнем доме 4^а разграбили квартиру 63, взяли в качестве заложника мужа **Асмик Бабаян**, пенсионерки, в прошлом педагога. О судьбе мужа ей было неизвестно, когда она обратилась в прокуратуру **Армении**. Сосед-азербайджанец спас от побоев и насилия браковщицу завода «**Эталон**» **Нину Арустамову** из квартиры 48, дома 4. Квартиру разграбили 14 января, около 4 часов дня. С собой **Нина Леоновна** не смогла взять ничего.

В этом же микрорайоне проходили погромы на соседней улице **Мир Джалала**. В доме 18, квартире 34 занимали **Айкуш Петросян** и ее дочь **Армида**, инженер-электрик «**Азгоспромпроекта**», о бесчинствах народного фронта в котором, ввиду его близости к железнодорожному вокзалу, мы писали. Вместе с другими армянами ее уволили 11 ноя-

бря. В ЖЭУ-77 Насиминского района по приказу народного фронта, как им объявили, перестали еще в ноябре выдавать талоны на мясо и масло. 16 января в их квартиру ворвались человек 100, заявили, что они представляют народный фронт и берут мать и дочь в заложники. Когда те стали кричать, их избили. У дочери отняли сверток с документами, на их глазах разрубили пианино на мелкие кусочки, раздробили дверь. Когда их отвезли в 3-е отделение милиции Насиминского района, и Армида подала дежурному заявление о хищении документов, он рассмеялся ей в лицо, порвал заявление и посоветовал тысячу раз благодарить за свою жизнь.

Накануне вечером, 15 января с помощью военных, отправилась на территорию общевоинского училища врач больницы Апшеронского района **Эмма Авакян** из квартиры 108 этого же дома. Ее вещи выносили без нее. Хуже сложилась ситуация у пенсионерки **Розы Аракеловой** из дома 36, квартиры 4, откуда 14 января, в 5 часов вечера их с дочерью Стеллой и 10-тимесячным внуком выгнали почти голыми на улицу. Где моя дочь?—с таким вопросом пришла в прокуратуру Армении в конце января **Роза Асатуровна**. Нам неизвестна ее дальнейшая судьба.

Зато известен другой случай бандитизма на этой улице, у дома 31. Когда жители квартиры 23 **Рафаил** и **Аида Мусаэлян** пытались вывезти контейнер с вещами, то на него напали, все разгромили, ценное унесли, многое сожгли. Супругов били, потом отвезли в районное отделение народного фронта, в 8-ой микрорайон. При грабеже присутствовала милиция.

16 января ограбили и заняли квартиру по улице Пишевараи 19, в 5-м микрорайоне, где жила инженер-геолог «Азгоспромпроекта» **Альбина Абрамова**. Аналогичная участь постигла в 6-м микрорайоне, по улице Гаджибекова, 4, квартиру 31 **Юрия Хачатурова**, директора завода железобетонных конструкций Бактоннельстроя, о котором мы уже рассказывали в связи с его матерью.

В 9-м микрорайоне к дому 16 к вечеру 16 января подъехали 3 грузовика, где находились человек 150. Все они направились к квартире 14, которую занимал командир военного корабля Каспийской Краснознаменной флотилии **Амаяк Аллахвердян**, чтобы совладать с сейфовой дверью. Им удалась атака. Начался грабеж, вывозили и выносили, кто что мог. 17 января приехали с утра и продолжили начатое. 18 января вселились в квартиру по мандату

народного фронта новые люди. Капитан был на службе, слава Богу, не встретился с погромщиками. Но он хорошо помнит, как в его квартиру с разными предложениями посылал людей сосед с 5-го этажа, водитель такси **Асадулла**. Когда **Амаяк Арменакович** спросил, почему он так поступает, тот ответил: «я так хочу». Коротко и ясно.

Квартиру 86, дома 115 в 9-м микрорайоне пришли грабить 14 января, в 4 часа дня. Тщетно просила о помощи соседней **Эмма Харатова**, зато крики с балкона слышались в воинской части, солдаты которой вывели ее с помощью вызванных по телефону работников милиции **Гусейнова** и **Мамедова** из квартиры, где орудовали погромщики. Кстати, среди них была соседка **Сария Таирова**, из соседнего блока 2.

8-ой микрорайон занимал по интенсивности погромов и силе антиармянской истерии в Баку, пожалуй, лидирующее среди аналогичных жилых массивов место. Это объяснялось, во-первых, близостью со взрывоопасной магистралью-проспектом Ленина, с одной стороны, поселком **Кирова** и хутором, где жило много армян, с другой. Во-вторых, здесь при застройке микрорайона получали квартиры жители целых кварталов, снесенных в центре, в основном, армяне. Здесь были зафиксированы все смешанные армяно-азербайджанские семьи, даже невестки с азербайджанской фамилией, но с армянской бабушкой. По телефонам среди ночи предлагалось мужу и свекрови срочно убрать из дома таких женщин. Все это происходило на фоне массового избития армян в магазинах, на улицах, у подъездов микрорайона. По нему бродили празднующиеся молодые и весьма зрелого возраста мужчины, которые впивались глазами буквально в каждого прохожего, стараясь определить его национальность, задевали женщин на остановках, через одну заставляли предъявлять паспорт. Более того, мы располагаем несколькими свидетельствами, что милиционеры в сопровождении работников ЖЭУ и других людей заранее обходили армянские квартиры и записывали точные данные обо всех там проживающих, уехавших и т. д.

Венера Багратовна Саруханова из квартиры 192, дома 7, по улице **Мамедова** выехала из Баку рачьше, но каждый день разговаривала со своим мужем по телефону. **Грант Языджан** работал до увольнения аккумуляторщиком **Забратского** авиаотряда. В последний раз она с ним разговаривала 15 января. В этот момент к нему в квартиру

ломились. Позже она слезно просила и, наконец, уговорила соседку Лиду вызвать его к своему телефону, потому что домашний телефон уже молчал. Муж разговаривал с трудом, невнятно, еле-еле произнося слова. Он сказал, чтобы она больше домой не звонила, он будет ночевать на работе. Когда Венера Багратовна попросила его захватить с собой ее кофту, он ответил, что если живой вырвется из города, то купит ей новую.

Потом соседка сказала, что его били и увезли 15 января к 4 часам дня в неизвестном направлении. 18 января Саруханова подала заявление в Прокуратуру Армении с просьбой найти ее мужа. Нашла ли? Но даже если и нашла, можно ли забыть пережитое?

«Кто здесь армяне? Армянин должен умереть!»—под такую канонаду жила, если можно это считать жизнью, притаившись в своей квартире 42, дома 11^а прачка штаба армии **Ира Петросова**. С помощью участкового милиционера Джеваншира она попала на паром 18 января. Потеряв все, она избежала побоев и унижений. Таких, которые достались на долю врача **Аракси Карапетян** из дома 20, квартиры 107. Ночью, 13 января, ворвавшись в дом, они избили ее с мужем, вырвали ключи и, не разрешив даже переодеться, вытолкали на улицу. По дороге до штаба народного фронта избивали их, кто железкой, кто ногами, кто палкой. Деньги, облигации, часы, золото, драгоценности, даже обувь и верхнюю одежду отнимали уже в штабе, избивая и издеваясь.

52 и 55 лет—таков стаж работы мужа и жены **Карапетян**, их сын в течение 6 лет был в заграничии. Перечень оставленных в квартире вещей составляет 10 страниц машинописного текста через один интервал. И все это в одночасье досталось бандитам.

Так же сквозь строй, пинки, побои, плевки, издевательства провели в штаб народного фронта вначале в микрорайоне, а потом в двухэтажном разрушенном доме в Бададжарах **Рачика Саакова** из квартиры 55, дома 23^а. Затем его отвезли в 7-ой микрорайон, в ограбленную армянскую квартиру, где держали до 17 января. Регулярно издевались, избивали, отняли паспорт, водительские права, блокнот, часы, деньги. Потом отправили на паром.

Этой участи избежал его ранее выехавший сосед из дома 23 б, квартиры 25 заведующий складом ЦУМа **Иван Аванесов**, которого давно выгнали с работы, а под домом ходили толпы бандитов с рыскающими глазами. Его квар-

тиру, естественно, ограбили.

Поселок Кирова непосредственно примыкает к 8-му микрорайону и считается северной окраиной Баку. Здесь бандиты себя чувствовали вольготно, в полной безнаказанности.

12 января ворвались в квартиру 20, дома 2а по улице Ленина к буровому мастеру управления «Каспнефтегазпром» **Жоре Сардаряну**. Сломали дверь, отрезали телефонный кабель. Вооруженные огнестрельным и холодным оружием в сопровождении двух сотрудников милиции они начали грабеж. Один милиционер забрал хрустальную вазу, другой—ключи от квартиры. Один из грабителей взял на руки внука и хотел его выбросить из окна, ребенка у него отняла соседка-азербайджанка, не разрешив свершиться преступлению. **Жору Ивановича**, его жену, дочь, двух внуков отвели в штаб народного фронта. Там издевались над ними, били, ребенок был почти голый, все время кричал. Только на следующий день семью доставили на паром.

Унижения, издевательства, избиение, грабеж—через все пришлось пройти семье **Халафян**, ранее живущей в поселке Кирова, по улице 26 бакинских комиссаров, в квартире 2, дома 3—**Сурену Ханиговичу** и **Седе Леоновне**, их четверым сыновьям.

13 января в квартиру 110, дома 1 в 28-ом квартале поселка Хурдалан к штамповщице завода электроточприборов **Жене Даниелян** ворвались погромщики. Забрав деньги и драгоценности, заставили ее раздеться и прыгать с 4-го этажа. Когда она уже под их улюлюканье, дрожа, стояла на подоконнике, бандитам расхотелось довести трагедию до финала. Они ушли, пообещав с ней сотворить что-либо похлеще, если она завтра не уберется из квартиры.

Поселок «8-й километр» был четко выверенным ориентиром расправы с армянами. Прицельной мишенью стали жители массива, безоружные, загнанные в капкан круговой злобной агрессивной ненавистью. 10 января в квартиру 1, по улице Зардаби, 160, к **Арине Саркисовой** ворвались трое, вооруженные пистолетом и двумя финками. Посадив жертву на стул посреди комнаты и приставив нож к горлу, они потребовали денег, драгоценности. Ее били, пинали ногами, таскали за волосы и, наверно еще, добились, если не вмешательство соседней—**Антонины Алиевой**, **Минавер Романовой**, супругов **Мамедовых**. За жизнь **Арина Сантуровна** заплатила бандитам всеми своими сбережениями—2300

рублей, обручальным кольцом и золотой цепью. Когда операция закончилась, приехали в качестве ревизирующих соглашения участковый уполномоченный Гумбатов, майор и капитан из Низаминского РОВД.

В этот же день, 10 января к Седе Галоян (улица Дарвина, 20/116) пришел сосед, бывший житель Армении, из квартиры в блоке 4, на 5 этаже, угрожая, взял наличные деньги, а затем потребовал ее немедленного выселения. На следующий день его товарищи выломали дверь и поселились в квартире Седы Акоповны, которая спряталась у русской соседки.

Позвонили участковому Фархаду, который никак не реагировал на происходящее. Среди тех, кто ломал дверь, был и другой сосед—Акиф, из квартиры в блоке 10, на 1 этаже, его брат и двое неизвестных. Но Седе Акоповне, можно считать, повезло: квартира, которую заняли соседи, была пустая, вещи она заблаговременно вывезла. 15 января в сопровождении участкового она отправилась на паром.

Зато вещи семьи Саркисовых из квартиры 12, дома 55/57 на этой улице грабили у них на глазах. Навел погромщиков также сосед из квартиры 9 (5 этаж), приезжий из Армении. Можно представить себе страх и отчаяние трех женщин с 5-месячным ребенком на руках, на глазах которых растаскивали упакованные в ожидании контейнера вещи. Затем всех вывели, посадили в автобус и сдали в отделение народного фронта. И только в Красноводске, куда они прибыли, их одели, обули и накормили.

Лаборантке завода «Нефтегаз» Елизавете Арутюновой с улицы Жданова, 74, квартиры 24 пришлось 15 января обороняться от бандитов, которые пытались проникнуть к ней в квартиру через соседний балкон. Женщина кричала. Но это не помогло. Стену у железной двери продолбили ломом и ворвались. Не дали взять ничего. Уже когда она в Низаминском РОВД попросила начальника послать к ней кого-либо взять необходимые вещи, а также документы, то он сказал, что не может безрассудно рисковать своими людьми, т. к. убьют каждого, кого он пошлет с ней.

Лукавил господин начальник, его подчиненные активно, заинтересованно, с превеликим удовольствием участвовали в грабежах. В числе погромщиков квартиры 12, соседнего дома 78 на этой улице, где жил бывший начальник управления №4 треста «Электросевкавмонтаж» Владимир Даниелян была соседка с 1 этажа, квартиры 3—Мирханум.

Главным бухгалтером института усовершенствования юридических кадров Минюста Азербайджанской ССР работала Амалия Минасян. К ней в квартиру 7, дома 11 по улице Оранжерейной 24 декабря пришли техник ЖЭУ и двое из народного фронта, которые дали ей ровно три дня на немедленный отъезд из города. При этом взяли подписку о том, что она предупреждена о депортации. Женщина успела отправить за 800 рублей контейнер в Донецкую область, к родственникам. 14 января участковый отвез ее на паром. По такому же сценарию было разыграно изгнание из квартиры 28, дома 49/18 по этой улице Хорена Григорьяна. Начальник СМУ-3 треста «Азнефтехимзавод-ремонт», где он работал до увольнения 5 октября 1989 года, сказал своему старейшему работнику о том, чтобы он немедленно уехал из Азербайджана. 13 января в 9 часов вечера к нему в квартиру ворвались 9 мужчин и 2 женщины. Избили, отняли деньги, ценности. Воспользовавшись занятостью грабителей, распределением и растаскиванием вещей, Хорен Григорьевич в майке и пижаме спрятался у соседей-азербайджанцев. Но это было опасно, так как бандиты ходили по улицам с криками, что убьют не только армян, но и тех, кто их прячет. Он с женой пошли в Низаминский РОВД, откуда автобусом их переправили на паром. Свидетельства Хорена Григорьевича интересны не только как очевидца событий, но и своими выводами:

—Все армянские квартиры в поселке, просвеченные словно рентгеном, были мишенью. Причем не тихой, незаметно ставили бандиты, а демонстративно, днем, при большом скоплении народа, ломали стекла, нападали на людей в подъездах и на улицах. Низаминскому РОВД такая ситуация была прекрасно известна и даже уже выработана четкая линия реакции на нее. Ни на один вызов к армянам они не выезжали.

Такая безнаказанность развязала руки подонкам. В ограблении моей квартиры, к примеру, участвовал парень, у которого нигде ничего не отнимали, ниоткуда не выселяли. Он живет в 5 подъезде на втором этаже дома на пересечении улиц Оранжерейной и Насими, который в поселке называли дом НБНЗ. Отец у него заведующий РОНО, мать-педагог средней школы по улице Оранжерейной (кажется, №60 или 61) против школы №214. Жена этого парня, горская еврейка, работает акушеркой в роддоме Низаминского района. В момент грабежа квартиры и нападения на меня был одет в черную кожаную куртку и спортив-

ные брюки синего цвета с тремя белыми полосами. Чего не хватало этому парню? Моих сбережений?

Невдомек Хорену Григорьевичу, что философы Азербайджана, возглавляемые мудрейшим из мудрейших А. Дашдамировым уже объяснили действия этого парня и всех тех, кто грабил, жег, резал, убивал проснувшимся национальным самосознанием азербайджанского народа. Бедный народ, сколько можно ему дурить голову, наживая при этом политические и всякие иные капиталы?

Профессиональный юрист, проработавший десятилетия в этой системе, персональный пенсионер республиканского значения, в прошлом судья, юрисконсульт Михаил Данилов из квартиры 20, по улице Насими, 39, был «вооружен» телефонами — начальника Низаминского РОВД Гумбатова (21-74-21), его заместителя Тагиева (21-13-74), участкового уполномоченного Алиева (21-54-56), которыми воспользовался 14 января после первой, слава Богу, неудавшейся осады своей квартиры. Ему не помогли, но посоветовали вселить к себе знакомого азербайджанца в целях сохранности вещей и жилья, что он и сделал, попросив об этом сына своего старого товарища Логмана Сулейманова. 17 января, избив его выдворили из квартиры, которую со всем имуществом заняла семья, выехавшая из Армении.

15 января, в 11 часов вечера аналогичным образом из своей квартиры 9, по улице Рустамова, 47, была изгнана педагог школы №145 Светлана Багдасарова. В квартире 40, дома 16 по этой улице избili железными прутьями 78-летнюю Галину Абрамян и соседа-лезгина, который переставлял ей на кухне плиту. Отобрали деньги, драгоценности, унесли чемодан и выгнали их с дочерью, старшим инспектором Госплана Азербайджана Мэри Арутюновой на улицу. Так и хочется достучаться до, видимо, очень довольного жизнью и собой Президента соседней республики: «Вы знали этого человека. Она работала непосредственно под вашим началом. Чьим врагом она была — Вашим личным или всего азербайджанского народа? Почему она по Вашей милости должна с престарелой матерью оказаться на улице, избитой и бездомной?» А кому причинила вред скромный руководитель кружка дома пионеров Низаминского района Офелия Гогжеян, изгнанная из своей квартиры по улице Нахичеванской, 45? Или пенсионерка Зоя Манукян с улицы К. Караева, 58, квартиры 25? Ее выгнали из дома еще 10 января. Чуть позднее оператора НБНЗ имени Владимира Ильича Анну Рахманину с улицы Чернышевского 36, квартира 21.

Предусмотрительно, с выгодой для себя действовал участковый милиционер, курирующий дом 31а, по улице К. Караева. У Анжеллы Вертилецкой из квартиры 16 он взял расписку в том, что она увезла из квартиры все, кроме мебельного гарнитура-стенки и холодильника. Дело в том, что в погроме 14 января он принимал активное участие, и когда Анжелла Борисовна при его требовании подписать бумагу, удивилась, спросив, — а остальные вещи?, он приказным тоном сказал: «остальное вписывать не надо, и так все ясно». Зато уже через несколько дней участковый этой распиской, словно щитом, прикрываясь от законных требований мужа Анжеллы — Яна Сергеевича Вертилецкого, приехавшего в краткосрочный отпуск из части, где проходил военного службу. И хотя «страж порядка» отказал ему в ознакомлении с документом, тем не менее продолжал утверждать, что ничего ценного в квартире, которую с его участием громили 14 января, не было.

В доме 46, в квартиру 40, к инженеру по труду Управления Закавказского магистрального нефтепровода Аиде Мнацакановой стучались и не смогли подобрать ключи уже 12 января. Когда они ушли, пообещав придти на утро, женщина позвонила к знакомым, которые ее тут же забрали. В этой русской семье она пряталась до 16 января, потом ее отправили на паром.

За хлебом вышла 13 января работница обувной фабрики №1, мать троих детей Раиса Торосян. Она также жила на улице К. Караева, 92, квартира 69. Неподдалеку у 9-этажного дома она увидела разъяренную толпу, которая, задрвав голову, смотрела на балконы 9 этажа и вопила ругательства, проклятия в адрес всех армян. Вначале летели с балкона вещи, затем оттуда выбросили голую женщину, и, облив ее бензином (она еще кричала!), сожгли. Обезумевшая женщина, забыв о хлебе, вернулась к себе домой, забрала своих детей к родственникам в поселок Гоусаны. Там, по улице 13-й Приморской, 6, квартира 124, жил ее брат Валерий Халафян. Это не помогло. Ворвались туда и выгнали со словами: «Езжайте к Вазгену, он Вас защитит». Милиционеры, присутствовавшие при этом, одобрительно напутствовали: «Молите Бога, что мы вас так почетно провожаем».

Но стражи правопорядка Орджоникидзевского района еще не знали, что «проводы» этой семьи состоятся позже, в Низаминском районе. Дело в том, что брат и сестра с детьми позволили себе вернуться в поселок «8-й километр» через три дня после того, как убежали оттуда.

Когда они подходили к дому, их увидел сосед с III этажа Радик Алиев, сообщил об этом своим друзьям из народного фронта, и уже через 10 минут в квартиру начали ломиться. У одного в руках был железный прут, у другого — пистолет, у троих — ножи. Они забрали у Раисы Гургеновны 1300 рублей и стали их избивать. Радик Алиев ударил женщину ногой в грудь, она потеряла сознание, а очнувшись, в порванной одежде, вся в крови уже в автобусе по дороге в Низаминский РОВД, где находились такие же избитые, полуголые женщины, дети. В ожидании паромов в них бросали камни, молодые ребята орал: «всех армян надо убить». Их охраняли солдаты с дубинками, в сопровождении которых они попали на паром. Там же находились после ограбления, избитые и изгнанные из дома семья водителя таксомоторного парка №4 Бориса Аюпова с соседней улицы Тофика Бабаева, 4, квартиры 7, а также старший бухгалтер завода «Электроцентролит» Ирина Айрапетова, квартира 10 которой по улице Узбекистана, 10 была разгромлена.

«Если вам дорога ваша жизнь, немедленно освободите квартиру» — с таким ультиматумом 14 января, около 5 часов вечера вошли в квартиру 27, дома 2а по улице Вунгтау (829 проезд, поселок Ахмедлы), к Зинаиде и Маргарице Торосян участковый милиционер с четырьмя мужчинами, которые назвали себя представителями народного фронта. В руках у них были списки армянских квартир с подробным обозначением всех членов семьи. Ультиматум был, естественно, выполнен. И сейчас, когда жизнь спасена, «неблагодарные» люди задаются вопросом: для кого они наживали свое имущество?

Рабочему Бакинского булочно-дрожжевого комбината, жителю улицы Сараевской, 13^б квартиры 76 в поселке позвонил в 10 часов утра 15 января главный инженер ЖЭУ-90 Али и также ультимативно предложил уйти из квартиры, так как сегодня придут из народного фронта и его или убьют, или побьют. Жертва пошла в 11-ое отделение милиции. И что? Там, обыскав, отобрали 485 рублей, били и поместили всех находившихся армян, в основном, женщин, детей в одну комнату. Через несколько часов отправили к парому.

Из квартиры 17, дома 27 по улице Р. Рзы в милицию доставили 15 января целую семью, многих родственников, прятавшихся у Эрикназ Агасян. Это брат и сестра Бабабяны, их мать Маргарита. Седа Багратовна, старший инженер отдела кадров «Азербсельхозхимия» жила в поселке

«8-й километр», на улице К. Караева, 86, квартира 19. Сергей Багратович — водитель Шаумяновской транспортной конторы, квартира №7 которого в Трамвайном переулке, 8 уже разграбили.

Мкртыча Шаваянца — шофера «Бакпромстройтранса», жителя Новых Ахмедлов, проезд 1733, дом 18, квартира 133 не только били и заставили 16 января отдать квартиру людям, которых направил туда начальник ЖЭУ, но и угрозами, побоями отвели в нотариальную контору, где буквально вырвали доверенность на квартиру. Били жестоко оттого, что совсем не было денег у Мкртыча Самсоновича. Били и в отделении народного фронта, куда его доставили. На вопрос, куда его везут, когда сажали в автобус, переполненный такими же, как он, полураздетыми и избитыми людьми, ему ответили: «Везем убивать туда, где убили вашего Шаумяна». Таким же образом, после предъявленного ей 15 января в 11 часов дня аналогичного требования, на паром попала кассирша ДСК-1 Алла Мирзабекян, живущая по улице Неапольская, 10^а квартира 6.

15 января в час дня пришел к педагогу русского языка и литературы спецшколы-интерната имени Нахичеванского Галине Вермишевой участковый милиционер и предупредил, чтобы оставили квартиру, ибо он не может защитить ее с дочкой и внучкой. Они подчинились и спрятались у знакомых. Но, видимо, недооценили серьезность происходящего: чтобы узнать о судьбе брата, Галина Арпипяновна вышла позвонить по телефону-автомату на улице. У телефонной будки к ней пристал мужчина и заставил ее подняться к себе в квартиру. Там начались издевательства. Приставив топор к горлу дочери Елене Григорьевой, он требовал оружия, говоря, что у всех армян оно есть. Отобрал деньги — 3 тысячи, облигации на 500 рублей. Женщины убежали, когда он вышел звонить в отделение народного фронта.

О трагедии своей семьи, бывших жителей поселка Новые Гюнашли, улица Сейхан Бахча, дом 3, квартира 16, рассказывает контролер магазина №78 Орджоникидзевского райсмешторга Роза Арзуманян:

— 13 января в 11 часов дня мы грузили вещи в контейнер. Дома находились моя дочь Седа Казанчян, ее муж Роберт и брат мужа — Грант. Как только загрузили контейнер, подошла группа из 40—50 человек. Они вытащили на землю все вещи и кто-то крикнул: «сжигайте». Тут же развели костер. Один из них пристал ко мне с требованием дать деньги и драгоценности. Запомнился один па-

рень, я его постоянно видела у дома 28, где находилось отделение народного фронта. К горящим вещам подошли 7 милиционеров. Они только наблюдали. Наблюдали и за тем, как у меня отняли ордер и ключи от квартиры, ударили ломом по спине, в грудь и заставили написать расписку в том, что у меня все вещи целые и я, переезжая в другой город, добровольно сдаю квартиру. После этого меня отвели в 13-ое отделение милиции. Оттуда нас буквально спас сосед из квартиры 11, военнослужащий Олег Грач, который приехал в сопровождении военных, на машине вместе со старшим лейтенантом Владимиром Боровко. Мы поехали в аэропорт, затем на вокзал, но обстановка везде была ужасной. Только поздно вечером нас отправили в Красноводск.

В этом же поселке, в жилом массиве «В», дом 21, квартира 93, жил мастер фабрики трикотажных изделий Рафаэл Асланян. Ввиду постоянных угроз ему пришлось покинуть квартиру 12 января. Его избили на углу улиц Кецохвели и проспекта Ленина. Отобрали 2 тысячи рублей, золотой перстень. Причем тот, кто грабил—был нормальный с виду мужчина, одетый в добротное синее пальто. Двое других—тоже. На вопрос Рафаэла Арсеновича, что они делают, ему ответили, что спасают его, и отвели в «Шафаг».

Розу Григорьян, портниху фабрики индпошива и ремонта одежды №1, избили в квартире 125, дома 135а того же поселка 15 января в 8 часов вечера. К ней ворвалось около двухсот вооруженных до зубов мужчин, и избитую, в одном халате бросили в каком-то подвале, где оставили на ночь. И только утром отправили на паром.

Подобным же образом поступили со Светланой Сакамян в другом поселке Орджоникидзевского района—имени Серебровского, квартал 4048/49, дом 33, квартира 9. Ее третировали постоянно и целенаправленно—забрасывали камнями, воровали почту, пугали в подъезде. А потом и вовсе выгнали без вещей на улицу, захватив квартиру.

Поселок Разина—сердце Ленинского района. Здесь проводились первые маевки, и рабочие Балаханов-Сабунчинского района, как он назывался раньше, всегда были застрельщиками всех революционных событий. К удивлению и сожалению, не в последних рядах они оказались и во время погромов 13—19 января в Баку. Этот отдаленный от центра города участок ни в чем не уступал ему. Наверное, все-таки, надеялась на защиту своего окружения Ермоня Григорьян с проспекта Кирова, 1, квартиры 42,

когда к себе в поселок пригласила сестру с племянницей—Кнарлик и Людмилу Агаджановых. Родственники ждали на этот адрес контейнер для вывоза вещей. Но сколь наивны были их надежды. 14 января в 8 часов вечера к ним в квартиру пришли участковый милиционер и еще один человек в штатском. Они предупредили всех, что за их жизнь отвечать не могут и потому предлагают покинуть квартиру. Ушли. Через несколько минут тут же стали ломать дверь и вскоре в квартиру влетели человек 25 с ножами и потребовали денег, золота, драгоценностей, в противном случае твердо обещали тут же перерезать стариков и детей, поиздеваться над молодыми. Так две семьи были ограблены и изгнаны из дома. Получается, милиция—наводчики? К какому альтернативному выводу можно придти даже при поверхностном анализе этого и других аналогичных случаев?

В этом же доме, по той же улице в квартире 48 жила Каринэ Марутян, педагог музыкальной школы №4. Вечером 13 января бандиты напали на квартиру трижды, но совладать с дверью не могли. 14 января, в 6 часов утра она с мужем, двумя детьми, матерью бежала из дома. В этот же день их квартиру разгромили. Семью ограбили—отняли коробку с вещами и тысячу рублей на железнодорожном вокзале, откуда они с билетом на 15 января в руках пытались уехать. Остальное довершили в «Шафаге». Здесь обыскивала женщина. Она взяла сберкнижку на 5 тысяч рублей (деньги хранились в сберкассе, у Сабунчинского вокзала), пенсионную книжку, золотые изделия, займы 1954, 1955, 1956 годов на 500 рублей. Швырнула в лицо матери Карины—А. Погосовой, ветерану партии партбилет со смехом: «Оставайся со своей партией». Потом избил старую женщину.

14 января, в половине 12-го ночи, к дому 10 по улице Культуры, где квартиру 2 занимала Эльвира Аванесова с семьей (мама, муж, сын), инженер ВНИПИНефтемаш, подъехал автобус, переполненный азербайджанскими парнями. Они орали, размахивали палками и топорами. Пришлось спастись через заднюю дверь, ведущую в сад, и спрятаться у соседей в сарае. Всю январскую ночь семья простояла в сарае и слышала стрельбу, крики о помощи, плач детей, звон разбиваемой посуды и стекло. К себе в квартиру уже не вернулись, им помогли через милицию добраться до парома.

В поселке Разина, как собственно, и в других поселках Баку, улицы часто повторяют имена тех, что находятся в

центре. Так и с улицей Розы Люксембург. В квартире 45, дома 23 жила слесарь-автоматчик ВНИИ олефинов Луиза Мартиросян. Она уже в августе взяла к себе свою мать Римму Давидян, на которую напали в поселке «8-й километр», где она жила по улице Нахичеванской, 94 б, квартиры 6. Вечером 15 января после неоднократного стука в дверь, женщины позвонили в дежурную часть МВД и за ними приехал наряд милиции, который без вещей, денег вывез их на паром. В доме ее участь разделила Нина Алиева из квартиры 7, которая работала в том же институте техником. В доме 16, квартиру 1, которую занимала пенсионерка Забелла Арутюнян, грабили в ее присутствии 14 января вечером. Когда она добралась до отделения милиции, у станции, то ей полковник сказал: «Тебе еще этого мало. Иди на морской вокзал, пока живая».

Миша Бабаян, ранее занимавший квартиру 9, по улице Грузинской 26а в поселке, почти четверть века был водителем в Министерстве легкой промышленности соседней республики. Он рассказывает:

—Я возил заместителя министра Халила Магомедова. 23 ноября 1988 года он отнял у меня ключи от машины со словами: «Время армян кончилось. Убирайся, куда хочешь, чтобы больше я тебя не видел». Я пожаловался команданту Баку генерал-лейтенанту Колесникову, он меня восстановил на работе. Но мой бывший шеф демонстративно не садился в машину, а при встрече оскорблял меня. Мне постоянно угрожали и другие работники-азербайджанцы, прокалывали шины. Почти никто со мной не разговаривал. И я уволился. Уехал, чтобы найти работу. 29 декабря приехал вывезти вещи. 11 января в половине 8 утра спустился в подъезд взять газеты, на меня напали, стали избивать... Один держал руки, другие били по лицу кастетом, чем попало. У меня из кармана выпали деньги, тот, кто держал меня, нагнулся поднять их. Я выбежал из подъезда. Пришел в 5-ое отделение милиции и обратился за помощью к дежурному. Старший лейтенант сказал, что сделали правильно и, вообще, меня надо было убить. Словом, из милиции меня прогнали, я вернулся домой и больше не выходил. 14 января в 2 часа дня ко мне ворвались человек 40—50, вооруженных железными прутьями, рапирами, с отточенными концами. Во главе была женщина, которая сказала, чтобы меня не трогали, а искали деньги.

Я отдал тысячу рублей, которые держал для контейнера. Меня выгнали. В подъезде я увидел своих избитых

соседей—Сергея Агабекова и его жену из квартиры 18, инвалида войны Сурена—из 20-ой. Во дворе толпа нас снова избила. Все кричали: «Убирайтесь». Я пошел снова в милицию. По дороге видел три трупа—два мужских и один женский. Один труп лежал за цветочным магазином у станции, другой по улице Кирова, возле милицейского общежития, третий—между улицами Нефтяников и Шаумяна, у станции. В милиции 2 сержанта и старший лейтенант сказали, что не хотят из-за меня связываться с народным фронтом, но когда я им пообещал 500 рублей, если они помогут мне за ванной в квартире взять деньги (там я спрятал 1500 рублей) и документы, а со стоянки—машину, те согласились. Мы поехали. Дверь была закрыта, работники милиции ее взломали. В это время пришли 5 человек из народного фронта и спросили милиционеров, почему они помогают армянину. Те сказали, что они забирают меня, приехали за документами. Мы спустились и уехали на стоянку, я взял машину и дал милиционерам обещанные 500 рублей.

Выехал на сумгаитскую трассу, увидел там проверяющих документы. Свернул в Сумгаит и выехал через набережную на трассу, но с другой стороны.

Так простился с городом Миша Бабаян.

15 января, около 12 часов дня, ограбили квартиру 9, дома 36 по улице 40 лет Октября, где жили Леонора и Грант Осипяны, их дочь Карина, студентка 4 курса Бакинского планово-экономического техникума. Они звали на помощь. Никто не отозвался. Пропал муж сестры Карины—Михаил Мартиросов, который перелез через балкон к соседям с тем, чтобы позвать милицию. Но как относились к происходящим событиям в 5-ом отделении милиции на Разина, мы уже имеем представление на основании свидетельства Миши Бабаяна. Ограбленные люди попали на паром.

В поселок Забрат в квартиру 25 по улице Октябрьской, 25 к главному бухгалтеру пансионата машиностроителей Армиде Джанунц ворвались 14 января, в половине первого дня. Их было человек 20—30, все вооруженные палками и ножами. Приказали сейчас же убираться из дома, посадили в красные «Жигули» и увезли в поселковый Дом культуры. Там уже было много армян-заложников. Предводителем бандитов был 50-летний мужчина по имени Нурмамед, который, как выяснилось потом, успел лечиться в психоневрологической больнице и имел судимость. Некоторых заложников, требуя выкупа, он отвозил в гараж.

Попала туда и Армида Арташесовна. Нурмамеду потребовался за нее выкуп в 3500 рублей—все деньги, которые были у нее в сумке. Еще многое пришлось пережить ей такого, о чем она не хочет вспоминать. И это, конечно, можно понять.

В Сабунчах, по улице С. Осипяна, 101 жили три поколения семьи Аветисовых. Старший—Артем Сергеевич, сын с женой—Лева и Аида, их внук и сын—Карен. 15 января в 6 часов вечера к ним стали ломиться. Ворвались. Впереди—участковый милиционер, капитан милиции, за ним человек 20, которые представились народнофронтовцами. Лидером, чувствовалось, был человек, у которого через все лицо шел широкий и глубокий шрам. Все они, включая и участкового, стали громить квартиру, угрожая, требовали денег, драгоценностей, унижали и оскорбляли хозяев. 78-летнего Артема Сергеевича ударом сбили с ног, затем всех вывели во двор, не дав взять даже верхнюю одежду, и посадили в автобус. *

Рассказав об этом, Лев Артемович с волнением продолжил:

—У нас дома во время погрома находился рабочий ваточесального цеха Вазген Айрапетян. Его по приказу участкового обыскали и избили, отобрали все, что нашли в карманах. Затем опять же по знаку участкового скрутили и насильно посадили в грузовую бортовую машину, в которой находились члены НФАз. С тех пор мы ничего не знаем о нем. Куда его дели?

Характерная деталь: в толпе, которая громила квартиру 21, по улице Расул-заде, тупик 3, дом 3, где жила мужской парикмахер Евгения Каспарова, также находился милиционер, который активно участвовал в разбое.

Любопытный штрих к коллективному и индивидуальному портрету «беженцев» из Армении добавляет история преследования, депортации и грабежа квартиры оператора НГДУ Лениннефть Карины Торосян, которая жила в поселке Сабунчи, по улице Маяковского, 9. Почти главным действующим лицом среди тех, кто издевался над ней, был «обездоленный» владелец красного «Запорожца» с номерными знаками Я-63-15АГ, обитатель квартиры 64, по улице Суворова, 24, в 5-м микрорайоне. Наличие квартиры и машины отнюдь не помешали ему участвовать в грабеже армянской квартиры в совершенно противоположном конце города. Зачем? Чтобы принести к себе домой пару кусков мыла или золотую цепочку, снятую с шеи очередной жертвы?

Но вернемся к тому, что пришлось испытать Карине Альбертовне. Соседи не давали ей покоя, обзывали, бросали вслед камни, подбрасывали записки, писали на дворах, угрожали. Текст был одинаковый: «Убирайся из нашего двора, армянская тварь, пока жива, даем тебе два дня срока, потом тебя убьют», или «Армянская тварь, тебе здесь не место, ты ждешь, чтобы тебя убили». Беженцы из Армении показывали на ее окна и категорически запрещали начинать с ней обмен, обещали и так выгнать. Карине пришлось скитаться по знакомым. Однажды ее избили в электричке—все началось с того, что она читала газету на русском языке. Спросили паспорт, вытащили из салона и стали бить. 13 января орало: «Армянская гнида, выходи, все равно тебя убьем». Спасителями от самосуда толпы стали милиционеры, которые провели ее после погрома квартиры сквозь строй и не дали окончательно убить.

В поселке Джапаридзе, в доме 17 жила семья Степанян. Маро и Баграт были пенсионерами, сын Вячеслав работал электромонтером и шофером на Азербайджанской железной дороге до увольнения в октябре 1988 года. 10 января представители народного фронта потребовали в течение двух дней освободить квартиру. Но только от себя, а не вещей. Требовался уход без ничего, налегке. 12 января в дом ворвались человек 70—80. Они крушили мебель, все понравившееся грузили в специально подогнанный автобус, искали ценности. Но этого было им мало: они начали зверски избивать отца на глазах сына, сына—на глазах отца. Вырывали плоскогубцами волосы на голове, заставляли лежать лицом вниз, в лужах. Затем обоих увезли на желтом «Москвиче» в поселок Бюль-бюли, к озеру. Вытащили их из машины с намерением утопить. Потом отказались от этого, посчитав, как они выразились, что «эти армяне сдохнут быстро». Посадили в машину, привезли в Раманы. О дальнейшем рассказывает Вячеслав Багратович:

—Приставили к левому виску—пистолет, к шее—нож с требованием сказать, где спрятал оружие. Сняли перстень с пальца. Открыли багажник, вытащили ведро и шланг, хотели нас с отцом живыми сжечь, но увидели, что бензина мало, повезли в поселок Джапаридзе в участковый пункт. Подсунули какую-то расписку, мы даже не поняли, какую, заставили подписать. После этого привезли в Орджоникидзевский РОВД, посадили нас в изолятор по обвинению в «спекуляции» помидорами. Через 4 дня в автобусе отвезли в морской порт.

И еще один бакинский поселок—Лок-батан. Поселок

нефтяников. Центральная улица поселка—проспект Ленина. В доме 25, квартиру 7 занимал оператор по добыче нефти **Абел Шахзадянц**. Вернее таковым он был до ноября 1989 года, когда его уволили. Каждая вахта была опасной: коллеги-азербайджанцы предупреждали, что выбросят из катера, на котором нефтяники выезжают на морские промыслы. 16 января в 11 часов ворвались домой. Избили и выгнали из квартиры. В Карадагском РОВД отобрали паспорт. Когда в Приморске старый нефтяник обратился к начальнику отделения милиции подполковнику **Расулову** с просьбой пресечь бесчинства, он беспомощно развел руками, сказав, что бессилён что-либо сделать, власть принадлежит народному фронту, и он, со своими подчиненными должен им подчиниться. Из дома в тот вечер увели заодно со всеми и русскую невестку—**Раису Мокроусову**, оператора по исследованию скважин цеха автоматизации НГДУ имени 26 бакинских комиссаров. Словом, не разбирая, всех гребли под одну гребенку.

На этой же улице квартиру 19, в доме 43 занимал **Карлен Саркисян**, директор подсобного хозяйства ИТК №19. 14 января к их дому подъехала грузовая машина с громкоговорителем, по которому объявлялось, что армяне должны выходить из своих квартир на улицу с тем, чтобы их сжечь. Запер свою квартиру **Карлен Григорьевич** и с дочерью и женой убежал к соседям, в дом напротив. Из окна видел, как громили его квартиру, выбрасывали с балкона вещи. Звонил в Карадагский РОВД, там ответили, что не могут помочь ввиду того, что нет людей. За семьей **Саркисян** позднее заехала военная машина, они не имели права больше подвергать опасности соседей. Также военные спасли от позора 16-летнюю дочь русской женщины **Клавдии Айрапетянц—Мадлену**, когда бандиты, ворвавшись в ее квартиру, по улице Торговая 3/13, хотели изнасиловать девушку. Причем участковый, видя сцену, никак не препятствовал преступлению.

14 января при погроме квартиры в этом поселке по адресу II переулок Ленина, дом 1, квартира 35 военные вырвали из рук бандитов **Светлану Газарян** и увезли вначале в воинскую часть, потом к парому. Интерес представляет рассказ продавщицы универсама «Бакы» об отношении к ней сослуживцев:

—Меня выгоняли с работы еще осенью. Я пошла на прием к первому секретарю Бакинского горкома партии **Муслюму Мамедову**, он выслушал меня и сказал, чтобы я ни о чем не беспокоилась и опять пошла на работу. 11 ян-

варя ко мне подошла одна моя сослуживица и сказала: «Эй, ты, армянка, еще работаешь?» Своим криком она собрала вокруг себя много людей и стала кричать: «Бейте ее, убейте ее. Вы не мужчины, вы не люди, почему она еще здесь, среди нас работает». Все вокруг стояли и смотрели на меня, как в зоопарке. Потом сказали: «Если сейчас же не уедешь, убьем». Так я распрощалась с работой. Слово первого секретаря оказалось всего лишь легким сотрясением воздуха.

В эти дни имели вес только слова представителей народного фронта, а они были жестки и неумолимы. «Никто не должен помогать армянам, убьем всех, кто поможет». Этот волчий закон правил как везде, так и в Лок-батане. Русский муж не мог помочь жене-армянке. Именно по такой драматической схеме в поселке развивались события в семье **Титовых** по адресу 28 Апреля, дом 14, квартира 4. 14 января, когда толпы стали расходиться после митинга и пошли громить армянские квартиры, **Стелла Манучаровна** с детьми убежала к своей русской подруге **Тане**. Бандиты с точным списком всех членов семьи ворвались в дом и поставили ультиматум ее мужу: «Пусть твои жена и дети убираются, пока не поздно, увидим—убьем».

Словом, Лок-батан ничем не отличался от любой точки города. Везде лилась кровь. Всюду вершилось насилие. Наступил паралич официальной власти. Власть во зло и кровопролитие употребили те, у кого она реально находилась в руках. И никто не хотел защитить честь, достоинство, жизнь безвинных людей. Нечеловеческие, жуткие условия депортации только усугубили трагедию.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ ПО-БАКИНСКИ. ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.

Эта работа не окончена. Она не может быть завершена хотя бы потому, что каждый день высвечивает новые судьбы. И если отталкиваться от известной в статистике цифры—двухсот тысяч бакинских армян, то в нашем труде обозначена трагедия лишь 550 человек, составляющих, как нетрудно посчитать, четвертушку одного процента от этого числа. И, можно сказать, что, написав книгу, мы почти ничего не сказали о том, что произошло.

Резня армян в Баку 13—19 января 1990 года уже стала историей. Прошел год. Кто наказал преступников? Кто назвал поименно всех умерших? На фоне идущих в Оше процессов над убийцами особенно четко прослеживается

желание похоронить даже саму память о бакинской мясорубке. Или извратить суть событий таким образом, чтобы жертвы погромов стали основными виновниками происшедшего. Этому в значительной степени способствует полное отсутствие у современных публицистов и будущих исследователей как фактического материала, так и источниковедческой базы. Скрупулезно, собрав малую часть документальных свидетельств, мы хотели хоть в микростепени восполнить данный пробел.

Мир уводят от истины тенденциозные сообщения в пожарно-крикливом исполнении журналистов соседней республики о действиях армянских «боевиков», «экстремистов», «националистов», «террористов». Они имеют цель заставить людей забыть правду, размыть ее лавиной антиармянской истерии. Но есть факты. Живые и мертвые люди. Жертвы «интернационализма». Интернационализма по-бакински. А в чем его суть, думаем, убедится каждый, кто не сочтет за труд прочитать наше повествование.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана, т. I, Б., 1985, с. 381.
- ² Бакинский рабочий, 1990, 13 марта.
- ³ Комсомольская правда, 1990, 2 июня.
- ⁴ Азадлыг, 1990, 14 января.
- ⁵ Новая жизнь (независимая социал-демократическая газета), 1990, №5 (14).
- ⁶ Библия. Книги Ветхого Завета. Вторая книга Моисеева. Исход, глава третья, М., 1968, с. 59.
- ⁷ Армянский вестник, 1990, №1 (3).
- ⁸ Дружба народов, 1989, №11, с. 210.
- ⁹ Там же, с. 211.
- ¹⁰ Там же, с. 213.
- ¹¹ Там же, с. 210.
- ¹² Бакинский рабочий, 1990, 24 марта.
- ¹³ Издательство «Элм», Баку, 1989, с. 92.
- ¹⁴ Там же, с. 4.
- ¹⁵ Азербайджан гянджляри, 1990, 9 сентября.
- ¹⁶ Комсомольская правда, 1990, 30 января.
- ¹⁷ Известия, 1990, 16 января.
- ¹⁸ Там же, 18 января.

- ¹⁹ Там же, 19 января.
- ²⁰ Союз, 1990, 19 мая.
- ²¹ ЛГ—Досье, 1990, март, с. 12.
- ²² Там же, с. 3.
- ²³ Литературная газета, 1990, 14 марта.
- ²⁴ Правда, 1990, 25 января.
- ²⁵ Молодежь Грузии, 1990, 2 марта.
- ²⁶ Бакинский рабочий, 1990, 8 мая.
- ²⁷ Вышка, 1990, 27 марта.
- ²⁸ Там же, 1990, 30 марта.
- ²⁹ Бакинский рабочий, 1990, 29 марта.
- ³⁰ Там же, 1990, 16 января.
- ³¹ Там же.
- ³² Черный январь, Б., 1990, с. 52.
- ³³ Бакинский рабочий, 1990, 5 мая.
- ³⁴ Черный январь, с. 13.
- ³⁵ Там же, с. 12.
- ³⁶ Микаелян В. А., Мирзоян С. С. Участие армян в экономической жизни Восточного Закавказья (вторая половина XIX—первые десятилетия XX века). Вестник общественных наук АН Армении, 1990, №2, сс. 74—81.
- ³⁷ Центральный государственный исторический архив Армении, ф. 196, оп. 1, д. 23, лл. 26—31.
- ³⁸ Газета «Каспий», 1914, №136.
- ³⁹ Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана, Б., с. 108.
- ⁴⁰ Впервые очерк вышел отдельной брошюрой, книгоиздательство «Амиран» (Ал. Арабидзе), Санкт-Петербург, 1906.
- ⁴¹ Даются старые наименования городов.
- ⁴² Из прошлого. Статьи и воспоминания из истории Бакинской организации и рабочего движения в Баку, Б., 1923.
- ⁴³ Б. Ишханян. Великие ужасы в городе Баку, Тб., 1920, с. 6.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же, с. 7.
- ⁴⁶ Там же, с. 4.
- ⁴⁷ Правда, 1990, 17 мая.
- ⁴⁸ Б. Ишханян. Великие ужасы в городе Баку, с. 11.
- ⁴⁹ События вокруг НКАО в кривом зеркале фальсификаторов. Б., 1989, с. 71.
- ⁵⁰ А. К. Дживелегов. Армения и Турция, Л., 1948, с. 18.
- ⁵¹ Бакинский рабочий, 1990, 22 июля.
- ⁵² Комсомольская правда, 1990, 3 июля.
- ⁵³ Б. Ишханян. Великие ужасы в городе Баку, с. 27.
- ⁵⁴ Дословно.
- ⁵⁵ Коммунист, 1990, 16 января.
- ⁵⁶ Военно-исторический журнал, 1990, №7.
- ⁵⁷ Союз, 1990, №19, с. 12.
- ⁵⁸ Комсомольская правда, 1990, 2 июня.

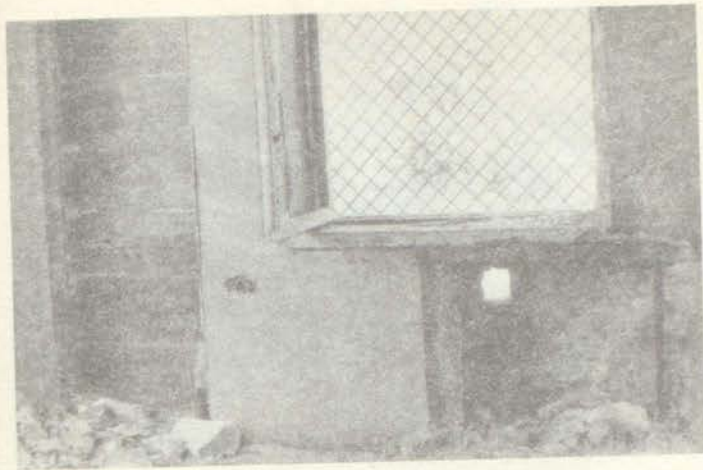
- ⁵⁹ Коммерсант, 1990, №27, с. 13.
⁶⁰ Новая жизнь, 1990, №5 (14), с. 3.
⁶¹ Военно-исторический журнал, 1990, №7.
⁶² Литературная газета, 1990, 23 мая.
⁶³ Коммерсант, 1990, №30, с. 13.
⁶⁴ Аттимимас («Согласие»), 1989, 30 ноября.
⁶⁵ Известия, 1990, 11 февраля.
⁶⁶ См.: А. Мансуров, Белые пятна истории и перестройка. Б., 1990, с. 193
⁶⁷ Коммунист, 1990, 18 августа.
⁶⁸ Коммунист, 1990, 19 июня.
⁶⁹ Страна и мир. Общественно-политический и культурно-философский журнал. Мюнхен, 1990, №1 (55).
⁷⁰ Литературная газета, 1990, 8 августа.
⁷¹ Коммунист, 1990, 15 августа.
⁷² В дальнейшем—первый секретарь ЦК КП Армении
⁷³ Теперь-площадь Свободы.
⁷⁴ Коммунист, 1990, 16 января.
⁷⁵ Б. Ишханян. Великие ужасы в городе Баку, с. 52.
⁷⁶ Армянский вестник, 1990, 15 марта
⁷⁷ Огонек, 1990, №14, с. 24.
⁷⁸ Коммунист, 1990, 23 января.
⁷⁹ Авангард, 1990, 21 января.
⁸⁰ Хорурдаин Аястан, 1990, 18 января.
⁸¹ Коммунист, 1990, 24 января.
⁸² Известия, 1990, 19 января.
⁸³ Союз, 1990, №39.
⁸⁴ Материалы по экономической истории Азербайджана к V Международному конгрессу экономической истории, 1970, Б., с. 19.
⁸⁵ ЦГАОР и СС, Армянский фонд, 113, оп. 24, д. 1004, лл. 28—29.
⁸⁶ Республика Армения, 1990, 17 октября.
⁸⁷ Мужчина (азерб.).
⁸⁸ Окраина города, у нового кладбища.
⁸⁹ Мы уже останавливались на том, как выезжали из Еревана соотечественники С. Тагиева.
⁹⁰ Правда, 1990, 3 ноября.
⁹¹ Естественно, теперь тоже бывшей.
⁹² Голос Армении, 1990, 10 апреля.
⁹³ Как стало известно, жизнь Джаваир позднее в Москве трагически оборвалась.
⁹⁴ Революция (азерб.)

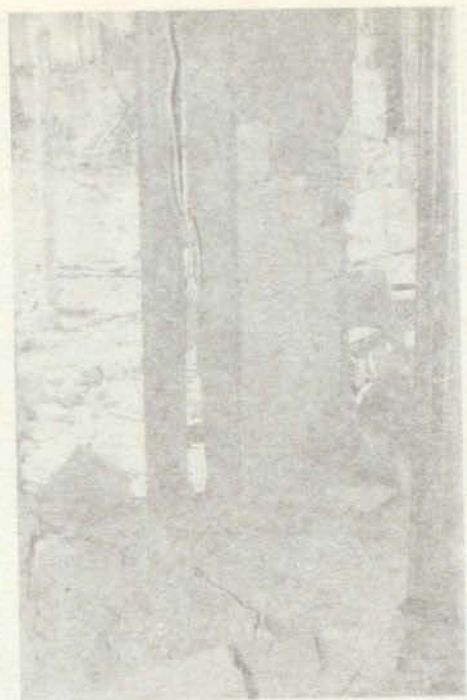
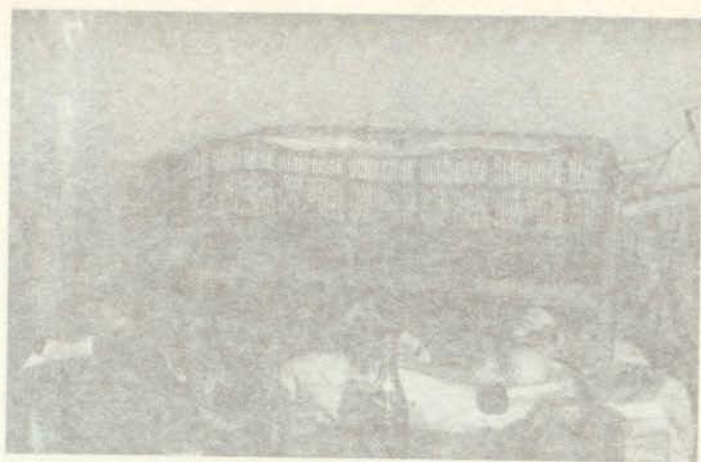
СОДЕРЖАНИЕ:

- ♦ Слово к читателю. ♦ 3
- 7 ♦ Вокруг событий. Штрихи к портретам их вдохновителей. ♦
- ♦ Живая связь времен или хорошо забытое старое. ♦ 51
- 84 ♦ Именем народного фронта Азербайджана: кровь и насилие. ♦
- ♦ «За что нас отдали толпе?» ♦ 125
- 160 ♦ Капкан с видом на море. ♦
- ♦ Случайно живые ♦ 208
- 271 ♦ Интернационализм по-бакински. Вместо послесловия. ♦
- ♦ Примечания ♦ 273

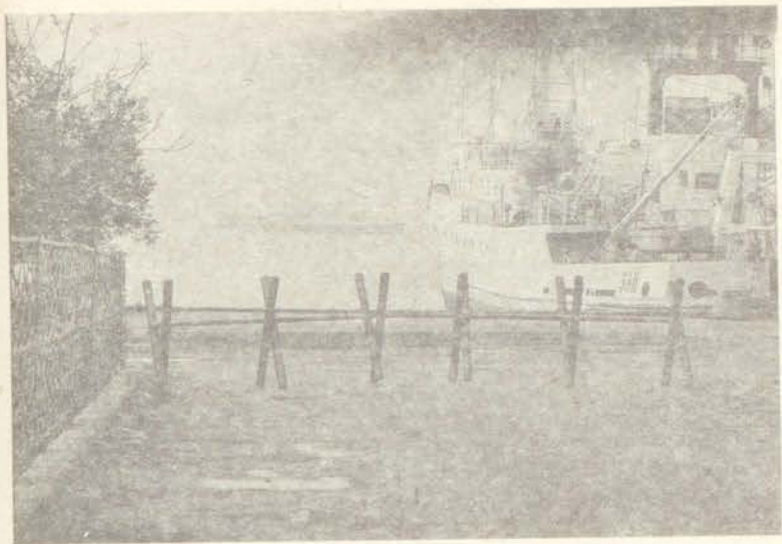
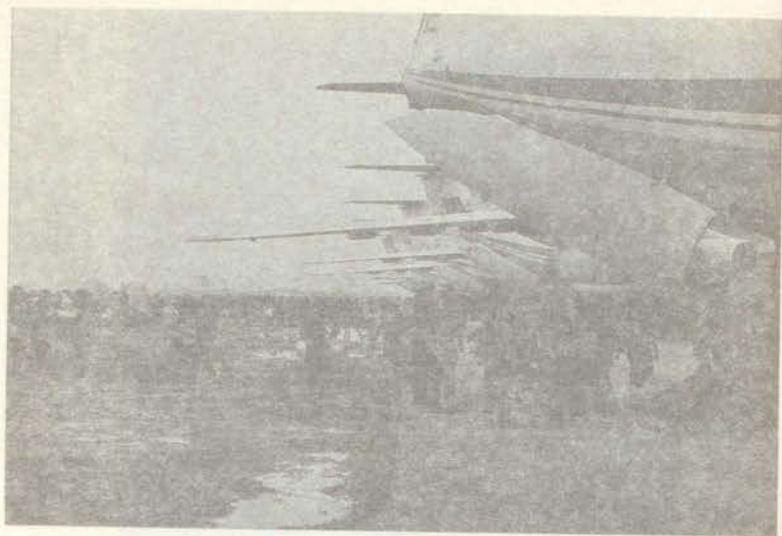

Ирина Михайловна Мосесова
Аида Оксеновна Овнанян

ВАНДАЛИЗМ В БАКУ

Редактор: В. В. Симонян
Художник: Г. А. Мамян
Худ. редактор: Т. М. Сососян
Тех. редактор: Л. М. Торосян
Фото: Н. Александрова, Р. Атаян, М. Шахбазяна
Контрольный корректор: Е. Г. Барсебян

Сдано в набор: 23.XI.90 г.
Подписано к печати: 14.III.91. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага типогр. №1.
Гарнитура «Таймс». Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,12. Уч. изд. л.
16,5+1 вкл. Тираж 30000 (1—2000). Заказ 1944. Цена 8 руб.

Издательство «Гителик», Ереван-10, Абовяна, 8

ТИПОГРАФИЯ ЦВЕТНОЙ ПЕЧАТИ
Комитета по печати Республики Армения
Ереван-114, пр. Адмирала Исакова, 48.